

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://pasternakboris.ru/> Приятного чтения!

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак

Начальная пора. 1912–1914

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать!

Писать о феврале навзрыд,

Пока грохочущая слякоть

Весною черною горит.

Достать пролетку. За шесть гривен,

Чрез благовест, чрез клик колес,

Перенестись туда, где ливень

Еще шумней чернил и слез.

Где, как обугленные груши,

С деревьев тысячи грачей

Сорвутся в лужи и обрушат

Сухую грусть на дно очей.

Под ней проталины чернеют,

И ветер криками изрыт,

И чем случайней, тем вернее

Слагаются стихи навзрыд.

1912

* * *

Как бронзовой золой жаровень,

Жуками сыплет сонный сад.

Со мной, с моей свечою вровень

Миры расцветшие висят.

И, как в неслыханную веру,

Я в эту ночь перехожу,

Где тополь обветшало–серый

Завесил лунную межу,

Где пруд, как явленная тайна,

Где шепчет яблони прибой,

Где сад висит постройкой свайной

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

и держит небо пред собой.

1912, 1928

* * *

Когда за лиры лабиринт

Поэты взор вперят,

Налево развернется Инд,

Правей пойдет Евфрат.

А посреди меж сим и тем

Со страшной простотой

Легенде ведомый Эдем

Взовьет свой ствольный строй.

Он вырастет над пришлецом

И прошумит: мой сын!

Я историческим лицом

Вошел в семью лесин.

Я – свет. Я тем и знаменит,

Что сам бросаю тень.

Я – жизнь земли, ее зенит,

Ее начальный день.

1914

Сон

Мне снилась осень в полусвете стекол,

Друзья и ты в их шутовской гурьбе,

И, как с небес добывший крови сокол,

Спускалось сердце на руку к тебе.

Но время шло, и старилось, и глохло,

И, паволокой рамы серебра,

Заря из сада обдавала стекла

Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,

Как лед, трещал и таял кресел шелк.

Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень, темен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Грядущим бегущих по небу берез.

1913

* * *

Я рос. Меня, как Ганимеда,
Несли ненастья, сны несли.
Как крылья, отрастали беды
И отделяли от земли.

Я рос. И повечерий тканых
Меня фата обволокла.
Напутствуем вином в стаканах,
Игрой печальной стекла,

Я рос, и вот уж жар предплечий
Студит объятие орла.
Дни далеко, когда предтечей,
Любовь, ты надо мной плыла.

Но разве мы не в том же небе?
На то и прелесть высоты,
Что, как себя отпевший лебедь,
С орлом плечо к плечу и ты.

1914

* * *

Все наденут сегодня пальто
И заденут за поросли капель,
Но из них не заметит никто,
Что опять я ненастьями запил.

Засребряются малины листья,
Запрокинувшись кверху изнанкой.
Солнце грустно сегодня, как ты, –
Солнце нынче, как ты, северянка.

Все наденут сегодня пальто,
Но и мы проживем без убытка.
Нынче нам не заменит ничто
Затуманившегося напитка.

1914

Вокзал
Вокзал, несгораемый ящик
Разлук моих, встреч и разлук,
Испытанный друг и указчик,
Начать – не исчислить заслуг.

Бывало, вся жизнь моя – в шарфе,
Лишь подан к посадке состав,
И пышут намордники гарпий,
Парами глаза нам застлав.

Бывало, лишь рядом усядусь –
И крышка. Приник и отник.
Прощай же, пора, моя радость!
Я спрыгну сейчас, проводник.

Бывало, раздвинется запад
В маневрах ненастий и шпал
И примется хлопьями цапать,
Чтоб под буфера не попал.

И глохнет свисток повторенный,
А издали вторит другой,
И поезд метет по перронам
Глухой многогорбой пургой.

И вот уже сумеркам невтерпь,
И вот уж, за дымом вослед,
Срываются поле и ветер, –
О, быть бы и мне в их числе!

1913

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Венеция
Я был разбужен спозаранку

Щелчком оконного стекла.

Размокшей каменной баранкой

В воде Венеция плыла.

Все было тихо, и, однако,

Во сне я слышал крик, и он

Подобьем смолкнувшего знака

Еще тревожил небосклон.

Он вис трезубцем скорпиона

Над гладью стихших мандолин

И женщиною оскорбленной,

Быть может, издан был вдали.

Теперь он стих и черной вилкой

Торчал по черенок во мгле.

Большой канал с косою ухмылкой

Оглядывался, как беглец.

Вдали за лодочной стоянкой

В остатках сна рождалась явь.

Венеция венецианкой

Бросалась с набережных вплавь.

1913, 1928

Зима

Прижимаюсь щекою к воронке

Завитой, как улитка, зимы.

«По местам, кто не хочет – к сторонке!»

Шумы-шорохи, гром кутерьмы.

«Значит – в “море волнуется”?»

В повесть,

Завивающуюся жгутом,

Где вступают в черед, не готовясь?

Значит – в жизнь? Значит – в повесть о том,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Как нечаян конец? Об уморе,

Смехе, сутолоке, беготне?

Значит – вправду волнуется море

И стихает, не справясь о дне?»

Это раковины ли гуденье?

Пересуды ли комнат-тихонь?

Со своей ли поссорившись тенью,

Громыхает заслонкой огонь?

Поднимаются вздохи отдушн

И осматриваются – и в плач.

Черным храпом карет перекушен,

В белом облаке скачет лихач.

И невыполотые заносы

На оконный ползут парапет.

За стаканчиками купороса

Ничего не бывало и нет.

1913, 1928

Пиры

Пью горечь тубероз, небес осенних горечь

И в них твоих измен горящую струю.

Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ,

Рыдающей строфы сырую горечь пью.

Исчадья мастерских, мы трезвости не терпим,

Надежному куску объявлена вражда.

Тревожный ветр ночей – тех здравиц виночерпьем,

Которым, может быть, не сбыться никогда.

Наследственность и смерть – застольцы наших трапез.

И тихую зарей – верхи дерев горят –

В сухарнице, как мышь, копается анапест,

И Золушка, спеша, меняет свой наряд.

Полы подметены, на скатерти – ни крошки,

Как детский поцелуй, спокойно дышит стих,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И Золушка бежит – во дни удач на дрожках,
А сдан последний грош, – и на своих двоих.

1913

* * *

Встав из грохочущего ромба
Передрассветных площадей,
Напев мой опечатан пломбой
Неизбываемых дождей.

Под ясным небом не ищите
Меня в толпе сухих коллег.
Я смок до нитки от наитий,
И север с детства мой ночлег.

Он весь во мгле и весь – подобье
Стихами отягченных губ,
С порога смотрит исподлобья,
Как ночь, на объясненья скуп.

Мне страшно этого субъекта,
Но одному ему вдогад,
Зачем ненареченный некто, –
Я где-то взят им напрокат.

1914

Зимняя ночь
Не поправить дня усилиями светилен,
Не поднять теням крещенских покрывал.
На земле зима, и дым огней бессилен
Распрямить дома, полегшие вповал.

Булки фонарей и пышки крыш, и черным
По белу в снегу – косяк особняка:
Это – барский дом, и я в нем гувернером.
Я один, я спать уснул ученика.

Никого не ждут. Но – наглухо портьеру.
Тротуар в буграх, крыльцо замечено.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Память, не ершись! Срастись со мной! Уверуй

И уверь меня, что я с тобой – одно.

Снова ты о ней? Но я не тем взволнован.

Кто открыл ей сроки, кто навел на след?

Тот удар – исток всего. До остального,

Милостью ее, теперь мне дела нет.

Тротуар в буграх. Меж снеговых развилин

Вмерзшие бутылки голых черных льдин.

Булки фонарей, и на трубе, как филин,

Потонувший в перьях, нелюдимый дым.

1913

Поверх барьеров. 1914–1916

Петербург

Как в пулю сажают вторую пулю

Или бьют на пари по свечке,

Так этот раскат берегов и улиц

Петром разряжён без осечки.

О, как он велик был! Как сеткой конвульсий

Покрылись железные щеки,

Когда на Петровы глаза навернулись,

Слезя их, заливы в осоке!

И к горлу балтийские волны, как комья

Тоски, подкатали; когда им

Забвенье владело; когда он знакомил

С империей царство, край – с краем.

Нет времени у вдохновенья. Болото,

Земля ли, иль море, иль лужа, –

Мне здесь сновиденье явилось, и счеты

Сведу с ним сейчас же и тут же.

Он тучами был, как делами, завален.

В ненастья натянутый парус

Чертежной щетиною ста готовален

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Врезалась царская ярость.

В дверях, над Невой, на часах, гайдуками,
Века пожирая, стояли
Шпалеры бессонниц в горячем гаме
Рубанков, снастей и пицалей.

И знали: не будет приема. Ни мамок,
Ни дядек, ни бар, ни холопей,
Пока у него на чертежный подрамник
Надеты таежные топи.

Волны толкутся. Мостки для ходьбы.
Облачно. Небо над буюм, залитым
Мутью, мешает с толченым графитом
Узких свистков паровые клубы.

Пасмурный день растерял катера.
Снасти крепки, как раскуренный кнастер.
Дегтем и доками пахнет ненастье
И огурцами – баркасов кора.

С мартовской тучи летят паруса
Наоткось, мокрыми хлопьями в слякоть,
Тают в каналах балтийского шлака,
Тлеют по черным следам колеса.

Облачно. Щелкает лодочный блок.
Пристани бьют в ледяные ладоши.
Гулко булыжник обрушивши, лошадь
Глухо въезжает на мокрый песок.

* * *

Чертежный рейсфедер
Всадника медного
От всадника – ветер
Морей унаследовал.

Каналы на прибыли,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Нева прибывает.

Он северным грифелем
Наносит трамваи.

Попробуйте, лягте-ка
Под тучею серой,
Здесь скачут на практике
Поверх барьеров.

И видят окраинцы:
За Нарвской, на Охте,
Туман продирается,
Отодранный ногтем.

Петр машет им шляпою,
И плещет, как прапор,
Пурги расцарапанный,
Надорванный рапорт.

Сограждане, кто это,
И кем на терзанье
Распущены по ветру
Полотнища зданий?

Как план, как ландкарту
На плотном папирусе,
Он город над мартом
Раскинул и выбросил.

* * *
Тучи, как волосы, встали дыбом
Над дымной, бледной Невою.
Кто ты? О, кто ты? Кто бы ты ни был,
Город – вымысел твой.

Улицы рвутся, как мысли, к гавани
Черной рекой манифестов.
Нет, и в могиле глухой, и в саване
Ты не нашел себе места.

Волн наводнения не удержишь сваями.

Речь их, как кисти слепых повитух.

Это ведь бредишь ты, неменяемый,

Быстро бормочешь вслух.

1915

Зимнее небо

Цельною льдиной из дымности вынут

Ставший с неделю звездный поток.

Клуб конькобежцев вверху опрокинут:

Чокается со звонкою ночью каток.

Реже-реже-ре-же ступай, конькобежец,

В беге ссекая шаг свысока.

На повороте созвездьем врежется

В небо Норвегии скрежет конька.

Воздух окован мерзлым железом.

О, конькобежцы! Там – все равно,

Что, как глаза со змеиным разрезом,

Ночь на земле, и как кость домино;

Что языком обомлевшей легавой

Месяц к скобе примерзает; что рты,

Как у фальшивомонетчиков, – лавой

Дух захватившего льда налиты.

1915

Душа

О вольноотпущенница, если вспомнится,

О, если забудется, пленница лет.

По мнению многих, душа и паломница,

По-моему – тень без особых примет.

О, в камне стиха, даже если ты канула,

Утопленница, даже если – в пыли,

Ты бьешься, как билась княжна Тараканова,

Когда февралем залило равелин.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

О внедренная! Хлопоча об амнистии,
Кляня времена, как клянут сторожей,
Стучатся опавшие годы, как листья,
В садовую изгородь календарей.

1915

* * *

Не как люди, не еженедельно,
Не всегда, в столетье раза два
Я молил тебя: членораздельно
Повтори творящие слова!

И тебе ж невыносимы смеси
Откровений и людских неволь.
Как же хочешь ты, чтоб я был весел?
С чем бы стал ты есть земную соль?

1915

Метель
1

В посаде, куда ни одна нога
Не ступала, лишь ворожеи да вьюги
Ступала нога, в бесноватой округе,
Где и то, как убитые, спят снега, –

Постой, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, лишь ворожеи
Да вьюги ступала нога, до окна
Дохлестнулся обрывок шальной шлеи.

Ни зги не видать, а ведь этот посад
Может быть в городе, в Замоскворечьи,
В Замостьи, и прочая (в полночь забредший
Гость от меня отшатнулся назад).

Послушай, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, одни душегубы,
Твой вестник – осиновый лист, он безгубый,
Безгласен, как призрак, белей полотна!

Метался, стучался во все ворота,
Кругом озирался, смерчком с мостовой..
– Не тот это город, и полночь не та,
И ты заблудился, ее вестовой!

Но ты мне шепнул, вестовой, неспроста.
В посаде, куда ни один двуногий..
Я тоже какой-то... я сбился с дороги.
– Не тот это город, и полночь не та.

2

Все в крестиках двери, как в Варфоломееву
Ночь. Распоряженья пурги-заговорщицы:
Заваливай окна и рамы заклеивай,
Там детство рождественской елью топорщится.

Бушует бульваров безлиственных заговор.
Они поклялись извести человечество.
На сборное место, город! За́ город!
И вьюга дымится, как факел над нечистью.

Пушинки непрошено велятся на руки.
Мне страшно в безлюдьи пороши разнузданной.
Снежинки снуют, как ручные фонарики.
Вы узнаны, ветки! Прохожий, ты узнан!

Дыра полыньи, и мерещится в музыке
Пурги: – Колиньи, мы узнали твой адрес! –
Секиры и крики: – Вы узнаны, узники
Уюта! – и по́ двери мелом – крест-накрест.

Что лагерем стали, что подняты на ноги
Подонки творенья, метели – сполáгоря.
Под праздник отправятся к праотцам правнуки.
Ночь Варфоломеева. За город, за город!

1914, 1928

Урал впервые

Во всем мне хочется дойти до самой сути.. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти,

На ночь натываясь руками, Урала
Твердыня орала и, падая замертво,
В мученьях ослепшая, утро рожала.

Гремя опрокидывались нечаянно задетые
Громады и бронзы массивов каких-то.
Пыхтел пассажирский. И, где-то от этого
Шарахаясь, падали призраки пихты.

Коптивший рассвет был снотворным. Не иначе:
Он им был подсыпан – заводам и горам –
Лесным печником, злозязычным Горынычем,
Как опий попутчику опытным вором.

Очнулись в огне. С горизонта пунцового
На лыжах спускались к лесам азиатцы,
Лизали подошвы и соснам подсовывали
Короны и звали на царство венчаться.

И сосны, повстав и храня иерархию
Мохнатых монархов, вступали
На устланный наста оранжевым бархатом
Покров из камки и сусали.

1915

Ледоход
Еще о всходах молодых
Весенний грунт мечтать не смеет.
Из снега выкатив кадык,
Он берегом речным чернеет.

Заря, как клещ, впилась в залив,
И с мясом только вырвешь вечер
Из топи. Как плотолюбив
Простор на севере зловещем!

Он солнцем давится взаглот
И тащит эту ношу по мху.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Он шлепает ее об лед
И рвет, как розовую семгу.

Капéль до половины дня,
Потом, морозом землю скомкав,
Гремит плавучих льдин резня
И поножовщина обломков.

И ни души. Один лишь хрип,
Тоскливый лязг и стук ножовый,
И сталкивающихся глыб
Скрежещущие пережевы.

1916

* * *

Я понял жизни цель и чту
Ту цель, как цель, и эта цель –
Признать, что мне неважно
Мириться с тем, что есть апрель,

Что дни – кузнечные мехи
И что растекся полосой
От ели к ели, от ольхи
К ольхе, железный и косою,

И жидкий, и в снега дорог,
Как уголь в пальцы кузнеца,
С шипеньем впившийся поток
Зари без края и конца.

Что в берковец церковный зык,
Что взят звонарь в весовщики,
Что от капели, от слезы
И от поста болят виски.

1915

Весна

1

Что почек, что клейких заплывших огарков

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Налеплено к веткам! Затеplen Апрель.

Возмужалостью тянет из парка,
И реплики леса окрепли.

Лес стянут по горлу петлею пернатых
Гортаней, как буйвол арканом,
И стонет в сетях, как стенает в сонатах
Стальной гладиатор органа.

Поэзия! Греческой губкой в присосках
Будь ты, и меж зелени клейкой
Тебя б положил я на мокрую доску
Зеленой садовой скамейки.

Расти себе пышные брыжи и фижмы,
Вбирай облака и овраги,
А ночью, поэзия, я тебя выжму
Во здравие жадной бумаги.

2

Весна! Не отлучайтесь
К реке на прорубь. В городе
Обломки льда, как чайки,
Плывут, крича с три короба.

Земля, земля волнуется,
И под мостов пролеты
Затопленные улицы
Сливают нечистоты.

По ним плывут, как спички,
Сквозь холод ледохода
Сады и электрички
И не находят броду.

От кружки синевы со льдом,
От пены буревестников
Вам дурно станет. Впрочем, дом

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Кругом затоплен песнью.

И бросьте размышлять о тех,
Кто выехал рыбачить.
По городу гуляет грех
И ходят слезы падших.

З

Разве только грязь видна вам,
А не скачет таль в глазах?
Не играет по канавам –
Словно в яблоках рысак?

Разве только птицы цедят,
В синем небе щебеча,
Ледяной лимон обеден
Сквозь соломину луча?

Оглянись и ты увидишь
До зари, весь день, везде,
С головой Москва, как Китеж,
В светло-голубой воде.

Отчего прозрачны крыши
И хрустальны колера?
Как камыш, кирпич колыша,
Дни несутся в вечера.

Город, как болото, топок,
Струпья снега на счету,
И февраль горит, как хлопок,
Захлебнувшийся в спирту.

Белым пламенем измучив
Зоркость чердаков, в косом
Переплете птиц и сучьев –
Воздух гол и невесом.

В эти дни теряешь имя,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Толпы лиц сшибают с ног.

Знай, твоя подруга с ними,

Но и ты не одинок.

1914

Ивака

Коккошник нахлобучила

Из низок ливня – паросль.

Футляр дымится тучею

В ветвях горит стеклярус.

И на подушке плюшевой

Сверкает в переливах

Разорванное кружево

Деревьев говорливых.

Сережек аметистовых

И шишек из сапфира

Нельзя и было выставить,

Из-под земли не вырыв.

Чтоб горы очаровывать

В лиловых мочках яра,

Их вынули из нового

Уральского футляра.

1916, 1928

Стрижи

Нет сил никаких у вечерних стрижей

Сдержать голубую прохладу.

Она прорвалась из горластых грудей

И льется, и нет с нею сладу.

И нет у вечерних стрижей ничего,

Чтоб там, наверху, задержало

Витийственный возглас их: о, торжество,

Смотрите, земля убежала!

Как белым ключом закипая в котле,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Уходит бранчливая влага, –

Смотрите, смотрите – нет места земле

От края небес до оврага.

1915

После дождя

За окнами давка, толпится листва,

И палое небо с дорог не подобрано.

Все стихло. Но что это было сперва!

Теперь разговор уж не тот и по-доброму.

Сначала все опрометью, вразноряд

Ввалилось в ограду деревья развенчивать.

И попраным парком из ливня – под град,

Потом от сараев – к террасе бревенчатой.

Теперь не надышишься крепью густой.

А то, что у тополя жилы полопались, –

Так воздух садовый, как соды настой,

Шипучкой играет от горечи тополя.

Со стекол балконных, как с бедер и спин

Озябших купальщиц, – ручьями испарина.

Сверкает клубники мороженный клин,

И градинки стелются солью поваренной.

Вот луч, покатайся с паутины, залег

В крапиве, но, кажется, это ненадолго,

И миг недалек, как его уголек

В кустах разожжется и выдует радугу.

1915

Импровизация

Я клавишей стаю кормил с руки

Под хлопанье крыльев, плеск и клекот.

Я вытянул руки, я встал на носки,

Рукав завернулся, ночь терлась о локоть.

И было темно. И это был пруд

И волны. – И птиц из породы люблю вас,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Казалось, скорей умертвят, чем умрут
Крикливые, черные, крепкие клювы.

И это был пруд. И было темно.
Пылали кубышки с полуночным дегтем.
И было волною обглодано дно
У лодки. И грызлись птицы у локтя.

И ночь полоскалась в гортанях запруд.
Казалось, покамест птенец не накормлен,
И самки скорей умертвят, чем умрут
Рулады в крикливом, искривленном горле.

1915

На пароходе
Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

Гремели блюда у буфетчика.
Лакей зевал, сочтя судки.
В реке, на высоте подсвечника,
Кишмя кишели светляки.

Они свисали ниткой искристой
С прибрежных улиц. Било три.
Лакей салфеткой тщился выскрести
На бронзу всплывший стеарин.

Седой молвой, ползущей исстари,
Ночной былиной камыша
Под Пермь, на бризе, в быстром бисере
Фонарной ряби Кама шла.

Волной захлебываясь, на волос
От затопленья, за суда
Ныряла и светильней плавала

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
В лампаде камских вод звезда.

На пароходе пахло кушаньем
И лаком цинковых белил.
По Каме сумрак плыл с подслушанным,
Не пророня ни всплеска, плыл.

Держа в руке бокал, вы суженным
Зрачком следили за игрой
Обмолвок, вившихся за ужином,
Но вас не привлекал их рой.

Вы к былям звали собеседника,
К волне до вас прошедших дней,
Чтобы последнею отцединкой
Последней капли кануть в ней.

Был утренник. Сводило челюсти,
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет.

И утро шло кровавой банею,
Как нефть разлившейся зари,
Гасить рожки в кают-компани
И городские фонари.

1916

Из поэмы (Два отрывка)

1

Я тоже любил, и дыханье
Бессонницы раннею ранью
Из парка спускалось в овраг, и впотьмах
Выпархивало на архипелаг
Полян, утопавших в лохматом тумане,
В полыни и мяте и перепелах.
И тут тяжелел обожанья размах,
И бухался в воздух, и падал в ознобе,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И располагался росой на полях.

А там и рассвет занимался. До двух
Несметного неба мигали богатства,
Но вот петухи начинали пугаться
Потемок и силились скрыть перепуг,
Но в глотках рвались холостые фугасы,
И страх фистулой голосил от потуг,
И гасли стожары, и, как по заказу,
С лицом пучеглазого свечегаса
Показывался на опушке пастух.

Я тоже любил, и она пока еще
Жива, может стать. Время пройдет,
И что-то большое, как осень, однажды
(Не завтра, быть может, так позже когда-нибудь)
Зажжется над жизнью, как зарево, сжалившись
Над чащей. Над глупостью луж, изнывающих
По-жабы от жажды. Над заячьей дрожью
Лужаек, с ушами ушитых в рогожу
Листвы прошлогодней. Над шумом, похожим
На ложный прибой прожитого. Я тоже
Любил, и я знаю: как мокрые пожни
От века положены году в подножье,
Так каждому сердцу кладется любовью
Знобящая новость миров в изголовье.

Я тоже любил, и она жива еще.
Все так же, катясь в ту начальную рань,
Стоят времена, исчезая за краешком
Мгновенья. Все так же тонка эта грань.
По-прежнему давнее кажется давешним.
По-прежнему, схлынувши с лиц очевидцев,
Безумствует быль, притворяясь незнающей,
Что больше она уж у нас не жилица.
И мыслимо это? Так, значит, и впрямь

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Всю жизнь удаляется, а не длится
Любовь, удивленья мгновенная дань?

1916, 1928

2

Я спал. В ту ночь мой дух дежурил.
Раздался стук. Зажегся свет.
В окно врывалась повесть бури.
Раскрыл, как был, – полуодет.

Так тянет снег. Так шепчут хлопья.
Так шепелявят рты примет.
Там подлинник, здесь – бледность копий.
Там все в крови, здесь крови нет.

Там, озаренный, как покойник,
С окна блужданьем ночника,
Сиреню моет подоконник
Продрогший абрис ледника.

И в ночь женеvскую, как в косы
Южанки, югом вплетены
Огни рожков и абрикосы,
Оркестры, лодки, смех волны.

И, будто вороша каштаны,
Совком к жаровням в кучу сгреб
Мужчин – арак, а горожанок –
Иллюминированный сироп.

И говор долетает снизу.
А сверху, задыхаясь, вяз
Бросает в трепет холст маркизы
И ветки вчерчивает в газ.

Взгляни, как Альпы лихорадит!
Как верен дому каждый шаг!
О, будь прекрасна, Бога ради,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

О, Бога ради, только так.

Когда ж твоя стократ прекрасней

Убийственная красота

И только с ней и до утра с ней

Ты отчуждением облита,

То атропин и беладонну

Когда-нибудь в тоску вкропив,

И я, как ты, взгляну бездонно,

И я, как ты, скажу: терпи.

1916

Марбург

Я вздрагивал. Я загорался и гас.

Я трясся. Я сделал сейчас предложение, –

Но поздно, я сдрейфил, и вот мне – отказ,

Как жаль ее слез! Я святого блаженней!

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен

Вторично родившимся. Каждая малость

Жила и, не ставя меня ни во что,

В прощальном значеньи своем подымалась.

Плитняк раскалялся, и улицы лоб

Был смугл, и на небо глядел исподлобья

Бульжник, и ветер, как лодочник, греб

По липам. И все это были подобья.

Но, как бы то ни было, я избегал

Их взглядов. Я не замечал их приветствий.

Я знать ничего не хотел из богатств.

Я вон вырывался, чтоб не разреветься.

Инстинкт прирожденный, старик-подхалим,

Был невыносим мне. Он крался бок о бок

И думал: «Ребьячья зазноба. За ним,

К несчастью, придется присматривать в оба».

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

«Шагни, и еще раз», – твердил мне инстинкт

И вел меня мудро, как старый схоластик,

Чрез девственный, непроходимый тростник

Нагретых деревьев, сирени и страсти.

«Научись шагом, а после хоть в бег», –

Твердил он, и новое солнце с зенита

Смотрело, как сызнава учат ходьбе

Туземца планеты на новой планиде.

Одних это все ослепляло. Другим –

Той тьмою казалось, что глаз хоть выколи.

Копались цыплята в кустах георгин,

Сверчки и стрекозы, как часики, тикали.

Плыла черепица, и полдень смотрел,

Не смаргивая, на кровли. А в Марбурге

Кто, громко свища, мастерил самострел,

Кто молча готовился к Троицкой ярмарке.

Желтел, облака пожирая, песок.

Предгрозые играло бровями кустарника.

И небо спекалось, упав на кусок

Кровоостанавливающей арники.

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,

Как трагик в провинции драму Шекспирову,

Носил я с собою и знал назубок,

Шатался по городу и репетировал.

Когда я упал пред тобой, охватив

Туман этот, лед этот, эту поверхность

(Как ты хороша!) – этот вихрь духоты..

О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут.

* * *

Тут жил Мартин Лютер. Там – братья Гримм.

Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И все это помнит и тянется к ним.

Все – живо. И все это тоже подобья.

Нет, я не пойду туда завтра. Отказ –
Полнее прощанья. Все ясно. Мы квиты.
Вокзальная сутолока не про нас.
Что будет со мною, старинные плиты?

Повсюду портпледы разложит туман,
И в обе оконницы вставят по месяцу.
Тоска пассажиркой скользнет по томам
И с книжкой на оттоманке поместится.

Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику,
Бессонницу знаю. У нас с ней союз.
Зачем же я, словно прихода лунатика,
явления мыслей привычных боюсь?

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу,
Акацией пахнет, и окна распахнуты,
И страсть, как свидетель, сидит в углу.

И тополь – король. Я играю с бессонницей.
И ферзь – соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
я белое утро в лицо узнаю.

1916

Сестра моя – жизнь. Лето 1917 года
Памяти Демона
Приходил по ночам

В синеве ледника от Тамары,
Парой крыл намечал,
Где гудеть, где кончаться кошмару.

Не рыдал, не сплетал
Оголенных, исхлестанных, в шрамах,
Уцелела плита

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
За оградой грузинского храма.

Как горбунья дурна,
Под решеткою тень не кривлялась.
У лампы зурна,
Чуть дыша, о княжне не справлялась.

Но сверканье рвалось
В волосах, и, как фосфор, трещали.
И не слышал колосс,
Как седеет Кавказ за печалью.

От окна на аршин,
Пробирая шерстинки бурнуса,
Клялся льдами вершин:
Спи, подруга, – лавиной вернуся.

лето 1917

Не время ль птицам петь
Про эти стихи
На тротуарах истолку
С стеклом и солнцем пополам.
Зимой открою потолку
И дам читать сырым углам.

Задекламирует чердак
С поклоном рамам и зиме.
К карнизам прянет чехарда
Чудачеств, бедствий и замет.

Буран не месяц будет мечь.
Концы, начала заметет.
Внезапно вспомню: солнце есть;
Увижу: свет давно не тот.

Галчонком глянет Рождество,
И разгулявшийся денек
Откроет много из того,
Что мне и милой невдомек.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку крикну детворе:
Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?

Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?

Пока в Дарьял, как к другу, вхож,
Как в ад, в цейхгауз и в арсенал,
Я жизнь, как Лермонтова дрожь,
Как губы в вермут, окунал.

лето 1917

* * *

Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе
Расшиблась весенним дождем обо всех,
Но люди в брелоках высоко брюзгливы
И вежливо жалят, как змеи в овсе.

У старших на это свои есть резоны.
Бесспорно, бесспорно смешон твой резон,
Что в грóзу лиловы глаза и газоны –
И пахнет сырой резедой горизонт.

Что в мае, когда поездов расписание
Камышинской веткой читаешь в пути,
Оно грандиозней Святого писанья,
Хотя его сызнава все перечти.

Что только закат озарит хуторянок,
Толпою теснящихся на полотне,
Я слышу, что это не тот полустанок,
И солнце, садясь, соболезнает мне.

И, в третий плеснув, уплывает звоночек

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Сплошным извиненьем: жалею, не здесь.

Под шторку несет обгорающей ночью,
И рушится степь со ступенек к звезде.

Мигая, моргая, но спят где-то сладко,
И фата-морганой любимая спит
Тем часом, как сердце, плеча по площадкам,
Вагонными дверцами сыплет в степи.

лето 1917

* * *

Ты в ветре, веткой пробуящем,
Не время ль птицам петь,
Намокшая воробышком
Сиреневая ветвь!

У капель – тяжесть запонок,
И сад слепит, как плёс,
Обрызганный, закапанный
Мильоном синих слез.

Моей тоскою вынянчен
И от тебя в шипах,
Он ожил ночью нынешней,
Забормотал, запах.

Всю ночь в окошко торкался,
И ставень дребезжал.
Вдруг дух сырой прогорклости
По платю пробежал.

Разбужен чудным перечнем
Тех прозвищ и времен,
Обводит день теперешний
Глазами анемон.

лето 1917

Дождь
Надпись на «Книге степи»

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Она со мной. Наигрывай,

Лей, смейся, сумрак рви!

Тоги, теки эпиграфом

К такой, как ты, любви!

Снуй шелкопрядом тутовым

И бейся об окно.

Окутывай, опутывай,

Еще не всклянь темно!

– Ночь в полдень, ливень, – гребень ей!

На щебне, взмок – возьми!

И – целыми деревьями

В глаза, в виски, в жасмин!

Осанна тьме египетской!

Хохочут, сшиблись, – ниц!

И вдруг пахнуло выпиской

Из тысячи больниц.

Теперь бежим сощипывать,

Как стон со ста гитар,

Омытый мглюю липовой

Садовый Сен-Готард.

лето 1917

Книга степи

Из суеверья

Коробка с красным померанцем –

Моя каморка.

О, не об номера ж мараться

По гроб, до морга!

Я поселился здесь вторично

Из суеверья.

Обоев цвет, как дуб, коричневы

И – пенье двери.

Из рук не выпускал защелки.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Ты вырывалась.

И чуб касался чудной челки,
и губы – фиалок.

О неженка, во имя прежних
И в этот раз твой
Наряд щебечет, как подснежник
Апрелю: здравствуй!

Грех думать – ты не из весталок:
Вошла со стулом,
Как с полки, жизнь мою достала
И пыль обдула.

лето 1917

Не трогать
«Не трогать, свежевыкрашен», –
Душа не береглась,
И память – в пятнах икр, и щек,
И рук, и губ, и глаз.

я больше всех удач и бед
За то тебя любил,
что пожелтый белый свет
С тобой – белей белил.

И мгла моя, мой друг, божусь,
Он станет как-нибудь
Белей, чем бред, чем абажур,
чем белый бинт на лбу!

лето 1917

* * *

Ты так играла эту роль!
я забывал, что сам – суфлер!
что будешь петь и во второй,
кто б первой ни совлек.

Вдоль облаков шла лодка. Вдоль
Лугами кошених кормов.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Ты так играла эту роль,
Как лепет шлюз – кормой!

И, низко рея на руле
Касаткой об одном крыле,
Ты так! – ты лучше всех ролей
Играла эту роль!
лето 1917

Балашов
По будням медник подле вас
Клепал, лудил, паял,
А впрочем – масла подливал
В огонь, как пай к паям.

И без того душило грудь,
И песнь небес: «Твоя, твоя!» –
И без того лилась в жару
В вагон, на саквояж.

Сквозь дождик сеялся хорал
На гроб и в шляпы молокан.
А впрочем – ельник подбирал
К прощальным облакам.

И без того взошел, зашел
В больной душе, щемя, мечась,
Большой, как солнце, Балашов
В осенний ранний час.

Лазурью июльской облит,
Базар синел и дребезжал.
Юродствующий инвалид
Пиле, гундося, подражал.

Мой друг, ты спросишь, кто велит,
Чтоб жглась юродивого речь?
В природе лип, в природе плит,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
В природе лета было жечь.

лето 1917

Подражатели
Пекло, и берег был высок.

С подплывшей лодки цепь упала
Змеей гремучею – в песок,
Гремучей ржавчиной – в купаву.

И вышли двое. Под обрыв
Хотелось крикнуть им: «Простите,
но бросьтесь, будьте так добры,
не врозь, так в реку, как хотите.

Вы верны лучшим образцам.
Конечно, ищущий обрящет.
Но... бросьте лодкою бряцать:
в траве терзается образчик».

лето 1917

Образец
О бедный Homo sapiens[1],
Существованье – гнет.

Былые годы за пояс
Один такой заткнет.

Все жили в сушь и впроголодь,
в борьбе ожесточась,
и никого не трогало,
что чудо жизни – с час.

С тех рук впивавши ландыши,
на те глаза дышав,
из ночи в ночь валандавшись,
гормя горит душа.

Одна из южных мазанок
была других южней.
и ползала, как пасынок,
трава в ногах у ней.

Сушился холст. Бросается
Еще сейчас к груди
Плетень в ночной красавице,
Хоть год и позади.

Он незабвенен тем еще,
Что пылью припухал,
Что ветер лускал семечки,
Сорил по лопухам.

Что незнакомой мальвою
Вел, как слепца, меня,
Чтоб я тебя вымаливал
У каждого плетня.

Сошел и стал окидывать
Тех новых луж масла,
Разбег тех роц ракитовых,
Куда я письма слал.

Мой поезд только тронулся,
Еще вокзал, Москва,
Плясали в кольцах, в конусах
По насыпи, по рвам,

А уж гудели кобзами
Колодцы, и, пылясь,
Скрипели, бились об землю
Скирды и тополя.

Пусть жизнью связи портятся,
Пусть гордость ум вредит,
Но мы умрем со спертостью
Тех розысков в груди.

лето 1917

Развлечения любимой
* * *

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Душистую веткою машучи,

Впивая впотымах это благо,
Бежала на чашечку с чашечки
Грозой одуренная влага.

На чашечку с чашечки скатываясь,
Скользнула по двум, – и в обеих
Огромною каплей агатовою
Повисла, сверкает, робеет.

Пусть ветер, по таволге веющий,
Ту капельку мучит и плющит.
Цела, не дробится – их две еще
Целующихся и пьющих.

Смеются и вырваться силятся
И выпрямиться, как прежде,
Да капле из рылец не вылиться,
И не разлучатся, хоть режьте.
лето 1917

Сложь весла
Лодка колотится в сонной груди,
Ивы нависли, целуют в ключицы,
В локти, в уключины – о, погоди,
Это ведь может со всяким случиться!

Этим ведь в песне тешатся все.
Это ведь значит – пепел сиреневый,
Роскошь крошеной ромашки в росе,
Губы и губы на звезды выменивать!

Это ведь значит – обнять небосвод,
Руки сплести вокруг Геракла громадного,
Это ведь значит – века напролет
Ночи на шелканье славок проматывать!
лето 1917

Уроки английского
Когда случилось петь Дездёмоне, –

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

А жить так мало оставалось, –
Не по любви, своей звезде, она, –
По иве, иве разрыдалась.

Когда случилось петь Дездéмоне
И голос завела, крепясь,
Про черный день чернейший демон ей
Псалом плакучих русл припас.

Когда случилось петь Офелии, –
А жить так мало оставалось, –
Всю сушь души взмело и свеяло,
Как в бурю стебли с сеновала.

Когда случилось петь Офелии, –
А горечь слез осточертела, –
С какими канула трофеями?
С охалкой верб и чистотела.

Дав страсти с плеч отлечь, как рубищу,
Входили с сердца замираньем
В бассейн вселенной, стан свой любящий
Обдать и оглушить мирами.

лето 1917

Занятье философией
Определение поэзии
Это – круто налившийся свист,
Это – щелканье сдавленных льдинок,
Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьев поединок.

Это – сладкий заглохший горох,
Это – слезы вселенной в лопатках[2],
Это – с пультов и флейт – Фигарó
Низвергается градом на грядку.

Все, что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных доньях

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И звезду донести до садка
На трепещущих мокрых ладонях.

Площе досок в воде – духота.
Небосвод завалился ольхою.
Этим звездам к лицу б хохотать,
Ан вселенная – место глухое.
лето 1917

Определение души
Спелой грушею в бурю слететь
Об одном безраздельном листе.
Как он предан – расстался с суком –
Сумасброд – задохнется в сухом!

Спелой грушею, ветра косей.
Как он предан, – «Меня не затреплет!»
Оглянись: отгремела в красе,
Отпылала, осыпалась – в пепле.

Нашу родину буря сожгла.
Узнаешь ли гнездо свое, птенчик?
О мой лист, ты пугливей щегла!
Что ты бьешься, о шелк мой застенчивый?

О, не бойся, приросшая песнь!
И куда порываться еще нам?
Ах, наречье смертельное «здесь» –
Невдомек содроганью сращенному.

лето 1917

Определение творчества
Разметав отвороты рубашки,
Волосато, как торс у Бетховена,
Накрывает ладонью, как шашки,
Сон, и совесть, и ночь, и любовь оно.

И какую-то черную дóведь[3],
И – с тоскою какою-то бешеной –

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
К преставлению света готовит,

Конноборцем над пешками пешими.

А в саду, где из погреба, со льду,
Звезды благоуханно разохались,
Соловьем над лозою Изольды
Захлебнулась Тристанова захолодь.

И сады, и пруды, и ограды,
И кипящее белыми воплями
Мирозданье – лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной.

Лето 1917

Песни в письмах, чтобы не скучала
Воробьевы горы
Грудь под поцелуи, как под рукомошник!
Ведь не век, не сряду, лето бьет ключом.
Ведь не ночь за ночью низкий рев гармоник
Подымаем с пыли, топчем и влечем.

Я слышал про старость. Страшны прорицанья!
Рук к звездам не вскинет ни один бурун.
Говорят – не веришь. На лугах лица нет,
У прудов нет сердца, Бога нет в бору.

Расколышь же душу! Всю сегодня выпень.
Это полдень мира. Где глаза твои?
Видишь, в высях мысли сбились в белый кипень
Дятлов, туч и шишек, жара и хвои.

Здесь пресекались рельсы городских трамваев.
Дальше служат сосны. Дальше им нельзя.
Дальше – воскресенье. Ветки отрывая,
Разбежится просек, по траве скользя.

Просекая полдень, Троицын день, гулянье,
Просит роща верить: мир всегда таков.
Так задуман чащей, так внушен поляне,

Во всем мне хочется дойти до самой сути.. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Так на нас, на ситцы пролит с облаков.

Лето 1917

Mein Liebchen, was willst du noch mehr?[4]
По стене сбежали стрелки.

Час похож на таракана.

Брось, к чему швырять тарелки,

Бить тревогу, бить стаканы?

С этой дачею дощатой

Может и не то случиться.

Счастье, счастьем нет пощады!

Гром не грянул, что креститься?

Может молния ударить, –

Вспыхнет мокрою кабинкой.

Или всех щенят раздарят.

Дождь крыло пробьет дробинкой.

Все еще нам лес – передней.

Лунный жар за елью – печью,

Все, как стиранный передник,

Туча сохнет и лепечет.

И когда к колодцу рвется

Смерч тоски, то мимоходом

Буря хвалит домоводство.

Что тебе еще угодно?

Год сгорел на керосине

Залетевшей в лампу мошкой.

Вон зарею серо-синей

Встал он сонный, встал намокший.

Он глядит в окно, как в дужку,

Старый, страшный состраданьем.

От него мокра подушка,

Он зарыл в нее рыданья.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Чем утешить эту ветошь?

О, ни разу не шутивший,
Чем запущенного лета
Грусть заглохшую утишить?

Лес навис в свинцовых пасмах,
Сед и пасмурен репейник,
Он – в слезах, а ты прекрасна,
Вся как день, как нетерпенье!

Что он плачет, старый олух?
Иль видал каких счастливей?
Иль подсолнечники в селах
Гаснут – солнца – в пыль и ливень?
лето 1917

Романовка
Степь
Как были те выходы в тишь хороши!

Безбрежная степь, как марина.
Вздыхает ковыль, шуршат мураши,
И плавает плач комариный.

Стога с облаками построились в цепь
И гаснут, вулкан на вулкане.
Примолкла и взмокла безбрежная степь,
колеблет, относит, толкает.

Туман отовсюду нас морем обстиг,
В волчках волочась за чулками,
И чудно нам степью, как взморьем, брести –
колеблет, относит, толкает.

Не стог ли в тумане? Кто поймет?
Не наш ли омет? Доходим. – Он.
– Нашли! Он самый и есть. – Омет.
Туман и степь с четырех сторон.

И Млечный Путь стороной ведет

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
На Керчь, как шлях, скотом пропылен.

Зайти за хаты, и дух займет:

Открыт, открыт с четырех сторон.

Туман снотворен, ковыль, как мед.

Ковыль всем Млечным Путем рассорён.

Туман разойдется, и ночь обоймет

Омет и степь с четырех сторон.

Тенистая полночь стоит у пути,

На шлях навалилась звездами,

И через дорогу за тын перейти

Нельзя, не топча мирозданья.

Когда еще звезды так низко росли

и полночь в бурьян окунало,

Пылал и пугался намокший муслин,

Льнул, жался и жаждал финала?

Пусть степь нас рассудит и ночь разрешит,

Когда, когда не: – в начале

Плыл Плач Комариный, Ползли Мураши,

Волчцы по Чулкам Торчали?

Закрой их, любимая! Запорошит!

Вся степь – как до грехопаденья:

Вся – миром объята, вся – как парашют,

Вся – дыбящееся виденье!

Лето 1917

Попытка душу разлучить

Мучкап

Душа – душна, и даль табачного

Какого-то, как мысли, цвета.

У мельниц – вид села рыбацкого:

Седые сети и корветы.

Крылатою стоянкой парусной

Застыли мельницы в селеньи,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И все полно тоскою яростной

Отчаянья и нетерпенья.

Ах, там и час скользит, как камешек

Заливом, мелью рикошета!

Увы, не тонет, нет, он там еще,

Табачного, как мысли, цвета.

Увижу нынче ли опять ее?

До поезда ведь час. Конечно!

Но этот час объят апатией

Морской, предгромовой, кромешной.

Лето 1917

* * *

Дик прием был, дик приход,

Еле ноги доволоку.

Как воды набрала в рот,

Взор уперла в потолок.

Ты молчала. Ни за кем

Не рвался с такой тугой.

Если губы на замке,

Вешай с улицы другой.

Нет, не на дверь, не в пробой,

Если на сердце запрет,

Но на весь одной тобой

Немутимо белый свет.

Чтобы знал, как балки брус

По-над лбом проволоку,

Что в глаза твои упрусь,

В непрорубную тоску.

Чтоб бежал с землей знакомств,

Видев издали, с пути

Гарь на солнце под замком,

Гниль на веснах взаперти.

Не вводи души в обман,
Оглуши, завесь, забей.
Пропитала, как туман,
Грудю белых отрубей.

Если душным полднем желт
Мышью пахнувший овин,
Обличи, скажи, что лжет
Лжесвидетельство любви.

Лето 1917

* * *

Попытка душу разлучить
С тобой, как жалоба смычка,
Еще мучительно звучит
В названьях Ржакса и Мучкап.

я их, как будто это ты,
как будто это ты сама,
люблю всей силою тщеты,
до помрачения ума.

Как ночь, уставшую сиять,
как то, что в астме – кисея,
как то, что даже антресоль
при виде плеч твоих трясло.

чей шепот реял на брезгу?
О, мой ли? Нет, душою – твой,
он улетучивался с губ
воздушной капли спиртовой.

как в неге прояснялась мысль!
Безукоризненно. Как стон.
как пеной, в полночь, с трех сторон
внезапно озаренный мыс.

Лето 1917

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Елене
Елене
Я и непечатным

Словом не побрезговал бы,
Да на ком искать нам?
Не на ком и не с кого нам.

Разве просит арум
У болота милостыни?
Ночи дышат даром
Тропиками гнилостными.

Будешь, – думал, чаял, –
Ты с того утра виднеться,
Век в душе качаясь
Лилиею, праведница!

Луг дружил с замашкой
Фауста, что ли, Гамлета ли.
Обегал ромашкой,
Стебли по ногам летали.

Или еле-еле,
Как сквозь сон, овеивая
Жемчуг ожерелья
На плече Офелиином.

Ночью бредил хутор;
Спать мешали перистые
Тучи. Дождик кутал
Ниву тихой переступью

Осторожных капель.
Юность в счастье плавала, как
В тихом детском храпе
Наспанная наволока.

Думал, – Трои б век ей,
Горьких губ изгиб целуя:

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Были дивны веки
Царственные, гипсовые.

Милый, мертвый фартук
И висок пульсирующий.
Спи, царица Спарты,
Рано еще, сыро еще.

Горе не на шутку
Разыгралось, навеселе.
Одному с ним жутко.
Сбесится – управиться ли?

Плачь, шепнуло. Гложет?
Жжет? Такую ж на щеку ей!
Пусть судьба положит –
Матерью ли, мачехой ли.
лето 1917

Как у них
Лицо лазури пышет над лицом
Недышащей любимицы реки.
Подыметса, шелохнется ли сом, –
Оглушены. Не слышат. Далеки.

Очам в снопах, как кровлям, тяжело.
Как угли, блещут оба очага.
Лицо лазури пышет над челом
Недышащей подруги в бочагах,
Недышащей питомицы осок.

То ветер смех люцерны вдоль высот,
Как поцелуй воздушный, пронесет,
То, княженикой с топи угощен,
Ползет и губы пачкает хвощом
И треплет речку веткой по щеке,
То киснет и хмелеет в тростнике.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
У окуня ли ёкнут плавники, –

Бездонный день – огромен и пунцов.

Поднос Шелони – черен и свинцов.

Не свесть концов и не поднять руки...

Лицо лазури пышет над лицом

Недышащей любимицы реки.

лето 1917

Лето

Тянулось в жажде к хоботкам

и бабочкам и пятнам,

Обоим память оботкав

Медовым, майным, мятным.

Не ход часов, но звон цепов

С восхода до захода

Вонзался в воздух сном шипов,

Заворожив погоду.

Бывало – нагулявшись всласть,

Закат сдавал цикадам

И звездам и деревьям власть

Над кухнею и садом.

Не тени – балки месяц клал,

А то бывал в отлучке,

И тихо, тихо ночь текла

Трусцой, от тучки к тучке.

Скорей со сна, чем с крыш; скорей

Забывчивый, чем робкий,

Топтался дождик у дверей,

И пахло винной пробкой.

Так пахла пыль. Так пах бурьян.

И, если разобраться,

Так пахли прописи дворян

О равенстве и братстве.

Вводили земство в волостях,
С другими – вы, не так ли?
Дни висли, в кислице блестя,
И винной пробкой пахли.

лето 1917

Гроза, мимолетная навек
А затем прощалось лето
С полустанком. Снявши шапку,
Сто слепящих фотографий
Ночью снял на память гром.

Меркла кисть сирени. В это
Время он, нарвав охапку
Молний, с поля ими трафил
Озарить управский дом.

И когда по кровле зданья
Разлилась волна злорадства
И, как уголь по рисунку,
Грянул ливень всем плетнем,

Стал мигать обвал сознанья:
Вот, казалось, озарятся
Даже те углы рассудка,
Где теперь светло, как днем!

лето 1917

Послесловье

* * *

Любимая – жуть! Когда любит поэт,
Влюбляется бог неприкаянный.
И хаос опять выползает на свет,
Как во времена ископаемых.

Глаза ему тонны туманов слезят.
Он застлан. Он кажется мамонтом.
Он вышел из моды. Он знает – нельзя:
Прошли времена – и безграмотно.

Он видит, как свадьбы справляют вокруг,
Как спаивают, просыпаются.
Как общелягушечью эту икру
Зовут, обрядив ее, – паусной.

Как жизнь, как жемчужную шутку Ватто,
Умеют обнять табакеркою,
И мстят ему, может быть, только за то,
Что там, где кривят и коверкают,

Где лжет и кадит, ухмыляясь, комфорт
И трутнями трутся и ползают,
Он вашу сестру, как вакханку с амфор,
Подымет с земли и использует.

И таянье Андов волеет в поцелуй,
И утро в степи, под владычеством
Пылящихся звезд, когда ночь по селу
Белеющим бляеньем тычется.

И всем, чем дышалось оврагам века,
Всей тьмой ботанической ризницы
Пахнет по тифозной тоске тюфяка
И хаосом зарослей брызнется.

лето 1917

* * *

Мой друг, ты спросишь, кто велит,
Чтоб жглась юродивого речь?

Давай ронять слова,
Как сад – янтарь и cedру,
Рассеянно и щедро,
Едва, едва, едва.

Не надо толковать,
Зачем так церемонно
Мареной и лимоном

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Обрызнута листва.

Кто иглы заслезил
И хлынул через жерди
На ноты, к этажерке
Сквозь шлюзы жалюзи.

Кто коврик за дверьми
Рябиной иссурьмил,
Рядном сквозных, красивых
Трепещущих курсивов.

Ты спросишь, кто велит,
Чтоб август был велик,
Кому ничто не мелко,
Кто погружен в отделку

Кленового листа
И с дней Экклезиаста
Не покидал поста
За теской алебаstra?

Ты спросишь, кто велит,
Чтоб губы астр и далий

Сентябрьские страдали?
Чтоб мелкий лист ракит
С седых кариатид
Слетал на сырость плит
Осенних госпиталей?

Ты спросишь, кто велит?
– Всесильный бог деталей,
Всесильный бог любви,
Ягайлов и Ядвиг.

Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Но жизнь, как тишина

Осенняя, – подробна.

лето 1917

Имелось

Засим, имелся сеновал

И пахнул винной пробкой

С тех дней, что август миновал

И не пололи тропки.

В траве, на кислице, меж бус

Брильянты, хмурясь, висли,

По захладелости на вкус

Напоминая рислинг.

Сентябрь составлял статью

В извозчиьем хозяйстве,

Летал, носил и по чутью

Предупреждал ненастье.

То, застя двор, водой с винцом

Желтил песок и лужи,

То с неба спринцевал свинцом

Оконниц полукружья.

То золотил их, залетев

С куста за хлев, к крестьянам,

То к нашему стеклу, с дерев

Пожаром листьев прянув.

Есть марки счастья. Есть слова

Vin gai, vin triste[5], – но верь мне,

что кислица – травой трава,

А рислинг – пыльный термин.

имелась ночь. Имелось губ

Дрожание. На веках висли

Брильянты, хмурясь. Дождь в мозгу

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Шумел, не отдаваясь мыслью.

Казалось, не люблю – молюсь
И не целую, – мимо
Не век, не час плывет моллюск,
Свеченьем счастья тмимый.

Как музыка: века в слезах,
А песнь не смеет плакать,
Тряслась, не прерываясь в ах! –
Коралловая мякоть.

лето 1917

* * *
Любить – идти, – не смолкнул гром,
Топтать тоску, не зная ботинок,
Пугать ежей, платить добром
За зло брусники с паутиной.

Пить с веток, бьющих по лицу,
Лазурь с отскоку полосуюя:
«Так это эхо?» – и к концу
С дороги сбиться в поцелуях.

Как с маршем, бресть с репьем на всем.
К закату зная, что солнце старше
Тех звезд и тех телег с овсом,
Той Маргариты и корчмарши.

Терять язык, абонемент
На бурю слез в глазах валькирий,
И в жар всем небом онемев,
Топить мачтовый лес в эфире.

Разлегшись, сгресть, в шипах, клочьями
Событья лет, как шишки ели:
Шоссе; сошествие Корчмы;
Светало; зябли; рыбу ели.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И, раз свалясь, запеть: «Седой,

я шел и пал без сил. Когда-то
Давился город лебедой,
Купавшейся в слезах солдаток.

В тени безлунных длинных риг,
В огнях баклаг и бакалеей,
Наверное, и он – старик
И тоже следом околеет».

* * *

Так пел я, пел и умирал.
И умирал и возвращался
К ее рукам, как бумеранг,
И – сколько помнится – прощался.

лето 1917

Послесловье
Нет, не я вам печаль причинил.
я не стоил забвения родины.
Это солнце горело на каплях чернил,
Как в кистях запыленной смородины.

И в крови моих мыслей и писем
Завелась кошениль.
Этот пурпур червца от меня независим.
Нет, не я вам печаль причинил.

Это вечер из пыли лепился и, пышучи,
Целовал вас, задохшись в охре, пыльцой.
Это тени вам щупали пульс. Это, вышедши
За плетень, вы полям подставляли лицо
И пылали, плывя по олифе калиток,
Полумраком, золою и маком залитых.

Это – круглое лето, горев в ярлыках
По прудам, как багаж солнцепеком заляпанных,
Сургучом опечатало грудь бурлака
И сожгло ваши платья и шляпы.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Это ваши ресницы слипались от яркости,
Это диск одичалый, рога истесав
Об ограды, бодаясь, крушил палисад.
Это – запад, карбункулом вам в волоса
Залетев и гудя, угасал в полчаса,
Осыпая багрянец с малины и бархатцев.
Нет, не я, это – вы, это ваша краса.
лето 1917

Конец
Наяву ли все? Время ли разгуливать?
Лучше вечно спать, спать, спать, спать
И не видеть снов.

Снова – улица. Снова – полог тюлевый,
Снова, что ни ночь, – степь, стог, стон,
И теперь и впредь.

Листьям в августе, с астмой в каждом атоме,
Снится тишь и темь. Вдруг бег пса
Пробуждает сад.

Ждет – улягутся. Вдруг – гигант из затеми,
И другой. Шаги. «Тут есть болт».
Свист и зов: тубо!

Он буквально ведь обливал, обваливал
Нашим шагом шлях! Он и тын
Истяжал тобой.

Осень. Изжелта-сизый бисер нижется.
Ах, как и тебе, прель, мне смерть.
Как приелось жить!

О, не вовремя ночь кадит маневрами
Паровозов; в дождь каждый лист
Рвется в степь, как те.

Окна сцены мне делают. Бесцельно ведь!

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Рвется с петель дверь, целовав
Лед ее локтей.

Познакомь меня с кем-нибудь из вскормленных,
Как они, страдой южных нив,
Пустырей и ржи.

Но с оскоминой, но с оцепененьем, с комьями
В горле, но с тоской стольких слов
Устаешь дружить!

Лето 1917

Темы и вариации. 1916–1922

Повести

Маргарита

Разрывая кусты на себе, как силок,

Маргаритиных стиснутых губ лиловей,

Горячей, чем глазной Маргаритин белок,

Бился, щелкал, царил и сиял соловей.

Он как запах от трав исходил. Он как ртуть
Очумелых дождей меж черемух висел.
Он кору одурял. Задыхаясь, ко рту
Подступал. Оставался висеть на косе.

И, когда изумленной рукой проводя
По глазам, Маргарита влеклась к серебру,
То казалось, под каской ветвей и дождя
Повалилась без сил амазонка в бору.

И затылок с рукою в руке у него,
А другую назад заломила, где лег,
Где застрял, где повис ее шлем теневой,
Разрывая кусты на себе, как силок.

1919

Мефистофель

Из массы пыли за заставы

По воскресеньям высыпали,

Меж тем как, дома не застав их,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Ломились ливни в окна спален.

Велось у всех, чтоб за обедом
Хотя б на третье дождь был подан,
Меж тем как вихрь – велосипедом
Летал по комнатным комодам.

Меж тем как там до потолков их
Взлетали шелковые шторы,
Расталкивали бестолковых
Пруды, природа и просторы.

Длиннейшим поездом линеек
Позднее стягивались к валу,
Где тень, пугавшая коней их,
Ежевечерне оживала.

В чулках как кровь, при паре бантов,
По залитой зарей дороге,
Упав, как лямки с барабана,
Пылили дьяволы ноги.

Казалось, захлестав из низкой
Листвы струей высокомерья,
Снесла б весь мир надменность диска
И терпит только эти перья.

Считая ехавших, как вехи,
Едва прикладываясь к шляпе,
Он шел, откидываясь в смехе,
Шагал, приятеля облапя.

1919

Шекспир
Извозчикий двор и встающий из вод
В уступах – преступный и пасмурный Тауэр,
И звонкость подков и простуженный звон
Вестминстера, глыбы, закутанной в траур.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И тесные улицы; стены, как хмель,

Копящие сырость в разросшихся бревнах,
Угрюмых, как копоть, и бражных, как эль,
Как Лондон, холодных, как поступь, неровных.

Спиралями, мешкотно падает снег.
Уже запирали, когда он, обрюзгший,
Как сползший набрюшник, пошел в полусне
Валить, засыпая уснувшую пустошь.

Оконце и зерна лиловой слюды
В свинцовых ободьях. – «Смотря по погоде.
А впрочем... А впрочем, соснем на свободе.
А впрочем – на бочку! Цирюльник, воды!»

И, бреясь, гогочет, держась за бока,
Словам остряка, не уставшего с пира
Цедить сквозь приросший мундштук чубука
Убийственный вздор.

А меж тем у Шекспира
Остричь пропадает охота. Сонет,
Написанный ночью с огнем, без помарок,
За дальним столом, где подкисший ранет
Ныряет, обнявшись с клешнею омара,
Сонет говорит ему:

«Я признаю
Способности ваши, но, гений и мастер,
Сдается ль, как вам, и тому, на краю
Бочонка, с намыленной мордой, что мастью
Весь в молнию я, то есть выше по касте,
Чем люди, – короче, что я обдаю
Огнем, как на нюх мой, зловоньем ваш кнастер?

Простите, отец мой, за мой скептицизм
Сыновний, но, сэр, но, милорд, мы – в трактире.
Что мне в вашем круге? Что ваши птенцы

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Пред плещущей чернью? Мне хочется шири!

Прочтите вот этому. Сэр, почему ж?

Во имя всех гильдий и биллей! Пять ярдов –
И вы с ним в бильярдной, и там – не пойму,
Чем вам не успех популярность в бильярдной?»

– Ему?! Ты сбесился? – И кличет слугу,
И, нервно играя малаговой веткой,
Считает: полпинты, французский рагу –
И в дверь, запустя в привиденье салфеткой.

1919

Тема с вариациями
...Вы не видали их,
Египта древнего живущих изваяний,
С очами тихими, недвижимых и немых.
С челом, сияющим от царственных венчаний.

Но вы не зрели их, не видели меж нами
И теми сфинксами таинственную связь.

Ап. Григорьев

Тема

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.

Скала и – Пушкин. Тот, кто и сейчас,
Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: не домыслы в тупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка: плоскогубого хамита,
Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспю, пустыней,
И больше ничего. Скала и шторм.

В осатаненьи льющееся пиво

С усов обрывов, мысов, скал и кос,
Мелей и миль. И гул, и полыханье
Окаченной луной, как из лохани,
Пучины. Шум и чад и шторм взасос.
Светло как днем. Их озаряет пена.
От этой точки глаз нельзя отвлечь.
Прибой на сфинкса не жалеет свеч

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И заменяет свежими мгновенно.

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.

На сфинксовых губах – соленый вкус

Туманностей. Песок кругом заляпан

Сырыми поцелуями медуз.

Он чешуи не знает на сиренах,

И может ли поверить в рыбий хвост

Тот, кто хоть раз с их чашечек коленных

Пил бившийся, как об лед, отблеск звезд?

Скала и шторм и – скрытый ото всех

Нескромных – самый странный, самый тихий,

Играющий с эпохи Псамметиха

Углами скул пустыни детский смех...

Вариации

1. Оригинальная

Над шабашем скал, к которым

Сбегаются с пеной у рта,

Чадя, трапезундские штормы,

Когда якорям и портам,

И выбросам волн, и разбухшим

Утопленникам, и седым

Мосткам набивается в уши

Клокастый и пильзенский дым,

Где ввысь от утеса подброшен

Фонтан и кого-то позвать

Срываются гребни, но – тошно

И страшно, и – рвется фосфат,

Где белое бешенство петель,

Где грохот разостланных гроз,

Как пиво, как жеваный бетель,

Песок осушает взасос.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Что было наследием кафров?

Что дал царскосельский лицей?

Два бога прощались до завтра,

Два моря менялись в лице:

Стихия свободной стихии

С свободной стихией стиха.

Два дня в двух мирах, два ландшафта,

Две древние драмы с двух сцен.

2. Подражательная

На берегу пустынных волн

Стоял он, дум великих полн.

Был бешен шквал. Песком сгущенный,

Кровавился багровый вал.

Такой же гнев обуревал

Его, и, чем-то возмущенный,

Он злобу на себе срывал.

В его устах звучало «завтра»,

Как на устах иных «вчера».

Еще не бывших дней жара

Воображалась в мыслях кафру,

Еще не выпавший туман

Густые целовал ресницы.

Он окунал в него страницы

Своей мечты. Его роман

Вставал из мглы, которой климат

Не в силах дать, которой зной

Прогнать не может никакой,

Которой ветры не подымут

И не рассеют никогда

Ни утро мая, ни страда.

Был дик открывшийся с обрыва

Бескрайний вид. Где огибал

Купальню гребень белогривый,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Где смерч на воле погибал,

В последний миг еще качаясь,
Трубя и в отклике отчаясь,
Борясь, чтоб захлебнуться вмиг
И сгинуть вовсе с глаз. Был дик
Открывшийся с обрыва сектор
Земного шара, и дика
Необоримая рука,
Пролившая соленый нектар
В пространство слепнущих снастей,
На протяженье дней и дней,
В сырые сумерки крушений,
На милость черных вечеров...
На редкость дик, на восхищенье
Был вольный этот вид суров.

Он стал спускаться. Дикий чашник
Гремел ковшом, и через край
Бежала пена. Молочай,
Полынь и дрок за набалдашник
Цеплялись, затрудняя шаг,
И вихрь степной свистел в ушах.
И вот уж бережок, пузырясь,
Заколыхал камыш и ирис,
И набежала рябь с концов.
Но неподернуто свинцов
Посередине мрак лиловый.
А рябь! Как будто рыболова
Свинцовый грузик заскользил,
Осунулся и лег на ил
С непереимчивой ужимкой,
С какою пальцу самолет
Умеет намекнуть без слов:
Вода, мол, вот и вся поимка.
Он сел на камень. Ни одна

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Черта не выдала волненья,
С каким он погрузился в чтение
Евангеля морского дна.
Последней раковине дóрог
Сердечный шелест, капля сна,
Которой мука солона,
Ее сковавшая. Из створок
Не вызвать и клинком ножа
Того, чем боль любви свежа.
Того счастливейшего всхлипа,
Что хлынул вон и создал риф,
Кораллам губы обагрив,
И замер на устах полипа.

3

Мчались звезды. В море мылись мысы.
Слепла соль. И слезы высыхали.
Были темны спальни. Мчались мысли,
И прислушивался сфинкс к Сахаре.

Плыли свечи. И казалось, стынет
Кровь колосса. Заплывали губы
Голубой улыбкою пустыни.
В час отлива ночь пошла на убыль.

Море тронул ветерок с Марокко.
Шел самум. Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик «Пророка»
Просыхал, и брезжил день на Ганге.

4

Облако. Звезды. И сбоку –
Шлях и – Алеко. Глубок
Месяц Земфирина ока:
Жаркий бездонный белок.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Задраны к небу оглобли.

Лбы голубее олив.

Табор глядит исподлобья,

В звезды мониста вперив.

Это ведь кровли Халдеи

Напоминает! Печет,

Лунно; а кровь холодеет.

Ревность? Но ревность не в счет!

Стой! Ты похож на сирийца.

Сух, как скопец-звездочет.

Мысль озарилась убийством.

Мщенье? Но мщенье не в счет!

Тень, как навязчивый евнух.

Табор покрыло плечо.

Яд? Но по кодексу гневных

Самоубийство не в счет!

Прянул, и пыхнули ноздри.

Не уходился еще?

Тише, скакун, – заподозрят.

Бегство? Но бегство не в счет!

5

Цыганских красок достигал,

Болел цингой и тайн не делал

Из черных дырок тростника

В краю воров и виноделов.

Забором крался конокрад,

Загаром крылся виноград,

Клевали кисти воробьи,

Кивали безрукавки чучел,

Но, шорох гроздий перебив,

Какой-то рокот мёр и мучил.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Там мрело море. Берега
Гремели, осыпался гравий.
Тошнило гребни изрыгать,
Барашки грязные играли.

И шквал за шабо бушевал,
И выворачивал причалы.
В рассоле крепла бечева,
И шторма тошнота крепчала.

Раскатывался балкой гул,
Как баней шваркнутая шайка,
Как будто говорил Кагул
В ночах с очаковскою чайкой.

б
В степи охладевал закат,
И вслушивался в звон уздечек,
В акцент звонков и языка
Мечтательный, как ночь, кузнечик.

И степь порою спрохвала
Волок, как цепь, как что-то третье,
Как выпавшие удила,
Стреноженный и сонный ветер.

Истлела тряпок пестрота,
И, захладев, как медь безмена,
Завел глаза, чтоб стрекотать,
И засинел, уже безмерный,
Уже, как песнь, безбрежный юг,
Чтоб перед этой песнью дух
Невесть каких ночей, невесть
Каких стоянок перевесть.

Мгновенье длился этот миг,
Но он и вечность бы затмил.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

1918

Болезнь

1

Больной следит. Шесть дней подряд

Смерчи беснуются без устали.

По кровле катятся, бодрят,

Бушуют, падают в бесчувствии.

Средь вьюг проходит Рождество.

Он видит сон: пришли и подняли.

Он вскакивает. «Не его ль?»

(Был зов. Был звон. Не новогодний ли?)

Вдали, в Кремле гудит Иван,

Плывет, ныряет, зарывается.

Он спит. Пурга, как океан

В величьи, – тихой называется.

2

С полу, звездами облитого,

К месяцу, вдоль по ограде

Тянется волос ракиновый,

Дыбятся клочья и пряди.

Жутко ведь, вея, окутывать

Дымами Кассиопею!

Наутро куколкой тутовой

Церковь свернуться успеет.

Что это? Лавры ли Киева

Спят купола или Эдду

Север взлелеял и выявил

Перлом предвечного бреда?

Так это было. Тогда-то я,

Дикий, скользящий, растущий,

Встал среди сада рогатого

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Призраком тени пастушьей.

Был он как лось. До колен ему
Снег доходил, и сквозь ветви
Виделась взору оленьему
На полночь легшая четверть.

Замер загадкой, как вкопанный,
Глядя на поле лепное:
В звездную стужу как сноп оно
Белой плескало копною.

До снегу гнулся. Подхватывал
С полу, всей мукой извилин
Звезды и ночь. У сохатого
Хаос веков был не спилен.

З

Может статься так, может иначе,
Но в несчастный некий час
Духовенств душней, черней иночеств
Постигает безумье нас.

Стужа. Ночь в окне, как приличие,
Соблюдает холод льда.
В шубе, в креслах Дух и мурлычет – и
Всё одно, одно всегда.

И чекан сука, и щека его,
И паркет, и тень кочерги
Отливают сном и раскаяньем
Сутки сплошь грешившей пурги.

Ночь тиха. Ясна и морозна ночь,
Как слепой щенок – молоко,
Всею темью пихт неосознанной
Пьет сиянье звезд частокол.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Будто каплет с пихт. Будто теплятся.

Будто воском ночь заплывала.

Лапой ели на ели слепнет снег,

На дупле – силуэт дупла.

Будто эта тишь, будто эта высь,

Элигизм телеграфной волны –

Ожиданье, сменившее крик: «Отзовись!»

Или эхо другой тишины.

Будто нем он, взгляд этих игл и ветвей,

А другой, в высотах, – тугоух,

И сверканье пути на раскатах – ответ

На взыванье чьего-то ау.

Стужа. Ночь в окне, как приличие,

Соблюдает холод льда.

В шубе, в креслах дух и мурлычет – и

Всё одно, одно всегда.

Губы, губы! Он стиснул их до крови,

Он трясется, лицо обхватив.

Вихрь догадок родит в биографе

Этот мертвый, как мел, мотив.

4. Фуфайка больного

От тела отдельную жизнь, и длинней

Ведет, как к груди непричастный пингвин,

Бескрылая кофта больного – фланель:

То каплю тепла ей, то лампу придвинь.

Ей помнятся лыжи. От дуг и от тел,

Терявшихся в мраке, от сбри, от бар

Валило! Казалось – сочельник потел!

Скрипели, дышали езда и ходьба.

Усадьба и ужас, пустой в остальном:

Шкафы с хрусталем и ковры и лари.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Забор привлекало, что дом воспален.

Снаружи казалось, у люстр плеврит.

Снедаемый небом, с зимою в очах,

Распухший кустарник был бел, как испуг.

Из кухни, за сани, пылавший очаг

Клал на снег огромные руки стряпух.

5. Кремль в буран конца 1918 года

Как брошенный с пути снегам

Последней станцией в развалинах,

Как полем в полночь, в свист и гам,

Бредущий через силу в валяных,

Как пред концом в упадке сил

С тоски взывающий к метелице,

Чтоб вихрь души не угасил,

К поре, как тьмою все застелется,

Как схваченный за обшлага

Хохочущею вьюгой нарочный,

Ловящий кисти башлыка,

Здоровящуюся в наручнях,

А иногда! – А иногда

Как пригнанный канатом накороть

Корабль, с гуденьем прочь к грядам

Срывающийся чудом с якоря,

Последней ночью, несравним

Ни с чем, какой-то странный, пенный весь,

Он, Кремль, в оснастке стольких зим,

На нынешней срывает ненависть.

И грандиозный, весь в былом,

Как визионера дивинация,

Несется, грозный, напролом,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Сквозь неистекший в девятнадцатый.

Под сумерки к тебе в окно
Он всю медью звонниц ломится.
Боится, видно, – год мелькнет, –
Упустит и не познакомится.

Остаток дней, остаток вьюг,
Сужденных башням в восемнадцатом,
Бушует, прядает вокруг,
Видать – не наигрались насыто.

За морем этих непогод
Предвижу, как меня, разбитого,
Ненаступивший этот год
Возьметса сизнова воспитывать.

6. январь 1919 года
Тот год! Как часто у окна
Нашептывал мне, старый: «Выкинься».
А этот, новый, все прогнал
Рождественскою сказкой Диккенса.

Вот шепчет мне: «Забудь, встряхнись!»
И с солнцем в градуснике тянется
Точь-в-точь, как тот дарил стрихнин
И падал в пузырек с цианистым.

Его зарей, его рукой,
Ленивым веяньем волос его
Почерпнут за окном покой
У птиц, у крыш, как у философов.

Ведь он пришел и лег лучом
С панелей, с снеговой повинности.
Он дерзок и разгорячен,
Он просит пить, шумит, не вынести.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Он вне себя. Он внес с собой

Дворовый шум и – делать нечего:

На свете нет тоски такой,
Которой снег бы не вылечивал.

7

Мне в сумерки ты все – пансионеркою,
Все – школьницей. Зима. Закат лесничим
В лесу часов. Лежу и жду, чтоб смерклося.

И вот – айда! Аукаемся, кличем.
А ночь, а ночь! Да это ж ад, дом ужасов!
Проведай ты, тебя б сюда пригнало!
Она – твой шаг, твой брак, твое замужество,
И тяжелей дознаний трибунала.

Ты помнишь жизнь? Ты помнишь, стаяй горлинок
Летели хлопья грудью против гула.
Их вихрь крутил, кутя, валясь прожорливо
С лотков на снег, их до панелей гнуло!

Перебегала ты! Ведь он подсовывал
Ковром под нас салазки и кристаллы!
Ведь жизнь, как кровь, до облака пунцового
Пожаром вьюги озарясь, хлестала!

Движенье помнишь? Помнишь время? Лавочниц?
Палатки? Давку? За разменом денег
Холодных, звонких, – помнишь, помнишь давешних
Колоколов предпраздничных гуденье?

Увы, любовь! Да, это надо высказать!
Чем заменить тебя? Жирами? Бромом?
Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса
Гляжу, страшась бессонницы огромной.

Мне в сумерки ты будто всё с экзамена,
Всё – с выпуска. Чижы, мигрень, учебник.

Во всем мне хочется дойти до самой сути.. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Но по ночам! Как просят пить, как пламенны

Глаза капсюль и пузырьков лечебных!

1918–1919

Разрыв

1

О ангел залгавшийся, сразу бы, сразу б,

и я б опоил тебя чистой печалью!

Но так – я не смею, но так – зуб за зуб!

О скорбь, зараженная ложью вначале,

О горе, о горе в проказе!

О ангел залгавшийся, – нет, не смертельно

Страданье, что сердце, что сердце в экземе!

Но что же ты душу болезнью натальной

Даришь на прощанье? Зачем же бесцельно

Целуешь, как капли дождя, и как время,

Смеясь, убиваешь, за всех, перед всеми!

2

О стыд, ты в тягость мне! О совесть, в этом раннем

Разрыве столько грез, настойчивых еще!

Когда бы, человек, – я был пустым собранием

Висков и губ и глаз, ладоней, плеч и щек!

Тогда б по свисту строф, по крику их, по знаку,

По крепости тоски, по юности ее

я б уступил им всем, я б их повел в атаку,

я б штурмовал тебя, позорище мое!

3

От тебя все мысли отвлеку

Не в гостях, не за вином, так на небе.

У хозяев, рядом, по звонку

Отопрут кому-нибудь когда-нибудь.

Вырвусь к ним, к бряцанью декабря.

Только дверь – и вот я! Коридор один.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
«Вы оттуда? Что там говорят?»

Что слышать? Какие сплетни в городе?

Ошибается ль еще тоска?

Шепчет ли потом: «Казалось – вылитая».

Приготовясь футов с сорока

Разлететься восклицаньем: «Вы ли это?»

Пощадят ли площади меня?

Ах, когда б вы знали, как тоскуется,

Когда вас раз сто в течение дня

На ходу на сходствах ловит улица!»

4

Помешай мне, попробуй. Приди, покусись потушить

Этот приступ печали, гремящей сегодня, как ртуть в пустоте Торичелли.

Воспрети, помешательство, мне, – о, приди, посягни!

Помешай мне шуметь о тебе! Не стыдись, мы – одни.

О, туши ж, о, туши! Горячее!

5

Заплети этот ливень, как волны, холодных локтей

И как лилии, атласных и властных бессильем ладоней!

Отбивай, ликование! На волю! Лови их, – ведь в бешеной этой лапте –

Голошенья лесов, захлебнувшихся эхом охот в Калидоне,

Где, как лань, обеспамятев, гнал Аталанту к поляне Актей,

Где любили бездонной лазурью, свистевшей в ушах лошадей,

Целовались залиvistым лаем погони

И ласкались раскатами рога и треском деревьев, копыт и когтей.

– О, на волю! На волю – как те!

6

Разочаровалась? Ты думала – в мире нам

Расстаться за реквиемом лебединым?

В расчете на горе, зрачками расширенными,

В слезах, примеряла их непобедимость?

Во всем мне хочется дойти до самой сути.. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
На мессе б со сводов посыпалась стенопись,

Потрясшись игрой на губах Себастьяна.

Но с нынешней ночи во всем моя ненависть

Растянутасть видит, и жаль, что хлыста нет.

Впотьмах, моментально опомнясь, без медлящего

Раздумья, решила, что все перепашет.

Что – время. Что самоубийство ей не для чего.

Что даже и это есть шаг черепаший.

7

Мой друг, мой нежный, о, точь-в-точь как ночью, в перелете с Бергена на полюс,

Валящим снегом с ног гагар сносимый жаркий пух,

Клянусь, о нежный мой, клянусь, я не неволюсь,

Когда я говорю тебе – забудь, усни, мой друг.

Когда, как труп затертого до самых труб норвежца,

В виденьи зим, не движущих заиндевелых мачт,

Ношусь в сполохах глаз твоих шутивым – спи, утешься,

До свадьбы заживет, мой друг, угомонись, не плачь.

Когда совсем как север вне последних поселений,

Украдкой от арктических и неусыпных льдин,

Полночным куполом полощущий глаза слепых тюленей,

Я говорю – не три их, спи, забудь: всё вздор один.

8

Мой стол не столь широк, чтоб грудью всею

Налечь на борт и локоть завести

За край тоски, за этот перешеек

Сквозь столько верст прорытого прости.

(Сейчас там ночь.) За душный твой затылок.

(И спать легли.) Под царства плеч твоих.

(И тушат свет.) Я б утром возвратил их.

Крыльцо б коснулось сонной ветвью их.

Не хлопьями! Руками крой! – Достанет!

О, десять пальцев муки, с бороздой

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Крещенских звезд, как знаков опоздания

В пургу на север шедших поездов!

9

Рояль дрожащий пену с губ оближет.

Тебя сорвет, подкосит этот бред.

Ты скажешь: – Милый! – Нет, – вскричу я, – нет!

При музыке?! – Но можно ли быть ближе,

Чем в полутьме, аккорды, как дневник,

Меча в камин комплектами, погодно?

О пониманье дивное, кивни,

Кивни, и изумишься! – ты свободна.

Я не держу. Иди, благотвори.

Ступай к другим. Уже написан Вертер,

А в наши дни и воздух пахнет смертью:

Открыть окно, что жилы отворить.

1928

Я их мог позабыть

1. Клеветникам

О детство! Ковш душевной глуби!

О всех лесов абориген,

Корнями вросший в самолюбье,

Мой вдохновитель, мой регент!

Что слез по стеклам усыхало!

Что сохло ос и чайных роз!

Как часто угасавший хаос

Багровым папоротником рос!

Что вдавленных сухих костяшек,

Помешанных клавиатур,

Бродячих, черных и грустящих,

Готовят месть за клевету!

Правдоподобье бед клеветет,

Соседство богачей,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Хозяйство за дверьми клеветет,
Веселый звон ключей.

Рукопожатье лжи клеветет,
Манишек аромат,
Изящество дареной вещи,
Клеветет хиромант.

Ничтожность возрастов клеветет.

О юные, – а нас?
О левые, – а нас, левейших, –
Румянясь и юнясь?

О солнце, слышишь? «Выручь денег».
Сосна, нам снится? «Напрягись».
О жизнь, нам имя вырождение,
Тебе и смыслу вопреки.

Дункан седых догадок – помощь!
О смута сонмищ в отпусках,
О Боже, Боже, может, вспомнишь,
Почем нас людям отпуская?

1917

2
Я их мог позабыть? Про родню,
Про моря? Приласкаться к плацкарте?
И за оргию чувств – в западню?
С ураганом – к ордалиям партий?

За окошко, в купе, к погребцу?
Где-то слезть? Что-то снять? Поселиться?
Я горжусь этой мукой. Рубцуй!
По когтям узнаю тебя, львица.

Про родню, про моря. Про абсурд
Прозябанья, подобного каре.
Так не мстят каторжанам. – Рубцуй!

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
О, не вы, это я – пролетарий!

Это правда. Я пал. О, секи!

Я упал в самомнении зверя.

Я унизил себя до неверья.

Я унизил тебя до тоски.

1921

З

Так начинают. Года в два

От мамки рвутся в тьму мелодий,

Щебечут, свищут, – а слова

Являются о третьем годе.

Так начинают понимать,

И в шуме пущенной турбины

Мерещится, что мать – не мать.

Что ты – не ты, что дом – чужбина.

Что делать страшной красоте,

Присевшей на скамью сирени,

Когда и впрямь не красть детей? –

Так возникают подозренья.

Так зреют страхи. Как он даст

Звезде превысить досяганье,

Когда он – Фауст, когда – фантаст? –

Так начинаются цыгане.

Так открываются, паря

Поверх плетней, где быть домам бы,

Внезапные, как вздох, моря.

Так будут начинаться ямбы.

Так ночи летние, ничком

Упав в овсы с мольбой: исполнься,

Грозят заре твоим зрачком.

Так затевают ссоры с солнцем.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Так начинают жить стихом.

1921

4
Нас мало. Нас, может быть, трое
Донецких, горячих и адских
Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве.

Мы были людьми. Мы эпохи.
Нас сбило и мчит в караване,
Как тундру под тендера вздохи
И поршней и шпал порыванье.
Слетимся, ворвемся и тронем,
Закружимся вихрем вороньим
И – мимо! Вы поздно поймете.
Так, утром ударивши в ворох
Соломы – с момент на намете, –
След ветра живет в разговорах
Идущего бурно собранья
Деревьев над кровельной дранью.

1921

5
Косых картин, летящих ливня
С шоссе, задувшего свечу,
С крюков и стен срываться к рифме
И падать в такт не отучу.

Что в том, что на вселенной – маска?
Что в том, что нет таких широт,
Которым на зиму замазкой
Зажать не вызвались бы рот?

Но вещи рвут с себя личину,
Теряют власть, роняют честь,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Когда у них есть петя причина,

Когда для ливня повод есть.

1922

Нескучный сад

1. Нескучный

Как всякий факт на всяком бланке,

Так все дознанья хороши

О вакханалиях изнанки

Нескучного любой души.

Он тоже – сад. В нем тоже – скучен

Набор уставших цвеств пород.

Он тоже, как и сад, – Нескучен

От набережной до ворот.

И, окуная парк за старой

Беседкою в заглохший пруд,

Похож и он на тень гитары,

С которой, тешась, струны рвут.

1917

2

Достатком, а там и пирами

И мебелью стиля жакоб

Иссушат, убьют темперамент,

Гудевший, как ветвь жуком.

Он сыплет искры с зубьев,

Когда, сгребя их в ком,

Ты бесов самолюбья

Терзаешь гребешком,

В осанке твоей: «С кой стати?»,

Любовь, а в губах у тебя

Насмешливое: «Оставьте,

Вы хуже малых ребят».

О свежесть, о капля смарагда

В упившихся ливнем кистях,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
О сонный начес беспорядка,

О дивный, божий пустяк!

1917

3. Орешник

Орешник тебя отрешает от дня,

И мшистые солнца ложатся с опушки

То решкой на плотное тленья пня,

То мутно-зеленым орлом на лягушку.

Кусты обгоняют тебя, и пока

С родимую чащею сроднишься с отвычки, –

Она уж безбрежна: ряды кругляка,

И роща редееет, и птичка – как гичка,

И песня – как пена, и – наперерез,

Лазурь забирая, нырком, душегубкой

И – мимо... И долго безмолвствует лес,

Следя с облаков за пронесшейся шляпкой.

О место свиданья малины с грозой,

Где, в тучи рогами лишайника тычась,

Горят, одуряя наш мозг молодой,

Лиловые топи угасших язычеств!

1917

4. В лесу

Луга мутило жаром лиловатым,

В лесу клубился кафедральный мрак.

Что оставалось в мире целовать им?

Он весь был их, как воск на пальцах мяк.

Есть сон такой, – не спишь, а только снится,

Что жаждешь сна; что дремлет человек,

Которому сквозь сон палят ресницы

Два черных солнца, бьющих из-под век.

Текли лучи. Текли жуки с отливом,

Стекло стрекоз сновало по щекам.

Был полон лес мерцаньем кропотливым,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Как под щипцами у часовщика.

Казалось, он уснул под стук цифири,
Меж тем как выше, в терпком янтаре,
Испытаннейшие часы в эфире
Переставляют, сверив по жару.

Их переводят, сотрясают иглы
И сеют тень, и мают, и сверлят
Мачтовый мрак, который ввысь воздвигло,
В истому дня, на синий циферблат.

Казалось, древность счастья облетает.
Казалось, лес закатом снов объят.
Счастливые часов не наблюдают,
Но те, вдвоем, казалось, только спят.

1917

5. Спасское
Незабвенный сентябрь осыпается в Спасском.

Не сегодня ли с дачи съезжать вам пора?
За плетнем перекликнулось эхо с подпаском
И в лесу различило удар топора.

Этой ночью за парком знобило трясину.
Только солнце взошло, и опять – наутек.
Колокольчик не пьет костоломных росинок.
На березах несмытый лиловый отек.

Лес хандрит. И ему захотелось на отдых,
Под снега, в непробудную спячку берлог.
Да и то, меж стволов, в почерневших обводах
Парк зияет в столбцах, как сплошной некролог.

Березняк перестал ли линять и пятнаться,
Водянистую сень потуплять и редеть?
Этот – ропщет еще, и опять вам – пятнадцать,
И опять, – о дитя, о, куда нам их деть?

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Их так много уже, что не все ж – куролесить.
Их – что птиц по кустам, что грибов за межой.
Ими свой кругозор уж случалось завесить,
Их туманом случалось застлать и чужой.

В ночь кончины от тифа сгорающий комик
Слышит гул: гомерический хохот райка.
Нынче в Спасском с дороги бревенчатый домик
Видит, галлюцинируя, та же тоска.

1918

6. Да будет
Рассвет расколыхнет свечу,
Зажжет и пустит в цель стрижа.
Напоминанием влечу:
Да будет так же жизнь свежа!

Заря как выстрел в темноту.
Бабах! – и тухнет на лету
Пожар ружейного пыжа.
Да будет так же жизнь свежа.

Еще снаружи – ветерок,
Что ночью жался к нам, дрожа.
Зарей шел дождь, и он продрог.
Да будет так же жизнь свежа.

Он поразительно смешон!
Зачем совался в сторожа?
Он видел, – вход не разрешен.
Да будет так же жизнь свежа.

Повелевай, пока на взмах
Платка – пока ты госпожа,
Пока – покамест мы впотьмах,
Покамест не угас пожар.

1919

7. Зимнее утро (Пять стихотворений)

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
* * *

Воздух седенькими складками падает,

Снег припоминает мельком, мельком:

Спатки – называлось, шепотом и патокою

День позападал за колыбельку.

Выйдешь – и мурашки разбегаются, и ежится

Кожица, бывало, – сумки, дети, –

Улица в бесшумные складки ложится

Серой рыболовной сети.

Все, бывало, складывают: сказку о лисице,

Рыбу пошвырявшей с возу,

Дерево, сарай, и варезки, и спицы,

Зимний изумленный воздух.

А потом поздней, под чижиком, пред цветиками

Не сложеньем, что ли, с воли

Дуло и мело, не ей, не арифметикой ли

Подирало столик в школе?

Зуб, бывало, ноет: мажут его, лечат его, –

В докторском глазу ж – безумье

Сумок и снежков, линованное, клетчатое,

С сонными каракулями в сумме.

Та же нынче сказка, зимняя, мурлыкина,

На бегу шурша метелью по газете,

За барашек грив и тротуаров выкинулась

Серой рыболовной сетью.

Ватная, примерзлая и байковая, фортковая

Та же жуть берез безгнездых

Гарусную ночь чем свет за чаем свертывает,

Зимний изумленный воздух.

1918

* * *

Как не в своем рассудке,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Как дети ослушанья,

Облизываясь, сутки
Шутя мы осушали.

Иной, не отрываясь
От судорог страницы
До утренних трамваев,
Грозил заре допить.

Раскидывая хлопко
Снежок, бывало, чижик
Шумит: какую пробкой
Такую рожу выжег?

И день вставал, оплеснясь,
В помойной жаркой яме,
В кругах пожарных лестниц,
Ушибленный дровами.

1929

* * *

Я не знаю, что тошней:
Рушщийся лист с конюшни
Или то, что все в кашне,
Всё в снегу и всё в минувшем.

Пэнтюх и головотяп,
Там, меж листьев, меж домов там
Машет галкою октябрь
По каракулевым кофтам.

Треск ветвей – ни дать ни взять
Сушек с запахом рогожи.
Не растряс бы вихрь – связать,
Упадут, стуча, похоже.

Упадут в морозный прах,
Ах, похоже, спозаранок
Вихрь берется трясть впотьмах

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Тминной вязкою баранок.

1919

* * *

Ну, и надо ж было, тужась,
Каркнуть и взлететь в хаос,
Чтоб сложить октябрьский ужас
Парой крыльев на киоск.

И поднять содом со шпилей
Над живой рекой голов,
Где и ты, вуаль зашпилив,
Шляпу шпилькой заколов,

Где и ты, моя забота,
Котик лайкой застегнув,
Темной рысью в серых ботах
Машешь муфтой в море муфт.

1919

* * *

Между прочим, все вы, чтицы,
Лгать охотницы, а лгать –
У оконницы учиться,
Вот и вся вам недолга.

Тоже блещет, как баллада,
Дивной влагой; тоже льет
Слезы; тоже мечет взгляды
Мимо, – словом, тот же лед.

Тоже, вне правдоподобья,
Ширит, рвет ее зрачок,
Птичью церковь на сугробе,
Отдаленный конский чок.

И Чайковский на афише
Патетично, как и вас,
Может потрясти, и к крыше,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
В вихорь театральных касс.

1919

8. весна (пять стихотворений)

* * *

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,
Где даль пугается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

Где вечер пуст, как прерванный рассказ,
Оставленный звездой без продолженья
К недоумению тысяч шумных глаз,
Бездонных и лишенных выраженья.

1918

* * *

Пара форточных петелек,
Февраля отголоски.
Пить, пока не заметили,
Пить вискам и прическе!

Гул ворвался, как шомпол.
О холодный, сначала бы!
Бурный друг мой, о чем бы?
Воздух воли и – жалобы?!

Что за смысл в этом пойле?
Боже, кем это мелются,
Языком ли, душой ли,
Этот плеск, эти прелести?

Кто ты, март? – Закипал же
Даже лед, и обуглятся,
Раскатясь, экипажи
По свихнувшейся улице!

Научи, как ворочать
Языком, чтоб растрогались,
Как тобой, этой ночью

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Эти дрожки и щеголи.

1929

* * *

Воздух дождиком частым сечется.

Поседев, шелудивеет лед.

Ждешь: вот-вот горизонт и очнется

И – начнется. И гул пойдет.

Как всегда, расстегнув нараспашку

Пальтецо и кашне на груди,

Пред собой он погонит неславших,

Очумелых птиц впереди.

Он зайдет и к тебе и, развинчен,

Станет свечный натек колупать,

И зевнет, и припомнит, что нынче

Можно снять с гиацинтов колпак.

И шальной, шевелюру ероша,

В замешательстве смысл темня,

Ошарашит тебя нехорошей,

Глупой сказкой своей про меня.

1918

* * *

Закрой глаза. В наиглушайшем органе

На тридцать верст забывшихся пространств

Стоят в парах и каплют храп и хорканье,

Смех, лепет, плач, беспамятство и транс.

Им, как и мне, невмочь с весною свыкнуться,

Не в первый раз стараюсь, – не привык.

Сейчас по чащам мне и этим мыканцам

Подносит чашу дыма паровик.

Давно ль под сенью орденских капитулов,

Служивших в полном облаченьи хвои,

Мирянин-март украдкою пропитывал

Тропинки парка терпкой синевой?

Его грехи на мне под старость скажутся,
Бродивших верб откупоривши штоф,
Он уходил с утра под прутья саженцев,
В пруды с угаром тонущих кустов.

В вечерний час переставала двигаться
Жемчужных луж и речек акварель,
И у дверей показывались выходцы
Из первых игр и первых букварей.

1921

* * *

Чирикали птицы и были искренни.
Сияло солнце на лаке карет.
С точильного камня не сыпались искры,
А сыпались – гасли, в лучах сгорев.

В раскрытые окна на их рукоделье
Садилась, как голуби, облака.
Они замечали: с воды похудели
Заборы – заметно, кресты – слегка.

Чирикали птицы. Из школы на улицу,
На тумбы ложилось, хлынув волной,
Немолчное пенье и щелканье шпуплек,
Мелькали косички, и цокал челнок.

Не сыпались искры, а сыпались – гасли.
Был день расточителен; над школой свежей
Неслись облака, и точильщик был счастлив,
Что столько на свете у женщин ножей.

1922

9. Сон в летнюю ночь (Пять стихотворений)

* * *

Крупный разговор. Еще не запирали,
Вдруг как: моментально вон отсюда! –
Сбитая прическа, туча препирательств
И сплошной поток шопеновских этюдов.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Вряд ли, гений, ты распределяешь кету

В белом доме против кооператива,

Что хвосты луны стоят до края света

Чередой ночных садов без перерыва.

1918

* * *

Все утро с девяти до двух

Из сада шел томящий дух

Озона, змей и розмарина,

И олеандры разморило.

Синеет белый мезонин.

На мызе – сон, кругом – безлюдье.

Седой малинник, а за ним

Лиловый грунт его прелюдий.

Кому ужонок прошипел?

Кому прощально машет розан?

Опять депешею Шопен

К балладе страждущей отозван.

Когда ее не излечить,

Все лето будет в дифтерите.

Сейчас ли, черные ключи,

Иль позже кровь нам отворить ей?

Прикосновение руки –

И полвселенной – в изоляции,

И там плантации пылятся

И душно дышат табаки.

1918

* * *

Пианисту понятно шнырянье ветошниц

С косыми крюками обвалов в плечах.

Одно прозябанье корзины и крошни

И крышки раскрытых роялей влечат.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
По стройкам таскавшись с толпою тряпичниц

И клад этот где-то на свалках сыскав,
Он вешает облако бури кирпичной,
Как робу на вешалку на лето в шкаф.

И тянется, как за походною флягой,
Военную карту грозы расстелив,
К роялю, обычно обильному влагой
Огромного душного лета столиц,

Когда, подоспевши совсем незаметно,
Сгорая от жажды, гроза четыремя
Прыжками бросается к бочкам с цементом,
Дрожащими лапами ливня гремя.

1921

* * *

Я вишу на пере у творца
Крупной каплей лилового лоска.
Под домами – загадки канав.
Шибко воздух ли соткой и коксом

По вокзалам дышал и зажегся,
Но едва лишь зарю доконав,
Снова розова ночь, как она,
И забор поражен парадоксом.

И бормочет: прерви до утра
Этих сохлых белил колебанье.
Грунт убит и червив до нутра.
Эхо чутко, как шар в кегельбане.

Вешний ветер, шевьот и грязца,
И гвоздильных застав отголоски,
И на утренней терке торца
От зари, как от хренной полоски,
Проступают отчетливо слезки.

Я креплюсь на пере у творца

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Терпкой каплей густого свинца.

1922

* * *

Пей и пиши, непрерывным патрулем
Ламп керосиновых подкарауленный
С улиц, гуляющих под руку в июле
С кружкой пива, тобою пригубленной.

Зеленоглазая жажда гигантов!
Тополь столы осыпает пикулями,
Шпанкой, шиповником – тише, не гамьте!
Шепчут и шепчут пивца загогулины.

Бурная кружка с трехгорным Рембрандтом!
Спертость предгрозя тебя не испортила.
Ночью быть буре. Виденья, обратно!
Память, труби отступление к портерной!

Век мой безумный, когда образумлю
Темп потемнелый былого бездонного?
Глуби Мазурских озер не разуют
В сон погруженных горнистов Самсонова.

После в Москве мотоцикл тараторил,
Громкий до звезд, как второе пришествие.
Это был мор. Это был мораторий
Страшных судов, не съезжавшихся к сессии.

1922

10. Поэзия

Поэзия, я буду клясться

Тобой и кончу, прохрипев:

Ты не осанка сладкогласца,
Ты – лето с местом в третьем классе,
Ты – пригород, а не припев.

Ты – душная, как май, Ямская,
Шевардина ночной редут,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Где тучи стоны испускают

И врозь по роспуске идут.

И в рельсовом витье двояся, –

Предместье, а не перепев –

Ползут с вокзалов восвояси

Не с песней, а оторопев.

Отростки ливня грязнут в гроздьях

И долго, долго до зари

Кропают с кровель свой акростих,

Пуская в рифму пузыри.

Поэзия, когда под краном

Пустой, как цинк ведра, трюизм,

То и тогда струя сохранна,

Тетрадь подставлена, – струись!

1922

11. Два письма

* * *

Любимая, безотлагательно,

Не дав заре с пути рассесться,

Ответь чем свет с его подателем

О ходе твоего процесса.

И, если это только мыслимо,

Поторопи зарю, а лень ей, –

Воспользуйся при этом высланным

Курьером умоисступленья.

Дождь, верно, первым выйдет из лесу

И выпросит, где тор, где топко.

Другой ему вдогонку вызвался,

И это – под его диктовку.

Наверно, бурю безрассудств его

Сдадут деревья в руки из рук,

Моя ж рука давно отсутствует:

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Под ней жилой кирпичный призрак.

я не бывал на тех урочищах,
Она ж ведет себя, как прадед,
И знаменьем сложась пророчащим –
Тот дом по голой кровле гладит.

1921

* * *

На днях, в тот миг, как в ворох корпии
Был дом под Костромой искромсан,
Удар того же грома копию
Мне свел с каких-то незнакомцев.

Он свел ее с их губ, с их лацканов,
С их туловищ и туалетов,
В их лицах было что-то адское,
Их цвет был светло-фиолетов.

Он свел ее с их губ и лацканов,
С их блюдец и физиономий,
Но, сделав их на миг мулатскими,
Не сделал ни на миг знакомей.

В ту ночь я жил в Москве и в частности
Не ждал известий от бесценной,
Когда порыв зарниц негаснущих
Прибил к стене мне эту сцену.

1921

12. Осень (Пять стихотворений)

* * *

С тех дней стал над недрами парка сдвигаться
Суровый, листву леденивший октябрь,
Зарями ковался конец навигации,
Спирало гортань и ломило в локтях.

Не стало туманов. Забыли про пасмурность.
Часами смеркалось. Сквозь все вечера
Открылся, в жару, в лихорадке и насморке,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Больной горизонт – и дворы озирал.

И стынула кровь. Но, казалось, не стынут
Пруды, и, казалось, с последних погод
Не движутся дни, и казалось, вынут
Из мира прозрачный, как звук, небосвод.

И стало видать так далеко, так трудно
Дышать, и так больно глядеть, и такой
Покой разлился, и настолько безлюдный,
Настолько беспмятно звонкий покой!

1916

* * *

Потели стекла двери на балкон.
Их заслонял заметно зимний фикус.
Сиял графин. С недопитым глотком
Вставали вы, веселая навывказ, –

Смеркалась даль, – спокойная на вид, –
И дуло в щели, – праведница ликом, –
И день сгорал, давно остановив
Часы и кровь, в мучительно великом

Просторе долго, без конца горев
На остриях скворешниц и дерев,
В осколках тонких ледяных пластинок,
По пустырям и на ковре в гостиной.

1916

* * *

Но и им суждено было выцвести,
И на лете – налет фиолетовый,
И у туч, громогласных до этого, –
Фистула и надтреснутый присвист.

Облака над заплаканным флоксом,
Обволакивав даль, перетрафили.
Цветники, как холодные кафли.
Город кашляет школой и коксом.

Редко брызжет восток бирюзой.
Парников изразцы, словно в заморозки,
Застывают, и ясен, как мрамор,
Воздух роц и, как зов, беспризорен.

Я скажу до свиданья стихам, моя мания,
Я назначил вам встречу со мною в романе.
Как всегда, далеки от пародий,
Мы окажемся рядом в природе.

1917

* * *

Весна была просто тобой.
И лето – с грехом пополам.
Но осень, но этот позор голубой
Обоев, и войлок, и хлам!

Разбитую клячу ведут на махан,
И ноздри с коротким дыханьем
Заслушались мокрой ромашки и мха,
А то и конины в духане.

В прозрачность заплаканных дней целиком
Губами и глаз полыханьем
Впиваешься, как в помутнелый флакон
С невыдохшимися духами.

Не спорить, а спать. Не оспаривать,
А спать. Не распахивать наспех
Окна, где в беспмятных заревах
Июль, разгораясь, как яспис,
Расплавливал стекла и спаривал
Тех самых пунцовых стрекоз,
Которые нынче на брачных
Брусах – мертвей и прозрачней
Осыпавшихся папирос.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Как в сумерки сонно и зябко

Окошко! Сухой купорос.

На доньшке склянки – козявка

И гильзы задохшихся ос.

Как с севера дует! Как щупло

Нахохлилась стужа! О вихрь,

Общупай все глуби и дупла,

Найди мою песню в живых!

1917

* * *

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.

– Поздно, выплусь, чем свет перечту и пойму.

А пока не разбудят, любимую трогать

Так, как мне, не дано никому.

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью

Трогал так, как трагедией трогают зал.

Поцелуй был как лето. Он медлил и медлил,

Лишь потом раздражалась гроза.

Пил, как птицы. Тянул до потери сознания.

Звезды долго горлом текут в пищевод,

Соловьи же заводят глаза с содроганьем.

Осушая по капле ночной небосвод.

1918

Стихи разных лет. 1916–1931

Смешанные стихотворения

Борису Пильняку

Иль я не знаю, что, в потемки тычась,

Вовек не вышла б к свету темнота,

И я – урод, и счастье сотен тысяч

Не ближе мне пустого счастья ста?

И разве я не мерюсь пятилеткой,

Не падаю, не поднимаюсь с ней?

Но как мне быть с моей грудною клеткой

И с тем, что всякой косности косней?

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:

Она опасна, если не пуста.

1931

Анне Ахматовой

Мне кажется, я подберу слова,
Похожие на вашу первозданность.
А ошибусь, – мне это трын-трава,
я все равно с ошибкой не расстанусь.

Я слышу мокрых кровель говорок,
Торцовых плит заглохшие эклоги.
Какой-то город, явный с первых строк,
Растет и отдается в каждом слоге.

Кругом весна, но за город нельзя.
Еще строга заказчица скупая.
Глаза шитьем за лампою слезя,
Горит заря, спины не разгибая.

Вдыхая дали ладожскую гладь,
Спешит к воде, смиряя сил упадок.
С таких гулянок ничего не взять.
Каналы пахнут затхлостью укладок.

По ним ныряет, как пустой орех,
Горячий ветер и колышет веки
ветвей и звезд, и фонарей, и вех,
И с моста вдаль глядящей белошвейки.

Бывает глаз по-разному остер,
По-разному бывает образ точен.
Но самой страшной крепости раствор –
Ночная даль под взглядом белой ночи.

Таким я вижу облик ваш и взгляд.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Он мне внушен не тем столбом из соли,

Которым вы пять лет тому назад
Испуг оглядки к рифме прикололи,

Но, исходив от ваших первых книг,
Где крепили прозы пристальной крупицы,
Он и во всех, как искры проводник,
Событья былью заставляет биться.

1928

Марине Цветаевой
Ты вправо, вывернув карман,
Сказать: ищите, ройтесь, шарьте.
Мне все равно, чем сыр туман.
Любая быль – как утро в марте.

Деревья в мягких армяках
Стоят в грунту из гумигута,
Хотя ветвям наверняка
Невозмогу среди закута.

Роса бросает ветки в дрожь,
Струясь, как шерсть на меринесе,
Роса бежит, трясся, как еж,
Сухой копной у переносья.

Мне все равно, чей разговор
Ловлю, плывущий ниоткуда.
Любая быль – как вешний двор,
Когда он дымкою окутан.

Мне все равно, какой фасон
Сужден при мне покрою платьев.
Любую быль сметут как сон,
Поэта в ней законопатив.

Клубясь во много рукавов,
Он двинется, подобно дыму,
Из дыр эпохи роковой

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
В иной тупик непроходимый.

Он вырвется, курясь, из прорв
Судеб, расплющенных в лепеху,
И внуки скажут, как про торф:
Горит такого-то эпоха.

1928

Мейерхольдам
желоба коридоров иссякли.

Гул отхлынул и сплыл, и заглох.
У окна, опоздавши к спектаклю,
Вяжет вьюга из хлопьев чулок.

Рытым ходом за сценой залягте,
И, обуглясь у всех на виду,
Как дурак, я зайду к вам в антракте,
И смешаюсь, и слов не найду.

Я увижу деревья и крыши.
Вихрем кинутся мушки во тьму.
По замашкам зимы-замухрышки
я игру в кошки-мышки пойму.

Я скажу, что от этих ужимок
Еле цел я остался внизу,
Что пакет развязался и вымок
и что я вам другой привезу.

Что от чувств на земле нет отбою,
Что в руках моих – плеск из фойе,
Что из этих признаний – любое
Вам обоим, а лучшее – ей.

я люблю ваш нескладный развалец,
Жадной проседи взбитую прядь.
Если даже вы в это выгратись,
Ваша правда, так надо играть.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Так играл пред землей молодой
Одаренный один режиссер,
Что носился как дух над водою
И ребро сокрушенное тер.

И, протискавшись в мир из-за дисков
Наобум размещенных светил,
За дрожащую руку артистку
На дебют роковой выводил.

Той же пьесой неповторимой,
Точно запахом краски дыша,
Вы всего себя стерли для грима.
Имя этому гриму – душа.

1928

Пространство
Я. Я. Вильям-Вильмонт

К ногам прилипает наждак.
Долбеж понемногу стихает.
Над стежками капли дождя,
Как птицы, в ветвях отдыхают.

Чернеют сережки берез.
Лозняк отликает изнанкой.
Ненастье, дымясь, как обоз,
Задерживается по знаку,

И месит шоссейный кисель,
Готовое снова по взмаху
Рвануться, осев до осей
Свинцового всей колымагой.

Недолго приходится ждать.
Движенье нахмуренной выси, –
И дождь, затяжной, как нужда,
Вывешивает свой бисер.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Как к месту тогда по таким
Подушкам колеи непроезжих
Пятнистые пятаки
Лиловых, как лес, сыроежек!

И заступ скрежещет в песке,
И не попадает зуб на зуб.
И знаясь не хочет ни с кем
Железнодорожная насыпь.

Уж сорок без малого лет
Она у меня на примете,
И тянется рельсовый след
В тоске о стекле и цементе.

Во вторник молебен и акт.
Но только ль о том их тревога?
Не ради того и не так
По шпалам проводят дорогу.

Зачем же водой и огнем
С откоса хлеща переезды,
Упорное, ночью и днем
Несется на север железо?

Там город, – и где перечесть
Московского съезда соблазны,
Ненастий горящую шерсть,
Заманчивость мглы непролазной?

Там город, – и ты посмотри,
Как ночью горит он багрово.
Он былью одной изнутри,
Как плоскою, иллюминирован.

Он каменным чудом облеп
Рожденья стучащий подарок.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
В него, как в картонный кремлек,

Случайности вставлен огарок.

Он с гор разбросал фонари,
Чтоб капать, и теплить, и плавить
Историю, как стеарин
Какой-то свечи без заглавья.

1927

Бальзак
Париж в золотых тельцах, в дельцах,
В дождях, как мщенье, долгожданных.
По улицам летит пыльца.
Разгневанно цветут каштаны.

Жара покрыла лошадей
И щелканье бичей глазурию
И, как горох на решете,
Дрожит в оконной амбразуре.

Беспечно мчатся тильбюри.
Своя довлеет злоба дневи.
До завтрашней ли им зари?
Разгневанно цветут деревья.

А их заложник и должник,
Куда он скрылся? Ах, алхимик!
Он, как над книгами, поник
Над переулками глухими.

Почти как тополь, лопоух,
Он смотрит вниз, как в заповедник,
И ткет Парижу, как паук,
Зауспокойную обедню.

Его бессонные зенки
Устроены, как веретена.
Он вьет, как нитку из пеньки,
Историю сего притона.

Чтоб выкупиться из ярма
Ужасного заимодавца,
Он должен сгинуть задарма
И дать всей нитке размотаться.

Зачем же было брать в кредит
Париж с его толпой и биржей,
И поле, и в тени раки
Непринужденность сельских пиршеств?

Он грезит волей, как лакей,
Как пенсией – старик бухгалтер,
А весу в этом кулаке
Что в каменщиковой кувалде.

Когда, когда ж, утерши пот
И сушь кофейную отвеяв,
Он оградится от забот
Шестой главою от Матфея?
1927

Отплытие
Слышен лепет соли каплющей.
Гул колес едва показан.
Тихо взявши гавань за плечи,
Мы отходим за пакгаузы.

Плеск и плеск, и плеск без отзыва.
Разбегаясь со стенаньем,
Вспыхивает бледно-розовая
Моря ширь берестяная.

Треск и хруст скелетов раковых,
И шипит, горя, берёста.
Ширь растет, и море вздрагивает
От ее прироста.

Берега уходят ельничком, –

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Он невзрачен и тщедушен.

Море, сумрачно бездельничая,

Смотрит сверху на идущих.

С моря еще по морошку

Ходит и ходит лесками,

Грохнув и борт огороша,

Ширящееся плесканье.

Виден еще, еще виден

Берег, еще не без пятен

Путь, – но уже необыден

И, как беда, необъятен.

Страшным полуоборотом,

Сразу меняясь во взоре,

Мачты въезжают в ворота

Настежь открытого моря.

Вот оно! И, в предвкушеньи

Сладко бушующих новшеств,

Камнем в пучину крушений

Падает чайка, как ковшик.

1922

Финский залив

* * *

Рослый стрелок, осторожный охотник,

Призрак с ружьем на разливе души!

Не добирай меня сотым до сотни,

Чувству на корм по частям не кроши.

Дай мне подняться над смертью позорной.

С ночи одень меня в тальник и лед.

Утром спугни с мочежины озерной.

Целься, все кончено! Бей меня влёт.

За высоту ж этой звонкой разлуки,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
О, пренебрегнутые мои,

Благодарю и целую вас, руки
Родины, робости, дружбы, семьи.

1928

Петухи
Всю ночь вода трудилась без отдышки.

Дождь до утра льняное масло жег.
И валит пар из-под лиловой крышки,
Земля дымится, словно щей горшок.

Когда ж трава, отряхиваясь, вскочит,
Кто мой испуг изобразит росе
В тот час, как загорланит первый кочет,
За ним другой, еще за этим – все?

Перебирая годы поименно,
Поочередно окликая тьму,
Они пророчить станут перемену
Дождю, земле, любви – всему, всему.

1923

Ландыши
С утра жара. Но отведи
Кусты, и грузный полдень разом
Всей массой хряснет позади,
Обламываясь под алмазом.

Он рухнет в ребрах и лучах,
В разгранке зайчиков дрожащих,
Как наземь с потного плеча
Опущенный стекольный ящик.

Укрывшись ночью навесной,
Здесь белизна сурьмится углем.
Непревзойденной новизной
Весна здесь сказочна, как Углич.

Жары нещадная резня
Сюда не сунется с опушки.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И вот тыходишь в березняк,
Вы всматриваетесь друг в дружку.

Но ты уже предупрежден.
Вас кто-то наблюдает снизу:
Сырой овраг сухим дождем
Росистых ландышей унизан.

Он отделился и привстал,
Кистями капелек повисши,
На палец, на два от листа,
На полтора – от корневища.

Шурша неслышно, как парча,
Льнут лайкою его початки,
Весь сумрак рожи сообща
Их разбирает на перчатки.

1927

Сирень
Положим, – гудение улья,
И сад утопает в стряпне,
И спинки соломенных стульев,
И черные зерна слепней.

И вдруг объявляется отдых,
И всюду бросают дела:
Далекая молодость в сотах,
Седая сирень расцвела!

Уж где-то телеги и лето,
И гром отмыкает кусты,
И ливень въезжает в кассеты
Отстроившейся красоты.

И чуть наполняет повозка
Раскатистым воздухом свод, –
Лиловое зданье из воска,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
До облака вставши, плывет.

И тучи играют в горелки,
И слышится старшего речь,
Что надо сирени в тарелке
Путем отстояться и стечь.

1927

Любка
В. В. Гольцеву

Недавно этой просекой лесной
Прошелся дождь, как землемер и метчик.
Лист ландыша отяжелел блесной,
Вода забила в уши царских свечек.

Взлелеяны холодным сосняком,
Они росой оттягивают мочки,
Не любят дня, растут особняком
И даже запах льют поодиночке.

Когда на дачах пьют вечерний чай,
Туман вздувает паруса комарьи,
И ночь, гитарой брякнув невзначай,
Молочной мглой стоит в иван-да-марье.

Тогда ночной фиалкой пахнет все:
Лета и лица. Мысли. Каждый случай,
Который в прошлом может быть спасен
И в будущем из рук судьбы получен.

1927

Брюсову
Я поздравляю вас, как я отца
Поздравил бы при той же обстановке.
Жаль, что в Большом театре под сердца
Не станут стлать, как под ноги, циновки.

Жаль, что на свете принято скрести
У входа в жизнь одни подошвы; жалко,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Что прошлое смеется и грустит,

А злоба дня размахивает палкой.

Вас чествуют. Чуть-чуть страшит обряд,
Где вас, как вещь, со всех сторон покажут
И золото судьбы посеребрят,
И, может, серебрит в ответ обяжут.

Что мне сказать? Что Брюсова горька
Широко разбежавшаяся участь?
Что ум черствеет в царстве дурака?
Что не безделка – улыбаться, мучась?

Что сонному гражданскому стиху
Вы первый настезь в город дверь открыли?
Что ветер смел с гражданства шелуху
И мы на перья разодрали крылья?

Что вы дисциплинировали взмах
Взбешенных рифм, тянувшихся за глиной,
И были домовым у нас в домах
И дьяволом недетской дисциплины?

Что я затем, быть может, не умру,
Что, до смерти теперь устав от гили,
Вы сами, было время, поутру
Линейкой нас не умирать учили?

Ломиться в двери пошлых аксиом,
Где лгут слова и красноречье храмлет?..
О! весь Шекспир, быть может, только в том,
Что запросто болтает с тенью Гамлет.

Так запросто же! Дни рожденья есть.
Скажи мне, тень, что ты к нему желала б?
Так легче жить. А то почти не снести
Пережитого слышащихся жалоб.

1923

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Памяти Рейснер
Лариса, вот когда посожалею,
что я не смерть и ноль в сравненьи с ней.
я б разузнал, чем держится без клею
живая повесть на обрывках дней.

Как я присматривался к матерьялам!
Валились зимы кучей, шли дожди,
Запахивались вьюги одеялом
С грудными городами на груди.

Мелькали пешеходы в непогоду,
Ползли возы за первый поворот,
Года по горло погружались в воду,
Потоки новых запружали брод.

А в перегонном кубе всё упрямей
Варилась жизнь, и шла постройка гнезд.
Работы оцепляли фонарями
При свете слова, разума и звезд.

Осмотришься, какой из нас не свалян
Из хлопьев и из недомолвок мглы?
Нас воспитала красота развалин,
Лишь ты превыше всякой похвалы.

Лишь ты, на славу сбитая боями,
Вся сжатым залпом прелести рвалась.
Не ведай жизнь, что значит обаянье,
Ты ей прямой ответ не в бровь, а в глаз.

Ты точно бурей грации дымилась.
Чуть побывав в ее живом огне,
Посредственность впадала вмиг в немилость,
Несовершенство навлекало гнев.

Бреди же в глубь преданья, героиня.
Нет, этот путь не утомит ступни.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Ширяй, как высь, над мыслями моими:

Им хорошо в твоей большой тени.

1926

Приближенье грозы
Я. З. Черняку

Ты близко. Ты идешь пешком
Из города, и тем же шагом
Займешь обрыв, взмахнешь мешком
И гром прокатишь по оврагам.

Как допетровское ядро,
Он лугом пустится вприпрыжку
И раскидает груды дров
Слетевшей на сторону крышкой.

Тогда тоска, как оккупант,
Оцепит даль. Пахнёт окопом.
Закаплет. Ласточки вскипят.
Всею купой в сумрак вступит тополь.

Слух пронесется по верхам,
Что, сколько помнят, ты – до шведа,
И холод въедет в арьергард,
Скача с передовых разведок.

Как вдруг, очистивши обрыв,
Ты с поля повернешь, раздумав,
И сгинешь, так и не открыв
Разгадки шлемов и костюмов.

А завтра я, нырнув в росу,
Ногой наткнушь на шар гранаты
И повесть в комнату внесу,
Как в оружейную палату.

1927

Эпические мотивы
9-е января

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Первоначальный вариант

Какая дальность расстоянья!
В одной из городских квартир
В столовой – речь о Ляояне,
А в детской – тушь и транспортир.

Январь, и это год Цусимы,
И, верно, я латынь зубрю,
И время в хлопьях мчится мимо
По старому календарю.

Густеют хлопья, тают слухи,
Густеют слухи, тает снег.
Выходят книжки в новом духе,
А в старом возбуждают смех.

И вот, уроков не доделав,
Я сплю, и где-то в тот же час
Толпой стоят в дверях отделов,
И время старит, мимо мчась.

И так велик наплыв рабочих,
Что в зал впускают в два ряда.
Их предостерегают с бочек. –
Нет, им не причинят вреда.

Толпящиеся ждут Гапона.
Весь день он нынче сам не свой:
Их челобитная законна, –
Он им клянется головой.

Неужто ж он их тащит в омут?
В ту ночь, как голос их забот,
Он слышен из соседних комнат
До отдаленнейших слобод.

Крепчает ветер, крепнет стужа,
Пар так и валит изо рта.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Дух вырывается наружу

В столетье, в ночь, за ворота.

* * *

Когда рассвет столичный хаос

Окинул взглядом торжества,

Уже, мотая что-то на ус,

Похаживали пристава.

Невыспавшееся событие,

Как провод, в воздухе вися,

Обледенелой красной нитью

Опутывало всех и вся.

Оно рвалось от ружей в козлах,

От войск и воинских затей

В объятья любящих и взрослых

И пестовало их детей.

Еще пороли дичь проспекты,

И только-только рассвело,

Как уж оно в живую секту

Толпу с окраиной слило.

Еще голов не обнажили,

Когда предместье лесом труб

Сошлось, звеня, как сухожилье,

За головами этих групп.

Был день для них благоприятен,

И снег кругом горел и мерз

Артериями сонных пятен

И солнечным сплетеньем верст.

Когда же тронулись с заставы,

Достигши тысяч десяти,

Скрещенья улиц, как суставы,

Зашевелились по пути.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Их пенье оставляло пену
В ложбине каждого двора,
Сдвигало вывески и стены,
Перемещало номера.

И гимн гремел всего хвалебней,
И пели даже старики,
Когда передовому гребню
Открылась ширь другой реки.

Когда: «Да что там?» – рявкнул голос,
И что-то отрубил другой,
И звук упал в пустую полость,
И выси выгнулись дугой.

Когда в тиши речной таможни,
В морозной тишине земли –
Сухой, опешившей, порожней –
Лишь слышалось, как сзади шли.

Ро-та! – взвилось мечом Дамокла,
И стекла уши обрели:
Рвануло, отдало и смолкло,
И миг спустя упало: пли!

И вновь на набережной стекла,
Глотая воздух, напряглись,
Рвануло, отдало и смолкло,
И вновь насторожилась близь.

Толпу порол ружейный ужас,
Как свежесмытый холст.
И выводок кровавых лужиц
У ног, не обнаружась, полз.

Рвало и множилось и молкло,
И камни – их и впрямь рвало

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Горячими комками свеклы –

Хлестали холодом стекло.

И в третий раз притихли выси,
И в этот раз над спячкой барж
Взвилось мечом Дамокла: рысью!
И лишь спустя мгновенье: марш!

1925

Второе рождение. 1930–1931
Волны
Я. И. Бухарину

Здесь будет все: пережитое
И то, чем я еще живу,
Мои стремленья и устои,
И виденное наяву.

Передо мною волны моря.
Их много. Им немислим счет.
Их тьма. Они шумят в миноре.
Прибой, как вафли, их печет.

Весь берег, как скотом, ишмыган.
Их тьма, их выгнал небосвод.
Он их гуртом пустил на выгон
И лег за горкой на живот.

Гуртом, сворачиваясь в трубки,
Во весь разгон моей тоски
Ко мне бегут мои поступки,
Испытанного гребешки.

Их тьма, им нет числа и сметы,
Их смысл досель еще не полн,
Но все их сменю одето,
Как пенье моря пеной волн.

* * *

Здесь будет спор живых достоинств,
И их борьба, и их закат,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И то, чем дарит жаркий пояс
И чем умеренный богат.

И в тяжбе борющихся качеств
Займет по первенству куплет
За сверхъестественную зрячесть
Огромный берег Кобулет.

Обнявшись, как поэт в работе,
Что в жизни порознь видно двум, –
Одним концом – ночное Потти,
Другим – светящийся Батум.

Умеющий, – так он всевидящ, –
Унять, как временную блажь,
Любое, с чем к нему ни выйдешь:
Огромный восьмиверстный пляж.

Огромный пляж из голых галек –
На все глядящий без пелен –
И зоркий, как глазной хрусталик,
Незастекленный небосклон.

* * *
Мне хочется домой, в огромность
Квартиры, наводящей грусть.
Войду, сниму пальто, опомнюсь,
Огнями улиц озарюсь.

Перегородок тонкоробость
Пройду насквозь, пройду, как свет.
Пройду, как образ входит в образ
И как предмет сечет предмет.

Пускай пожизненность задачи,
Врастающей в заветы дней,
Зовется жизнью сидячей, –
И по такой, грущу по ней.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Опять знакомостью напева

Пахнут деревья и дома.

Опять направо и налево

Пойдет хозяйничать зима.

Опять к обеду на прогулке

Наступит темень, просто страсть.

Опять научит переулки

Охулки на руки не класть.

Опять повалят с неба взятки,

Опять укроет к утру вихрь

Осин подследственных десятки

Сукном сугробов снеговых.

Опять опавшей сердца мышцей

Услышу и вложу в слова,

Как ты ползешь и как дымишься,

Встаешь и строишься, Москва.

И я приму тебя, как упряжь,

Тех ради будущих безумств,

Что ты, как стих, меня зазубришь,

Как быль, запомнишь наизусть.

* * *

Здесь будет облик гор в покое.

Обман безмолвья, гул во рву;

Их тишь; стесненное, крутое

Волненье первых рандеву.

Светало. За Владикавказом

Чернело что-то. Тяжело

Шли тучи. Рассвело не разом.

Светало, но не рассвело.

Верст на шесть чувствовалась тяжесть

Обвившей выси темноты,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Хоть некоторые, куражась,

Старались скинуть хомуты.

Каким-то сном несло оттуда.
Как в печку вмазанный казан,
Горшком отравленного блюда
Внутри дымился Дагестан.

Он к нам катил свои вершины
И, – черный сверху до подошв,
Так и рвался принять машину
Не в лязг кинжалов, так под дождь.

В горах заваривалась каша.
За исполином исполин,
Один другого злей и краше,
Спирали выход из долин.

* * *

Зовите это как хотите,
Но все кругом одевший лес
Бежал, как повести развитие,
И признавал свой интерес.

Он брал не фауной фазаньей,
Не сказочной осанкой скал, –
Он сам пленял, как описание,
Он что-то знал и сообщал.

Он сам повествовал о плене
Вещей, вводимых не на час,
Он плыл отчетом поколений,
Служивших за сто лет до нас.

Шли дни, шли тучи, били зорю,
Седлали, повскакавши с тахт,
И – в горы рощами предгорья
И вон из рощ, как этот тракт.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И сотни новых вслед за теми,

Тьмы крепостных и тьмы служак,
Тьмы ссыльных, – имена и семьи,
За родом род, за шагом шаг.

За годом год, за родом племя,
К горам во мгле, к горам под стать
Горянкам за чадрой в гареме,
За родом род, за пядью пядь.

И в неизбывное насилье
Колонны, шедшие извне,
На той войне черту вносили,
Невиданную на войне.

Чем движим был поток их? Тем ли,
Что кто-то посылал их в бой?
Или, влюбляясь в эту землю,
Он дальше влекся сам собой?

Страны не знали в Петербурге
И, злясь, – как на сноху свекровь,
Жалели сына в глупой бурке
За чертову его любовь.

Она вселяла гнев в отчизне,
Как ревность в матери, – но тут
Овладевали ей, как жизнью,
Или как женщину берут.

Вот чем лесные дебри брали,
Когда на рубеже их царств
Предупрежденьем о Дарьяле
Со дна оврага вырос Ларе.

Все смолкло, сразу впав в немилость,
Все стало гулом: сосны, мгла.
Все громкой тишиной дымилось,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Как звон во все колокола.

Кругом толпились гор отроги,
И новые отроги гор
Входили молча по дороге
И уходили в коридор.

А в их толпе у парапета
Из-за угла, как пешеход,
Прошедший на рассвете Млеты,
Показывался небосвод.

Он дальше шел. Он шел отселе,
Как всякий шел. Он шел из мглы
Удушливых ушей ущелья –
Верблюдом сквозь ушко иглы.

Он шел с котомкой по дну балки,
Где кости круч и облака
Торчат, как палки катафалка,
И смотрят в клетку рудника.

На дне той клетки едким натром
Травится Терек, и руда
Орет пред всем амфитеатром
От боли, страха и стыда.

Он шел породой, бьющей настезь
Из преисподней на простор,
А эхо, как шоссейный мастер,
Сгребало в пропасть этот сор.

* * *

Уж замка тень росла из крика
Обретших слово, а в горах,
Как мамкой пуганный заика,
Мычал и таял Девдорах.

Мы были в Грузии. Помножим

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмем подножием,
И мы получим этот край.

И мы поймем, в сколь тонких дозах
С землей и небом входят в смесь
Успех, и труд, и долг, и воздух,
Чтоб вышел человек, как здесь.

Чтобы, сложившись средь бескормиц,
И поражений, и неволь,
Он стал образчиком, оформясь
Во что-то прочное, как соль.

* * *
Кавказ был весь как на ладони
И весь как смятая постель,
И лед голов синел бездонней
Тепла нагретых пропастей.

Туманный, не в своей тарелке,
Он правильно, как автомат,
Вздыхал, как залпы перестрелки,
Злорадство ледяных громад.

И в эту красоту уставясь
Глазами бравших край бригад,
Какую ощутил я зависть
К наглядности таких преград!

О, если б нам подобный случай,
И из времен, как сквозь туман,
На нас смотрел такой же кручей
Наш день, наш генеральный план!

Передо мною днем и ночью
Шагала бы его пята,
Он мял бы дождь моих пророчеств

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Подошвой своего хребта.

Ни с кем не надо было б грызться.

Не заподозренный никем,
Я вместо жизни виршеписца
Повел бы жизнь самих поэм.

* * *

Ты рядом, даль социализма.
Ты скажешь – близь? – Средь тесноты,
Во имя жизни, где сошлись мы, –
Переправляй, но только ты.

Ты куришься сквозь дым теорий,
Страна вне сплетен и клевет,
Как выход в свет, и выход к морю,
И выход в Грузию из Млет.

Ты – край, где женщины в Путивле
Зегзицами не плачут впредь.
И я всей правдой их счастливлю,
И ей не надо прочь смотреть.

Где дышат рядом эти обе,
А крючья страсти не скрипят
И не дают в остатке дробы
К беде родившихся ребят.

Где я не получаю сдачи
Разменным бытом с бытия,
Но значу только то, что трачу,
А трачу все, что знаю я.

Где голос, посланный вдогонку
Необоримой новизне,
Весельем моего ребенка
Из будущего вторит мне.

* * *

Здесь будет все: пережитое

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
В предвиденьи и наяву.

И те, которых я не стою,
И то, за что средь них слышу.

И в шуме этих категорий
Займут по первенству куплет
Леса аджарского предгорья
У взморья белых кобулет.

Еще ты здесь, и мне сказали,
Где ты сейчас и будешь в пять,
Я б мог застать тебя в курзале,
Чем даром языком трепать.

Ты б слушала и молодеда,
Большая, смелая, своя,
О человеке у предела,
Которому не век судья.

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

* * *

Октябрь, а солнце, что твой август,
И снег, ожегший первый холм,
Усугубляет тугоплавкость
Катящихся, как вафли, волн.

Когда он платиной из тигля
Просвечивает сквозь листву,
Чернее лиственницы иглы, –
И снег ли то по существу?

Он блещет снимком лунной ночи,
Рассматриваемой в обед,
И сообщает пошлость Сочи
Природе скромных Кобулет.

И все ж то знак: зима при двéрях,
Почтим же лета эпилог.
Простимся с ним, пойдем на берег
И ноги окунем в белок.

Растет и крепнет ветра натиск,
Растут фигуры на ветру.
Растут и, кутаясь и пятясь,
Идут вдоль волн, как на смотрю.

Обходят линию прибоя,
Уходят в пены перезвон,
И с ними, выгнувшись трубою,
Здоровается горизонт.

1931

Баллада
Дрожат гара́жи автобазы,
Нет, нет, как кость, взблеснет костел.
Над парком падают топазы,
Слепых зарниц бурлит котел.
В саду – табак, на тротуаре –
Толпа, в толпе – гуденье пчел.
Разрывы туч, обрывки арий,
Недвижный Днепр, ночной Подол.

«Пришел», – летит от вяза к вязу,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И вдруг становится тяжел

Как бы достигший высшей фазы

Бессонный запах матиол.

«Пришел», – летит от пары к паре,

«Пришел», – стволу лепечет ствол.

Потоп зарниц, гроза в разгаре,

Недвижный Днепр, ночной Подол.

Удар, другой, пассаж, – и сразу

В шаров молочный ореол

Шопена траурная фраза

Вплывает, как больной орел.

Под ним – угар араукарий,

Но глух, как будто что обрел,

Обрывы донизу обшаря,

Недвижный Днепр, ночной Подол.

Полет орла, как ход рассказа.

В нем все соблазны южных смол

И все молитвы и экстазы

За сильный и за слабый пол.

Полет – сказанье об Икаре.

Но тихо с круч ползет подзол,

И глух, как каторжник на Каре,

Недвижный Днепр, ночной Подол.

Вам в дар баллада эта, Гарри.

Воображенья произвол

Не тронул строк о вашем даре:

Я видел все, что в них привел.

Запомню и не разбазарю:

Метель полночных матиол.

Концерт и парк на крутояре.

Недвижный Днепр, ночной Подол.

1930

Вторая баллада

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
На даче спят. В саду, до пят

Подветренном, кипят лохмотья.
Как флот в трехъярусном полете,
Деревьев паруса кипят.
Лопатами, как в листопад,
Гребут березы и осины.
На даче спят, укрывши спину,
Как только в раннем детстве спят.

Ревет фагот, гудит набат.
На даче спят под шум без плоти,
Под ровный шум на ровной ноте,
Под ветра яростный надряд.
Льет дождь, он хлынул с час назад.
Кипит деревьев парусина.
Льет дождь. На даче спят два сына,
Как только в раннем детстве спят.

Я просыпаюсь. Я объят
Открывшимся. Я на учете.
Я на земле, где вы живете,
И ваши тополя кипят.
Льет дождь. Да будет так же свят,
Как их невинная лавина...
Но я уж сплю наполовину,
Как только в раннем детстве спят.

Льет дождь. Я вижу сон: я взят
Обратно в ад, где все в компоте,
И женщин в детстве мучат тети,
А в браке дети теребят.
Льет дождь. Мне снится: из ребят
Я взят в науку к исполину,
И сплю под шум, месяций глину,
Как только в раннем детстве спят.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Светает. Мглистый банный чад.

Балкон плывет, как на плашкоте,
Как на плотях, – кустов щепоти
И в каплях потный тес оград.
(Я видел вас пять раз подряд.)

Спи, былъ. Спи жизни ночью длинной.
Усни, баллада, спи, былина,
Как только в раннем детстве спят.

1930

Лето
Ирпень – это память о людях и лете,
О воле, о бегстве из-под кабалы,
О хвое на зное, о сером левкое
И смене безветрия, вёдра и мглы.

О белой вербене, о терпком терпеньи
Смолы; о друзьях, для которых малы
Мои похвалы и мои восхваленья,
Мои славословья, мои похвалы.

Пронзительных иволог крик и явленье
Китайкой и углем желтило стволы,
Но сосны не двигали игол от лени
И белкам и дятлам сдавали углы.

Сырели комоды, и смену погоды
Древесная квакша вещала с сучка,
И балка у входа ютила удода,
И, детям в угоду, запечье – сверчка.

В дни съезда шесть женщин топтали луга.
Лениво паслись облака в отдаленьи.
Смеркалось, и сумерек хитрый маневр
Сводил с полутьмою зажженный репейник,
С землю – саженные тени ирпенек
И с небом – пожар полосатых панев.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Смеркалось, и, ставя простор на колени,
Загон горизонта смыкал полукруг.
Зарницы вздымали рога по-оленьи,
И с сена вставали и ели из рук
Подруг, по приходе домой, тем не мене
От жуликов дверь запиравших на крюк.

В конце, пред отъездом, ступая по кипе
Листвы облетелой в жару бредовом,
Я с неба, как с губ, перетянутых сыпью,
Налет недомолвок сорвал рукавом.

И осень, дотоле вопившая выпью,
Прочистила горло; и поняли мы,
Что мы на пиру в вековом прототипе –
На пире Платона во время чумы.

Откуда же эта печаль, Диотима?
Каким увереньем прервать забытье?
По улицам сердца из тьмы нелюдимой!
Дверь настезь! За дружбу, спасенье мое!

И это ли происки Мэри-арфистки,
Что рока игрою ей под руки лег
И арфой шумит ураган аравийский,
Бессмертья, быть может, последний залог.

1930

Смерть поэта
Не верили, считали – бредни,
Но узнавали от двоих,
Троих, от всех. Равнялись в стрóку
Остановившегося срока
Дома чиновниц и купчих,
Дворы, деревья, и на них
Грачи, в чаду от солнцепека
Разгоряченно на грачих

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Кричавшие, чтоб дуры впредь не

Совались в грех, да будь он лих.

Лишь был на лицах влажный сдвиг,
Как в складках порванного бредня.

Был день, безвредный день, безвредней

Десятка прежних дней твоих.

Толпились, выстроясь в передней,
Как выстрел выстроил бы их.

Ты спал, постлав постель на сплетне,

Спал и, оттрепетав, был тих, –

Красивый, двадцатидвухлетний,

Как предсказал твой тетраптих.

Ты спал, прижав к подушке щеку,

Спал – со всех ног, со всех лодыг

Врезаясь вновь и вновь с наскоку

В разряд преданий молодых.

Ты в них врезался тем заметней,

Что их одним прыжком достиг.

Твой выстрел был подобен этне

В предгорьи трусов и трусик.

1930

* * *

Годами когда-нибудь в зале концертной

Мне Брамса сыграют – тоской изойду.

Я вздрогну, я вспомню союз шестисердый,

Прогулки, купанье и клумбу в саду.

Художницы робкой, как сон, крутолобость,

С беззлобной улыбкой, улыбкой захлеб,

Улыбкой, огромной и светлой, как глобус,

Художницы облик, улыбку и лоб.

Мне Брамса сыграют, – я вздрогну, я сдамся,

Я вспомню покупку припасов и круп,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Ступеньки террасы и комнат убранство,
и брата, и сына, и клумбу, и дуб.

Художница пачкала красками траву,
Роняла палитру, совала в халат
Набор рисовальный и пачки отравы,
что «Басмой» зовутся и астму сулят.

Мне Брамса сыграют, – я сдамся, я вспомню
Упрямую заросль, и кровлю, и вход,
Балкон полутемный и комнат питомник,
Улыбку, и облик, и брови, и рот.

И вдруг, как в открывшемся в сказке Сезаме,
Предстанут соседи, друзья и семья,
И вспомню я всех, и зальюсь я слезами,
И вымокну раньше, чем выплачусь я.

И станут кружком на лужке интермеццо,
Руками, как дерево, песнь охватив,
Как тени, вертеться четыре семейства
Под чистый, как детство, немецкий мотив.

1932

* * *

Не волнуйся, не плачь, не труди
Сил иссякших и сердца не мучай.
Ты жива, ты во мне, ты в груди,
Как опора, как друг и как случай.

Верой в будущее не боюсь
Показаться тебе краснобаем.
Мы не жизнь, не душевный союз, –
Обоюдный обман обрубаем.

Из тифозной тоски тюфяков
Вон на воздух широт образцовый!
Он мне брат и рука. Он таков,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Что тебе, как письмо, адресован.

Надорви ж его вширь, как письмо,
С горизонтом вступи в переписку,
Победи изнуренья измор,
Заведи разговор по-альпийски.

И над блюдом баварских озер
С мозгом гор, точно кости мосластых,
Убедишься, что я не фразер
С заготовленной к месту подсласткой.

Добрый путь. Добрый путь. Наша связь,
Наша честь не под кровлею дома.
Как росток на свету распрямясь,
Ты посмотришь на все по-другому.

1931

* * *

Окно, пюпитр и, как овраги эхом, –
Полны ковры всем играным. В них есть
Невысказанность. Здесь могло с успехом
Сквозь исполнение авторство процвести.

Окно не на две створки *alīa breve*[6],
Но шире, – на три: в ритме трех вторых.
Окно, и двор, и белые деревья,
И снег, и ветки, – свечи пятерик.

Окно, и ночь, и пульсом бьющий иней
В ветвях, – в узлах височных жил. Окно,
И синий лес висячих нотных линий,
И двор. Здесь жил мой друг. Давно-давно

Смотрел отсюда я за круг Сибири,
Но друг и сам был городом, как Омск
И Томск, – был кругом войн и перемирий
И кругом свойств, занятий и знакомств.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И часто-часто, ночь о нем продумав,

Я утра ждал у трех оконных створ.
И муторным концертом мертвых шумов
Копался в мерзлых внутренностях двор.

И мерил я полуторного мерой
Судьбы и жизни нашей недомер,
В душе ж, как в детстве, снова шел премьерой
Большого неба ветреный пример.

1931

* * *
Любить иных – тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильна.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засоряясь впредь,
Все это – не большая хитрость.

1931

* * *
Все снег да снег, – терпи, и точка.
Скорей уж, право б, дождь прошел
И горькой тополевой почкой
Подруги сдобрил скромный стол.

Зубровкой сумрак бы закапал,
Укропу к супу б накрошил.
Бокалы – грохотом вокабул,
Латынью ливня оглушил.

Тупицу б двинул по затылку, –

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Мы в ту пору б оглохли, но
Откупорили б, как бутылку,
Заплесневелое окно,

И гам ворвался б: «Ливень заслан
К чертям, куда Макар телят
Не ганивал...» И солнце маслом
Асфальта б залило салат.

А вскачь за громом, за четверкой
Ильи Пророка, под струи –
Мои телячьи бы восторги,
Телячьи б нежности твои.

1931

* * *
Мертвецкая мгла,
И с тумбами вровень
В канавах – тела
Утопленниц-кровель.

Оконницы служб
И охра покоев
В покойницкой луж,
И лужи – рекою.

И в них извозцы,
И дрожек разводы,
И взят под уздцы
Битюг небосвода.

И капли в кустах,
И улица в тучах.
И щебеты птах,
И почки на сучьях.

И все они, все
Выходят со мною

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Пустынным шоссе

На поле Ямское.

Где спят фонари
И даль, как чужая:
Ее снегири
Зарей оглушают.

Опять на гроши
Грунтами несмело
Творится в тиши
Великое дело.

1931

* * *

Платки, подборы, жгучий взгляд
Подснежников – не оторваться.
И грязи рыжий шоколад
Не выровнен по ватерпасу.

Но слякоть месит из лучей
Весну и сонный стук каменьев,
И птичьи крики мнет ручей,
Как лепят пальцами пельмени.

Платки, оборки – благодать!
Проталин черная лакрица...
Сторицей дай тебе воздать
И, как реке, вздохнуть и вскрыться.

Дай мне, превысив нивелир,
Благодарить тебя до сипу
И сверху окуни свой мир,
Как в зеркало, в мое спасибо.

Толпу и тумбы опрокинь,
И желоба в слюне и пене,
И неба роговую синь,
И облаков пустые тени.

Слепого полдня желатин,
И желтые очки промоин,
И тонкие слюдинки льдин,
И кочки с черной бахромою.

1931

* * *

Любимая, – молвы слащавой,
Как угля, вездесуща гарь.
А ты – подспудной тайной славы
Засасывающий словарь.

А слава – почвенная тяга.
О, если б я прямой возник!
Но пусть и так, – не как бродяга,
Родным войду в родной язык.

Теперь не сверстники поэтов,
Вся ширь проселков, меж и лех
Рифмует с Лермонтовым лето
И с Пушкиным гусей и снег.

И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем,
Тесней, чем сердце и предсердье,
Зарифмовали нас вдвоем.

Чтоб мы согласья сочетаньем
Застлали слух кому-нибудь
Всем тем, что сами пьем и тянем
И будем ртами трав тянуть.

1932

* * *

Красавица моя, вся статья,
Вся суть твоя мне по сердцу,
Вся рвется музыкою статья,
И вся на рифму просится.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

А в рифмах умирает рок,
И правдой входит в наш мирок
Миров разноголосица.

И рифма не вторенье строк,
А гардеробный номерок,
Талон на место у колонн
В загробный гул корней и лон.

И в рифмах дышит та любовь,
Что тут с трудом выносится,
Перед которой хмурят бровь
И морщат переносицу.

И рифма не вторенье строк,
Но вход и пропуск за порог,
Чтоб сдать, как плащ за бляшкою;
Болезни тягость тяжкую,
Боязнь огласки и греха
За громкой бляшкою стиха.

Красавица моя, вся суть,
Вся статья твоя, красавица,
Спирает грудь и тянет в путь,
И тянет петь и – нравиться.

Тебе молился Поликлет.
Твои законы изданы.
Твои законы в далях лет.
Ты мне знакома издавна.

1931

* * *
Кругом семенящейся ватой,
Подхваченной ветром с аллея,
Гуляет, как призрак разврата,
Пушистый ватин тополей.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
А в комнате пахнет, как ночью

Болотной фиалкой. Бока
Опущенной шторы морочат
Доверье ночного цветка.

В квартире прохлада усадьбы.
Не жертвуя ей для бесед,
В разлуке с тобой и писать бы,
Внося пополненья в бюджет.

Но грусть одиноких мелодий –
Как участь бульварных семян,
Как спущенной шторы бесплодые,
Вводящей фиалку в обман.

Ты стала настолько мне жизнью,
Что все, что не к делу, – долой,
И вымыслов пить головизну
Тошнит, как от рыбы гнилой.

И вот я вникаю на ощупь
В доподлинной повести тьму.
Зимой мы расширим жилплощадь,
Я комнату брата займу.

В ней шум уплотнителей глуше,
И слушаться будет жадней,
Как битыми днями баклуши
Бьют зимние тучи над ней.

1931

* * *

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, – никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной,

И опять кольнут донине
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавливает голод дровяной.

Но нежданно по портъере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

1931

* * *

Ты здесь, мы в воздухе одном.

Твое присутствие, как город,
Как тихий Киев за окном,
Который в зной лучей обернут,

Который спит, не опочив.

И сном борим, но не поборот,
Срывает с шеи кирпичи,
Как потный чесучовый ворот,

В котором, пропотев листвою
От взятых только что препятствий,
На побежденной мостовой

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Устало тополя толпятся.

Ты вся, как мысль, что этот Днепр
В зеленой коже рвов и стежек,
Как жалобная книга недр
Для наших записей расхожих.

Твое присутствие, как зов
За полдень поскорей усесться
И, перечтя его с азов,
Вписать в него твое соседство.

1931

* * *

Опять Шопен не ищет выгод,
Но, окрыляясь на лету,
Один прокладывает выход
Из веритья в правоту.

Задворки с выломанным лазом,
Хибарки с паклей по бортам.
Два клена в ряд, за третьим, разом –
Соседний Рейтарской квартал.

Весь день внимают клены детям,
Когда ж мы ночью лампу жжем
И листья, как салфетки, метим, –
Крошатся огненным дождем.

Тогда, насквозь проколовродив
Штыками белых пирамид,
В шатрах каштановых напротив
Из окон музыка гремит.

Гремит Шопен, из окон грянув,
А снизу, под его эффект
Прямя подсвечники каштанов,
На звезды смотрит прошлый век.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Как бьют тогда в его сонате,

Качая маятник громад,
Часы разъездов и занятий,
И снов без смерти, и фермат!

Итак, опять из-под акаций
Под экипажи парижан?
Опять бежать и спотыкаться,
Как жизни тряский дилижанс?

Опять трубить, и гнать, и звякать,
И, мякоть в кровь поря, – опять
Рождать рыданье, но не плакать,
Не умирать, не умирать?

Опять в сырую ночь в мальпосте
Проездом в гости из гостей
Подслушать пенье на погосте
Колес, и листьев, и костей?

В конце ж, как женщина, отпрянув
И чудом сдерживая прыть
Впотьмах приставших горлопанов,
Распяьем фортепьян застыть?

А век спустя, в самозащите
Задев за белые цветы,
Разбить о плиты общежитий
Плиту крылатой правоты.

Опять? И, посвятив соцветьям
Рояля гулкий ритуал,
Всем девятнадцатым столетьем
Упасть на старый тротуар.

1931

* * *

Вечерело. Повсюду ретиво
Рос орешник. Мы вышли на скат.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Нам открылась картина на диво.

Отдышась, мы взглянули назад.

По краям пропастей куролеся,

Там, как прежде, при нас, напролом

Совершало подъем мелколесье,

Попирая гнилой бурелом.

Там, как прежде, в фарфоровых гнездах

Колченого хромал телеграф,

И дышал и карабкался воздух,

Грабов головы кверху задрал.

Под прорешливой сенью орехов

Там, как прежде, в петливой красе

По заре вечеревшей проехав,

Колесило и рдело шоссе.

Каждый спуск и подъем что-то чуял,

Каждый столб вспоминал про разбой,

И, все тулово вытянув, буйвол

Голым дьяволом плыл под арбой.

А вдали, где как змеи на яйцах,

Тучи в кольца свивались, – грозней,

Чем былые набегии ногайцев,

Стлались цепи китайских теней.

То был ряд усыпальниц, в завесе

Заметенных снегами путей

За кулисы того поднебесья,

Где томился и мерк Прометей.

Как усопших представшие души,

Были все ледники налицо.

Солнце тут же японскою тушью

Переписывало мертвецов.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И тогда, вчетвером на отвесе,
Как один, заглянули мы вниз.
Мельтеша, точно чернь на эфесе,
В глубине шевелился Тифлис.

Он так полно осмеивал сферу
Глазомера и все естество,
Что возник и остался химерой,
Точно град не от мира сего.

Точно там, откупался данью,
Длился век, когда жизнь замерла
И горячие серные бани
Из-за гор воевал Тамерлан.

Будто вечер, как встарь, его вывел
На равнину под персов обстрел,
Он малиною кровель червивел
И, как древнее войско, пестрел.

1931

* * *

Пока мы по Кавказу лазаем,
И в задыхающейся раме
Кура ползет атакой газовой
К Арагве, сдавленной горами,
И в августовский свод из мрамора,
Как обезглавленных гортани,
Заносят яблоки адамовы
Казненных замков очертанья,

Пока я голову заламываю,
Следя, как шеи укреплений
Плывут по синеве сиреновой
И тонут в бездне поколений,
Пока, сменяя рощи вязовые,
Курчавится лесная мелочь,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Что шепчешь ты, что мне подсказываешь,

Кавказ, Кавказ, о что мне делать!

Объятые в тысячу охватов,
Чем обеспечен твой успех?
Здоровый глаз за веко спрятав,
Над чем смеешься ты, Казбек?
Когда от высей сердце ёкает
И гор колышутся кадила,
Ты думаешь, моя далекая,
Что чем-то мне не угодила.
И там, у Альп в дали Германии,
Где так же чокаются скалы,
Но отклики еще туманнее,
Ты думаешь, – ты оплошала?

я брошен в жизнь, в потоке дней
Катящую потоки рода,
И мне кроить свою трудней,
Чем резать ножницами воду.
Не бойся снов, не мучься, брось,
Люблю и думаю и знаю.
Смотри: и рек не мыслит врозь
Существованья ткань сквозная.

1931

* * *

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость – это Рим, который

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1931

* * *

Когда я устаю от пустозвонства
Во все века вертевшихся льстецов,
Мне хочется, как сон при свете солнца,
Припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо.

Незванная, она внесла, во-первых,
Во все, что случилось, вкус больших начал.
Я их не выбирал, и суть не в нервах,
Что я не жаждал, а предвосхищал.

И вот года строительного плана,
И вновь зима, и вот четвертый год.
Две женщины, как отблеск ламп Светлана,
Горят и светят средь его тягот.

Мы в будущем, твержу я им, как все, кто
Жил в эти дни. А если из калек,
То все равно: телегою проекта
Нас переехал новый человек.

Когда ж от смерти не спасет таблетка,
То тем свободней время поспешит
В ту даль, куда вторая пятилетка
Протягивает тезисы души.

Тогда не убивайтесь, не тужите,
Всею слабостью клянусь остаться в вас.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
А сильными обещано изжитье

Последних язв, одолевавших нас.

1932

* * *

Стихи мои, бегом, бегом.

Мне в вас нужда, как никогда.

С бульвара за угол есть дом,

Где дней порвалась череда,

Где пуст уют и брошен труд,

И плачут, думают и ждут.

Где пьют, как воду, горький бром

Полубессонниц, полудрем.

Есть дом, где хлеб как лебеда,

Есть дом, – так вот бегом туда.

Пусть вьюга с улиц улюлю, –

Вы – радугой по хрусталу,

Вы – сном, вы – вестью: я вас шлю,

я шлю вас, значит, я люблю.

О ссадины вокруг женских шей

От вешавшихся фетишей!

Как я их знаю, как постиг,

я, вешающийся на них.

Всю жизнь я сдерживаю крик

О видимости их вериг,

Но их одолевает ложь

Чужих похолодевших лож,

И образ Синей Бороды

Сильнее, чем мои труды.

Наследье страшное мещан,

Их посещает по ночам

Несуществующий, как Вий,

Обидный призрак нелюбви,

И привиденьем искажен

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Природный жребий лучших жен.

О, как она была смела,
Когда, едва из-под крыла
Любимой матери, шутя,
Свой детский смех мне отдала,
Без прекословий и помех –
Свой детский мир и детский смех,
Обид не знавшее дитя,
Свои заботы и дела.

1931

* * *

Еще не умолкнул упрек
И слезы звенели в укор,
С рассветом к тебе на порог
Нагрянуло новое горе.

Скончался большой музыкант,
Твой идол и родич, и этой
Утратой открылся закат
Уюта и авторитета.

Стояли, от слез охмелев
И астр тяжеля переливы,
Белел алебастром рельеф
Одной головы горделивой.

Черты в две орлиных дуги
Несли на буксире квартиру,
Обрывки цветов, и шаги,
И приторный привкус эфира.

Твой обморок мира не внес
В качанье венков в одноколке,
И пар обмороженных слез
Пронзил нашатырной иголкой.

И марш похоронный роптал,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

и снег у ворот был раскидан,
и консерваторский портал
Гражданскою плыл панихидой.

Меж пальм и московских светил,
К которым ковровой дорожкой
я тихо тебя подводил,
Играла огромная брошка.

Орган отливал серебром,
Немой, как в руках ювелира,
А издали слышался гром,
Катившийся из-за полмира.

Покоилась люстр тишина,
и в зареве их бездыханном
играл не орган, а стена,
Украшенная органом.

Ворочая балки, как слон,
и освобождаясь от бревен,
Хорал выходил, как Самсон,
из кладки, где был замурован.

Томившийся в ней поделом,
но пущенный из заточенья,
Он песнею несся в пролом
о нашем с тобой обрученьи.

* * *
Как сборы на общий венок,
Плетни у заставы чернели.
Короткий морозный денек
вечерней звенел ригурнелью.

Воспользовавшись темнотою,
нас кто-то догнал на моторе.
Дорога со всей прямою

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Направилась на крематорий.

С заставы дул ветер, и снег,
Как на рубежах у Варшавы,
Садился на брови и мех
Снежинками смежной державы.

Озябнувшие москвичи
Шли полем, и вьюжная нежить
Уже выносила ключи
К затворам последних убежищ.

* * *
Но он был любим. Ничего
Не может пропасть. Еще мене –
Семья и талант. От него
Остались броски сочинений.

Ты дома подымешь пюпитр,
И, только коснешься до клавиш,
Попытка тебя ослепит,
И ты ей все крылья расправишь.

И будет январь и луна,
И окна с двойным позументом
Ветвей в серебре галуна,
И время пройдет незаметно.

А то, удивившись на миг,
Спохватишься ты на концерте,
Насколько скромней нас самих
Вседневное наше бессмертье.

1931

* * *
Весенний день тридцатого апреля
С рассвета отдается детворе.
Захваченный примеркой ожерелья,
Он еле управляется к заре.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Как горы мятой ягоды под марлей,

Всплывает город из-под кисеи.

По улицам шеренгой куцых карлиц

Бульвары тянут сумерки свои.

Вечерний мир всегда бутон кануна.

У этого ж – особенный почин.

Он расцветет когда-нибудь коммуной

В скрещеньи многих майских годовщин.

Он долго будет днем переустройства,

Предпраздничных уборок и затей,

Как были до него березы Троицы

И, как до них, огни панатеней.

Всё так же будут бить песок размякший

И на иллюминированный карниз

Подтаскивать кумач и тес. Всё так же

По сборным пунктам развозить актрис.

и будут бодро по трое матросы

Гулять по скверам, огибая дерн.

И к ночи месяц в улицы вотрется,

Как мертвый город и остывший горн.

Но с каждой годовщиной все махровой

Тугой задаток розы будет цвесть,

Все явственнее прибывать здоровье,

И все заметней искренность и честь.

Всё встрепаннее, всё многолепестней

Ложиться будут первого числа

Живые нравы, навыки и песни

В луга и пашни и на промысла.

Пока, как запах мокрых центифолий,

Не вырвется, не выразится вслух,

Не сможет не сказаться поневоле

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Созревших лет перебродивший дух.

1931

* * *

Столетье с лишним – не вчера,

А сила прежняя в соблазне

В надежде славы и добра

Глядеть на вещи без боязни.

Хотеть, в отличие от хлыща

В его существовании кратком,

Труда со всеми сообща

И заодно с правопорядком.

И тот же тотчас же тупик

При встрече с умственной ленью,

И те же выписки из книг,

И тех же эр сопоставленья.

Но лишь сейчас сказать пора,

Величьем дня сравненье разня:

Начало славных дней Петра

Мрачили мятежи и казни.

Итак, вперед, не трепеща

И утешаясь параллелью,

Пока ты жив, и не моща,

И о тебе не пожалели.

1931

* * *

Весеннюю порою льда

И слез, весной бездонной,

Весной бездонною, когда

В Москве – конец сезона,

Вода доходит в холода

По пояс небосклону,

Отходят рано поезда,

Пруды – желто-лимонны,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И проводы, как провода,
Оттянуты в затоны.

Когда ручьи поют романс
О непролазной грязи,
И вечер явно не про нас
Таинственен и черномаз,
И неба безобразье –
Как речь сказителя из масс
И женщин до потопа,
Как обаянье без гримас
И отдых углекопа.

Когда какой-то брод в груди,
И лошадью на броне
В нас что-то плачет: пощади,
Как площади отродье.
Но столько в лужах позади
Затопленных мелодий,
Что вставил вал – и заводи
Машину половодья.

Какой в нее мне вставить вал?
Весна моя, не сетуй.
Печали час твоей совпал
С преображеньем света.

Струитесь, черные ручьи.
Родимые, струитесь.
Примите в заводи свои
Околицы строительств.

Их марева – как облака
Зарей неторопливой.
Как август, жаркие века
Скопили их наплывы.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

В краях заката стоял лед.
И по воде, оттаяв,
Гнездом сполоснутым плывет
Усадьба без хозяев.

Прощальных слез не осуша
И плакав вечер целый,
Уходит с Запада душа,
Ей нечего там делать.

Она уходит, как весной
Лимонной желтизною
Закатной заводи лесной
Пускаются в ночное.

Она уходит в перегной
Потопа, как при Ное,
И ей не боязно одной
Бездонною весной.

Пред нею край, где в поясной
Поклон не вгонят стона,
Из сердца девушки сенной
Не вырежут фестона.

Пред ней заря, пред ней и мной
Зарей желто-лимонной –
Простор, затопленный весной,
Весной, весной бездонной.

И так как с малых детских лет
Я ранен женской долей,
И след поэта – только след
Ее путей, не боле,
И так как я лишь ей задет
И ей у нас раздолье,
То весь я рад сойти на нет

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

В революционной воле.

О том ведь и веков рассказ,
Как, с красотой не справясь,
Пошли топтать не осмотрясь
Ее живую завязь.

А в жизни красоты как раз
И крылась жизнь красавиц.
Но их дурманил лоботряс
И развивал мерзавец.

Венец творенья не потряс
Участвующих и погряз
Во тьме утаек и прикрас.

Отсюда наша ревность в нас
И наша месть и зависть.

1931

На ранних поездах. 1936–1944
Художник
1

Мне по душе строптивый норов
Артиста в силе: он отвык
От фраз, и прячется от взоров,
И собственных стыдится книг.

Но всем известен этот облик.
Он миг для прятков прозевал.
Назад не повернуть оглобли,
Хотя б и затаясь в подвал.

Судьбы под землю не заямить.
Как быть? Неясная сперва,
При жизни переходит в память
Его признавшая молва.

Но кто ж он? На какой арене
Стяжал он поздний опыт свой?
С кем протекли его боренья?

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

С самим собой, с самим собой.

Как поселенье на Гольфштреме,

Он создан весь земным теплом.

В его залив вкатило время

Все, что ушло за волнолом.

Он жаждал воли и покоя,

А годы шли примерно так,

Как облака над мастерскою,

Где горбился его верстак.

2

Как-то в сумерки Тифлиса

Я зимой занес стопу.

Пресловутую теплицу

Лихорадило в гриппу.

Рысью разбегались листья.

По пятам, как сенбернар,

Прыгал ветер в желтом плисе

Оголившихся чинар.

Постепенно все грубело.

Север, черный лежебок,

Вешал ветку изабеллы

Перед входом в погребок.

Быстро таял день короткий,

Кротко шел в щепотку снег.

От его сырой щекотки

Разбирал не к месту смех.

Я люблю их, грешным делом,

Стаи хлопьев, холод губ,

Небо в черном, землю в белом,

Шапки, шубы, дым из труб.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

я люблю перед бураном
Присмирившие двory,
Будто прятки по чуланам
Нашалившей детворы.

И летящих туч обрывки,
И снежинок канитель,
И щипцами для завивки
Их крутящую метель.

Но впервые здесь на юге
Средь порхания пурги
Я увидел в кольцах вьюги
Угли вольтовой дуги.

Ах, с какой тоской звериной,
Трепеща, как стеарин,
Озаряли мандарины
Красным воском лед витрин!

Как на родине Миньоны
С гетевским: «Dahin!», «Dahin!»[7]
Полыхали лампионы
Субтропических долин.

И тогда с коробкой шляпной,
Как модистка синема,
Настигала нас внезапно
Настоящая зима.

Нас отбрасывала в детство
Белокурая копна
В черном котике кокетства
И почти из полусна.

3

Скромный дом, но рюмка рому

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И набросков черный грог,

И взамен камор – хоромы,
И на чердаке – чертог.

От шагов и волн капота
И расспросов – ни следа.
В зарешеченном работой
Своде воздуха – слюда.

Голос, властный, как полюдые,
Плавит все наперечет.
В горловой его полуде
Ложек олово течет.

Что́ ему почет и слава,
Место в мире и молва
В миг, когда дыханьем сплава
В слово сплочены слова?

Он на это мебель стопит,
Дружбу, разум, совесть, быт.
На столе стакан не допит,
Век не дожит, свет забыт.

Слитки рифм, как воск гадальный,
Каждый миг меняют вид.
Он детей дыханье в спальней
Паром их благословит.

4

Он встает. Века. Гелаты.
Где-то факелы горят.
Кто провел за ним в палату
Островерхих шапок ряд?

И еще века. Другие.
Те, что после будут. Те,
В уши чьи, пока тугие,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Шепчет он в своей мечте.

– Жизнь моя средь вас – не очерк.

Этого хоть захлебнись.

Время пощадит мой почерк

От критических скребниц.

Разве въезд в эпоху заперт?

Пусть он крепость, пусть и храм,

Въеду на коне на паперть,

Лошадь осажу к дверям.

Не гуслар и не балакирь,

Лошадь взвил я на дыбы,

Чтоб тебя, военный лагерь,

Увидать с высот судьбы.

И, едва поводя тронув,

Порываюсь наугад

В широту твоих прогонов,

Что еще во тьме лежат.

Как гроза, в пути объемля

Жизнь и случай, смерть и страсть,

Ты пройдешь умы и земли,

Чтоб преданьем в вечность впасть.

Твой поход изменит местность.

Под чугун твоих подков,

Размывая бессловесность,

Хлынут волны языков.

Крыши городов дорогой,

Каждой хижины крыльцо,

Каждый тополь у порога

Будут знать тебя в лицо.

1936

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Безвременно умершему
Немые индивиды,

И небо, как в степи.

Не кайся, не завидуй, –

Покойся с миром, спи.

Как прусской пушке Берте

Не по зубам Париж,

Ты не узнаешь смерти,

Хоть через час сгоришь.

Эпохи революций

Возобновляют жизнь

Народа, где стрясутся,

В громах других отчизн.

Страницы века громче

Отдельных правд и кривд.

Мы этой книги кормчей

Простой уставный шрифт.

Затем-то мы и тянем,

Что до скончанья дней

Идем вторым изданьем,

Душой и телом в ней.

Но тут нас не оставят.

Лет через пятьдесят,

Как ветка пустит паветвь,

Найдут и воскресят.

Побег не обезлиствел,

Зарубка зарастет.

Так вот – в самоубийстве ль

Спасенье и исход?

Деревьев первый иней

Убористым сучьем

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Вчерне твоей кончине

Достоинно посвящен.

Кривые ветки ольшин –
Как реквием в стихах.
И это все; и больше
Не скажешь впопыхах.

Теперь темнеет рано,
Но конный небосвод
С пяти несет охрану
Окраин, рощ и вод.

Из комнаты с венками
Вечерний виден двор
И выезд звезд верхами
В сторожевой дозор.

Прощай. Нас всех рассудит
Невинность новичка.
Покойся. Спи. Да будет
Земля тебе легка.

1936

Из летних записок
Друзьям в Тифлисе

1

«Не чувствую красот
В Крыму и на Ривьере,
Люблю речной осот,
Чертополоху верю». –

Бесславить бедный юг
Считает пошлость долгом,
Он ей, как роем мух,
Засижен и оболган.

А между тем и тут
Сырую прелесть мира

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Не вынесли на суд
Для нашего блезира.

2

Как кочегар, на бак
Поднявшись, отдыхает, –
Так по ночам табак
В грядках благоухает.

С земли гелиотроп
Передаёт свой запах
Рассолу флотских роб,
Развешанных на трапах.

В совхозе садовод
Ворочается чаще,
Глаза на небосвод
Из шалаша тараща.

Ночь в звездах, стих норд-ост,
И жерди палисадин
Моргают сквозь нарост
Зрачками виноградин.

Левкой и Млечный Путь
Одною лейкой полит,
И близостью чуть-чуть
Ему глаза мозолит.

3

Счастлив, кто целиком,
Без тени чужеродья,
Всем детством – с бедняком,
Всей кровью – в народе.

Я в ряд их не попал,
Но и не ради форса

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
С шеренгой прихлебал

В родню чужую втерся.

Отчизна с малых лет
Влекла к такому гимну,
Что небу дела нет –
Была ль любовь взаимна.

Народ, как дом без кром,
И мы не замечаем,
Что этот свод шатром,
Как воздух, нескончаем.

Он – чащи глубина,
Где кем-то в детстве раннем
Давались имена
Событьям и созданьям.

Ты без него ничто.
Он, как свое изделие,
Кладет под долото
Твои мечты и цели.

4

Дымились, встав от сна,
Пространства за Навтлугом,
Познанья новизна
Была к моим услугам.

Откинув лучший план,
Я ехал с волокитой,
Дорога на Беслан
Была грозой размыта.

Откос пути размяк,
И вспухшая Арагва
Неслась, сорвав башмак
С болтающейся дратвой.

Я видел поутру
С моста за старой мытней
Взбешенную Куру
С машиной стенобитной.

5

За прошлого порог
Не вносят произвола.
Давайте с первых строк
Обнимемся, Паоло!

Ни разу властью схем
Я близких не обидел,
В те дни вы были всем,
Что я любил и видел.

Входили ль мы в квартал
Оружья, кож и седел,
Везде ваш дух витал
И мною верховодил.

Уступами террас
Из вьющихся глициний
Я мерил ваш рассказ
И слушал, рот разиня.

Не зная ваших строф,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник.

6

Я видел, чем Тифлис
Удержан по откосам,
Я видел даль и близь
Кругом под абрикосом.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Он был во весь отвес,
Как книга с фронтисписом,
На языке чудес
Кистями слив исписан.

По склонам цвел анис,
И, высясь пирамидой,
Смотрели сверху вниз
Сады горы Давида.

Я видел блеск светца
Меж кадок с олеандром,
И видел ночь: чтеца
За старым фолиантом.

7

Я помню грязный двор.
Внизу был винный погреб,
А из чердачных створ
Виднелся гор апокриф.

Собьются тучи в ком –
Глазами не осилишь, –
А через них гуськом
Бредет толпа страшилищ.

В разрывы облаков,
Протягивая шляпы,
Обозы ледников
Тащились по этапу.

Однако иногда
Пред комнатами дома
Кавказская гряда
Вставала по-иному.

На окна и балкон,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Где жарились олады,

Смотрел весь южный склон
В серебряном окладе.

Перила галерей
Прохватывало как бы
Морозом алтарей,
Пылавших за Арагвой.

Там реял дух земли,
Который в идеале
На небо возвели
И демоном назвали.

Объятья протянув
Из вьюги многогодней,
Стучался в вечность туп
Руками преисподней.

8
меня б не тронул рай
На вольном ветерочке.
Иным мне дорог край
Родившихся в сорочке.

Живут и у озер
Слепые и глухие,
У этих – фантазер
Стал пятою стихией.

Убогие арбы
И хижины без прясел
Он меткостью стрельбы
И шуткою украсил.

Когда во весь свой рост
Встает хребта громада,
Его застольный тост –

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Венец ее наряда.

9

Чернее вечера,
Заливистее ливни,
И песни овчара
С ночами заунывной.

В горах, среди табуна,
Холодной ночью лунной
Встречаешь чабана,
Он – как дольмен валунный.

Он – повесть ближних сел.
Поди, что хочешь, вызнай.
Он кнут ременный сплел
Из лиц, имен и жизней.

Он знает: нет того,
Что б в единеньи силы
Народа торжество
В пути остановило.

10

Немолчный плеск солей.
Скалистое ущелье.
Стволы густых елей.
Садовый стол под елью.

На свежем шашлыке
Дыханье водопада.
Он тут невдалеке
На оглушенье саду.

На хлебе и жарком
Угар его обвала,
Как пламя кувырком

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Упавшего шандала.

От говора ключей,
Сочащихся из скважин,
Тускнеет блеск свечей, –
Так этот воздух влажен.

Они висят во мгле
Сученой ниткой книзу,
Их шум прибит к скале,
Как канделябр к карнизу.

11

Еловый бурелом,
Обрыв тропы овечьей.
Нас много за столом,
Приборы, звезды, свечи.

Как пылкий дифирамб,
Все затмевая оптом,
Огнем садовых ламп
Тицьян Табидзе обдан.

Сейчас он речь начнет
И мыслью – на прицеле.
Он слово почерпнет
Из этого ущелья.

Он курит, подперев
Рукою подбородок,
Он строг, как барельеф,
И чист, как самородок.

Он плотен, он шатен,
Он смертен, и, однако,
Таким, как он, Роден
Изобразил Бальзака.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Он в глыбе поселен,

Чтоб в тысяче градаций
Из каменных пелен
Все явственней рождаться.

Свой непомерный дар
Едва, как свечку, тепля.
Он – пира перегар
В рассветном сером пепле.

12

На Грузии не счесть
Одеж и оболочек.
На свете розы есть.
Я лепесткам не счетчик.

О роза, с синевою
Из радуг и алмазин,
Тягучий роспуск твой,
Как сна течение, связан.

На трубочке чуть свет
Следы ночной примерки.
Ты ярче всех ракет
В садовом фейерверке.

Чуть зной коснется губ,
Ты вся уже в эфире,
Зачатья пышный клуб,
Как пава, расфуфыря.

Но лето на кону,
И ты, не медля часу,
Роняешь всю копну
Обмякшего атласа.

* * *
Дивясь, как высь жутка,
А Терек дик и мутен,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

За пазуху цветка

И я вползал, как трутень.

лето 1936

Переделкино

Летний день

У нас весной до зари

Костры на огороде, –

языческие алтари

На пире плодородья.

Перегорают целина

И парит спозаранку,

И вся земля раскалена,

Как жаркая лежанка.

я за работой земляной

С себя рубашку скину,

И в спину мне ударит зной

И обожжет, как глину.

я стану – где сильней припек,

И там, глаза зажмуря,

Покроюсь с головы до ног

Горшечною глазурью.

А ночь войдет в мой мезонин

И, высунувшись в сени,

Меня наполнит, как кувшин,

Водю и сиренью.

Она отмоеет верхний слой

С похолодевших стенок

И даст какой-нибудь одной

Из здешних уроженок.

1941

Сосны

В траве, меж диких бальзаминов,

Ромашек и лесных купав,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Лежим мы, руки запрокинув
И к небу головы задрав.

Трава на просеке сосновой
Непроходима и густа.
Мы переглянемся – и снова
Меняем позы и места.

И вот, бессмертные на время,
Мы к лику сосен причтены
И от болей и эпидемий
И смерти освобождены.

С намеренным однообразием,
Как мазь, густая синева
Ложится зайчиками наземь
И пачкает нам рукава.

Мы делим отдых краснолесья,
Под копошенье мураша
Соснового снотворной смесью
Лимона с ладаном дыша.

И так неистовы на синем
Разбеги огненных стволов,
И мы так долго рук не вынем
Из-под заломленных голов,

И столько широты во взоре,
И так покорно все извне,
Что где-то за стволами море
Мерещится все время мне.

Там волны выше этих веток,
И, сваливаясь с валуна,
Обрушивают град креветок
Со взбаламученного дна.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

А вечерами за буксиром
На пробках тянется заря
И отливает рыбьим жиром
И мглистой дымкой янтаря.

Смеркается, и постепенно
Луна хоронит все следы
Под белой магиею пены
И черной магией воды.

А волны всё шумней и выше.
И публика на поплавке
Толпится у столба с афишей,
Неразличимой вдалеке.

1941

Ложная тревога
Корыта и ушаты,
Нескладица с утра,
Дождливые закаты,
Сырые вечера,

Проглоченные слезы
Во вздохах темноты,
И зовы паровоза
С шестнадцатой версты.

И ранние потемки
В саду и на дворе,
И мелкие поломки.
И всё как в сентябре.

А днем простор осенний
Пронизывает вой
Тоскою голошенья
С погоста за рекой.

Когда рыданье вдовье

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Относит за бугор,

Я с нею всею кровью
И вижу смерть в упор.

Я вижу из передней
В окно, как всякий год,
Своей поры последней
Отсроченный приход.

Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима.

1941

Зазимки
Открыли дверь, и в кухню паром
Вкатился воздух со двора,
И все мгновенно стало старым,
Как в детстве в те же вечера.

Сухая, тихая погода.
На улице, шагах в пяти,
Стоит, стыдясь, зима у входа
И не решается войти.

Зима – и всё опять впервые.
В седые дали ноября
Уходят ветлы, как слепые
Без палки и поводыря.

Во льду река и мерзлый тальник,
А поперек, на голый лед,
Как зеркало на подзеркальник,
Поставлен черный небосвод.

Пред ним стоит на перекрестке,
Который полузанесло,
Береза со звездой в прическе

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
и смотрится в его стекло.

Она подозревает втайне,
что чудесами в решетке
Полна зима на даче крайней,
Как у нее на высоте.

1944

Иней
Глухая пора листопада.
Последних гусей косяки.
Расстраиваться не надо:
У страха глаза велики.

Пусть ветер, рябину занянчив,
Пугает ее перед сном.
Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.

Ты завтра очнешься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.

Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед,
И трубы, и лес лопухий
Шутом маскарадным одет.

Все обледенело с размаху
В папахе до самых бровей
И крадущейся росомахой
Подсматривает с ветвей.

Ты дальше идешь с недоверьем.
Тропинка ныряет в овраг.
Здесь инея сводчатый терем,
Решетчатый тес на дверях.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаща видна.

Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.

И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь».

1941

Город
Зима, на кухне пенье петьки,
Метели, вымерзшая клеть
Нам могут хуже горькой редьки
В конце концов осточертеть.

Из чащи к дому нет прохода,
Кругом сугробы, смерть и сон,
И кажется, не время года,
А гибель и конец времен.

Со скользких лестниц лед не сколот,
Колодец кольцами свело.
Каким магнитом в этот холод
Нас тянет в город и тепло!

Меж тем как, не преувелича,
Зимой в деревне нет житья,
Исполнен город безразличья
К несовершенствам бытия.

Он создал тысячи диковин

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И может не бояться стуж.

Он сам, как призраки, духовен
Всей тьмой перебивавших душ.

Во всяком случае поленьям
На станционном тупике
Он кажется таким виденьем
В ночном горящем далеке.

Я тоже чтил его подростком.
Его надменность льстила мне.
Он жизнь веков считал наброском,
Лежавшим до него вчерне.

Он звезды переобезьянил
Вечерней выставкою благ
И даже место неба занял
В моих ребяческих мечтах.

1941

Вальс с чертовщиной
Только заслышу польку вдали,
Кажется, вижу в замочную скважину:
Лампы задули, сдвинули стулья,
Пчелками кверху порх фитили, –
Масок и ряженных движется улей.
Это за щелкой елку зажгли.

Великолепие выше сил
Туши, и сепии, и белил,
Синих, пунцовых и золотых
Львов и танцоров, львиц и франтих.
Реянье блузок, пенье дверей,
Рев карапузов, смех матерей,
Финики, книги, игры, нуга,
Иглы, ковриги, скачки, бега.

В этой зловещей сладкой тайге

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Люди и вещи на равной ноге.

Этого бора вкусный цукат
К шапок разбору рвут нарасхват.
Душно от лакомств. Елка в поту
Клеем и лаком пьет темноту.

Все разметала, всем истекла,
Вся из металла и из стекла.
Искрится сало, брызжет смола
Звездами в залу и зеркала
И догорает дотла. Мгла.
Мало-помалу толпою усталой
Гости выходят из-за стола.

Шали, и боты, и башлыки.
Вечно куда-нибудь их занастаишь.
Ставни, ворота и дверь на крюки,
В верхнюю комнату форточку настезь.
Улицы зимней синий испуг,
Время пред третьими петухами.
И возникающий в форточной раме
Дух сквозняка, задувающий пламя,
Свечка за свечкой явственно вслух:
Фук. фук. фук. фук.

1944

Вальс со слезой
Как я люблю ее в первые дни –
Только что из лесу или с метели!
Ветки неловкости не одолели.
Нитки ленивые, без суетни,
Медленно переливая на теле,
Виснут серебряною канителью.
Пень под глухой пеленой простыни.

Озолотите ее, осчастливьте –
И не смигнет. Но стыдливая скромница

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
В фольге лиловой и синей финифти

Вам до скончания века запомнится.

Как я люблю ее в первые дни,

Всю в паутине или в тени!

Только в примерке звезды и флаги,

И в бонбоньерки не клали малаги.

Свечки не свечки, даже они

Штифтики грима, а не огни.

Это волнующаяся актриса

С самыми близкими в день бенефиса.

Как я люблю ее в первые дни

Перед кулисами в кучке родни!

яблоне – яблоки, елочке – шишки.

Только не этой. Эта в покое.

Эта совсем не такого покроя.

Это – отмеченная избранница.

Вечер ее вековечно протянется.

Этой нимало не страшно пословицы.

Ей небывалая участь готовится:

В золоте яблок, как к небу пророк,

Огненной гостьей взмыть в потолок.

Как я люблю ее в первые дни,

Когда о елке толки одни!

1941

На ранних поездах

Я под Москвою эту зиму,

Но в стужу, снег и буревал

Всегда, когда необходимо,

По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,

Когда на улице ни зги,

И рассыпал лесною тьмью

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали ветлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шел на шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор неся всей машиной
На оглушенный виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли, как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двойкий,
Мы выходили из метро.

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

1941

Опять весна
Поезд ушел. насыпь черна.
Где я дорогу впотьмах раздобуду?
Неузнаваемая сторона,
Хоть я и сутки только отсюда.
Замер на шпалах лязг чугуна.
Вдруг – что за новая, право, причуда?
Бестолочь, кумушек пересуды.
Что их попутал за сатана?

Где я обрывки этих речей
Слышал уж как-то порой прошлогодней?
Ах, это сызнава, верно, сегодня
Вышел из роци ночью ручей.
Это, как в прежние времена,
Сдвинула льдины и вздулась запруда.
Это поистине новое чудо,
Это, как прежде, снова весна.

Это она, это она,
Это ее чародейство и диво,
Это ее телогрейка за ивой,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Плечи, косынка, стан и спина.

Это Снегурка у края обрыва.

Это о ней из оврага со дна
льется без умолку бред торопливый
Полубезумного болтуна.

Это пред ней, заливая преграды,
Тонет в чаду водяном быстрине,
Лампой висячего водопада
К круче с шипеньем пригвождена.
Это, зубами стуча от простуды,
льется чрез край ледяная струя
В пруд и из пруда в другую посуду.
Речь половодья – бред бытия.

1941

Дрозды
На захолустном полустанке

Обеденная тишина.

Безжизненно поют овсянки
В кустарнике у полотна.

Бескрайний, жаркий, как желанье,
Прямой проселочный простор.
Лиловый лес на заднем плане,
Седого облака вихор.

Лесной дорогою деревья
Заигрывают с пристяжной.
По углубленьям на корчевье
фиалки, снег и перегной.

Наверное, из этих впадин
и пьют дрозды, когда взамен
Раззванивают слухи за день
Огнем и льдом своих колен.

Вот долгий слог, а вот короткий.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Вот жаркий, вот холодный душ.

Вот что выделывают глоткой,
Луженной лоском этих луж.

У них на кочках свой поселок,
Подглядыванье из-за штор,
Шушуканье в углах светелок
И целодневный таратор.

По их распахнутым покоем
Загадки в гласности снуют.
У них часы с дремучим боем,
Им ветви четверти поют.

Таков притон дроздов тенистый.
Они в неубранном бору
Живут, как жить должны артисты.
Я тоже с них пример беру.

1941

Стихи о войне
БОбыль
Грустно в нашем саду.

Он день óто дня краше.
В нем и в этом году
Жить бы полною чашей.

Но обитель свою
Разлюбил обитатель.
Он отправил семью,
И в краю неприятель.

И один, без жены,
Он весь день у соседей,
Точно с их стороны
Ждет вестей о победе.

А повадится в сад
И на пункт ополченский,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Так глядит на закат

В направленьи к Смоленску.

Там в вечерней красе
Мимо Вязьмы и Гжатска
Протянулось шоссе
Пятитонкой солдатской.

Он еще не старик
И укор молодежи,
А его дробовик
Лет на двадцать моложе.

1941

Старый парк
Мальчик маленький в кроватке,
Бури озверелый рев.
Каркающих стай девятки
Разлетаются с дерев.

Раненому врач в халате
Промывал вчерашний шов.
Вдруг больной узнал в палате
Друга детства, дом отцов.

Вновь он в этом старом парке.
Заморозки по утрам,
И когда кладут припарки,
Плачут стекла первых рам.

Голос нынешнего века
И виденья той поры
Уживаются с опекой
Терпеливой медсестры.

По палате ходят люди.
Слышно хлопанье дверей.
Глухо ухают орудья
Заозерных батарей.

Солнце низкое садится.
Вот оно в затон впилося
И оттуда длинной спицей
Протыкает даль насквозь.

И минуты две оттуда
В выбоины на дворе
Льются волны изумруда,
Как в волшебном фонаре.

Зверской боли крепнут схватки,
Крепнет ветер, озверев,
И летят грачей девятки,
Черные девятки треф.

Вихрь качает липы, скрючив,
Буря гнет их на корню,
И больной под стоны сучьев
Забывает про ступню.

Парк преданьями состарен.
Здесь стоял Наполеон,
И славянофил Самарин
Послужил и погребен.

Здесь потомок декабриста,
Правнук русских героинь,
Бил ворон из монтекристо
И одолевал латынь.

Если только хватит силы,
Он, как дед, энтузиаст,
Прадеда-славянофила
Пересмотрит и издаст.

Сам же он напишет пьесу,
Вдохновенную войной, –

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Под немолчный ропот леса,
лежа, думает больной.

Там он жизни небывалой
Невообразимый ход
языком провинциала
В строй и ясность приведет.
1941

Зима приближается
Зима приближается. Сызнова
Какой-нибудь угол медвежий
Под слезы ребенка капризного
исчезнет в грязи непроезжей.

Домишки в озерах очутятся.
Над ними закурятся трубы.
В холодных объятьях распутицы
Сойдутся к огню жизнелюбы.

Обитатели севера строгого,
Накрытые небом, как крышей,
На вас, захолустные логова,
Написано: «Сим победиши».

Люблю вас, далекие пристани
В провинции или деревне.
Чем книга чернее и листанней,
Тем прелесть ее задушевней.

Обозы тяжелые двигая,
Раскинувши нив алфавиты,
Вы с детства любимую книгою
Как бы на середке открыты.

И вдруг она пишется заново
Ближайшею первой метелью,
Вся в росчерках полоза санного

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И белая, как рукоделье.

Октябрь серебристо-ореховый,

Блеск заморозков оловянный.

Осенние сумерки Чехова,

Чайковского и Левитана.

Октябрь 1943

Памяти Марины Цветаевой
Хмуρο тянется день непогожий.

Безутешно струятся ручьи

По крыльцу перед дверью прихожей

И в открытые окна мои.

За оградою вдоль по дороге

Затопляет общественный сад.

Развалившись, как звери в берлоге,

Облака в беспорядке лежат.

Мне в ненастье мерещится книга

О земле и ее красоте.

Я рисую лесную шишигу

Для тебя на заглавном листе.

Ах, Марина, давно уже время,

Да и труд не такой уж ахти,

Твой заброшенный прах в реквиеме

Из Елабуги перенести.

Торжество твоего переноса

Я задумывал в прошлом году

Над снегами пустынного плеса,

Где зимуют баркасы во льду.

* * *

Мне так же трудно до сих пор

Вообразить тебя умершей,

Как скопидомкой-миллионершей

Средь голодающих сестер.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Что сделать мне тебе в угоду?

Дай как-нибудь об этом весть.

В молчаньи твоего ухода

Упрек невысказанный есть.

Всегда загадочны утраты.

В бесплодных розысках в ответ

я мучаюсь без результата:

У смерти очертаний нет.

Тут всё – полуслова и тени,

Обмолвки и самообман,

И только верой в воскресенье

Какой-то указатель дан.

Зима – как пышные поминки:

Наружу выйти из жилья,

Прибавить к сумеркам коринки,

Облить вином – вот и кутья.

Пред домом яблоня в сугробе.

И город в снежной пелене –

Твое огромное надгробье,

Как целый год казалось мне.

Лицом повернутая к Богу,

Ты тянешься к нему с земли,

Как в дни, когда тебе итога

Еще на ней не подвели.

1943

В низовьях
Илистых плавней желтый янтарь,

Блеск чернозема.

Жители чинят снасть, инвентарь,

Лодки, паромы.

В этих низовьях ночи – восторг,

Светлые зори.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Пеной по отмели шорх-шорх

Черное море.

Птица в болотах, по рекам – налим,

Уймища раков.

В том направлении берегом – Крым,

В этом – Очаков.

За Николаевом книзу – лиман.

Вдоль поднебесья

Степью на запад – зыбь и туман.

Это к Одессе.

Было ли это? Какой это стиль?

Где эти годы?

Можно ль вернуть эту жизнь, эту быль,

Эту свободу?

Ах, как скучает по пахоте плуг,

Пашня – по плугу,

Море – по Бугу, по северу – юг,

Все – друг по другу!

Миг долгожданный уже на виду,

За поворотом.

Сроки приблизились. В этом году –

Слово за флотом.

1944

Весна

Все нынешней весной особое.

Живее воробьев шумиха.

Я даже выразить не пробую,

Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,

И громкою октавой в хоре

Земной могучий голос слышится

Освобожденных территорий.

Весеннее дыханье родины

Смывает след зимы с пространства

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье.

1944

Стихотворения Юрия Живаго. 1946–1953
1. Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Но сейчас идет другая драма,

И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,

И неотвратим конец пути.

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не поле перейти.

2. Март

Солнце греет до седьмого пота,

И бушует, одурев, овраг.

Как у дюжей скотницы работа,

Дело у весны кипит в руках.

Чахнет снег и болен малокровьем

В веточках бессильно синих жил.

Но дымится жизнь в хлеву коровьем,

И здоровьем пынут зубья вил.

Эти ночи, эти дни и ночи!

Дробь капелей к середине дня,

Кровельных сосулек худосочье,

Ручейков бессонных болтовня!

Настежь все, конюшня и коровник,

Голуби в снегу клюют овес,

И всего живитель и виновник, –

Пахнет свежим воздухом навоз.

3. На Страстной

Еще кругом ночная мгла.

Еще так рано в мире,

Что звездам в небе нет числа,

И каждая, как день, светла,

И если бы земля могла,

Она бы Пасху проспала

Под чтение Псалтыри.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Еще кругом ночная мгла.

Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.

Еще земля голым-гола,
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.

И со Страстного четверга
Вплоть до Страстной субботы
Вода буравит берега
И вьет водовороты.

И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.

А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога.

И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица –
И вдруг навстречу крестный ход

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Выходит с площади,

И две березы у ворот
Должны посторониться.

И шествие обходит двор
По краю тротуара,
И вносит с улицы в притвор
Весну, весенний разговор
И воздух с привкусом просфор
И вешнего угара.

И март разбрасывает снег
На паперти толпе калек,
Как будто вышел человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И все до нитки роздал.

И пенье длится до зари,
И, нарыдавшись в досталь,
Доходят тише изнутри
На пустыри под фонари
Псалтырь или Апостол.

Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь –
Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресенья.

4. Белая ночь

Мне далекое время мерещится,
Дом на Строне Петербургской.
Дочь степной небогатой помещицы,
Ты – на курсах, ты родом из Курска.

Ты – мила, у тебя есть поклонники.
Этой белою ночью мы оба,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Примостясь на твоём подоконнике,

Смотрим вниз с твоего небоскреба.

Фонари, точно бабочки газовые,

Утро тронуло первую дрожью.

То, что тихо тебе я рассказываю,

Так на спящие дали похоже!

Мы охвачены тою же самою

Оробелою верностью тайне,

Как раскинувшийся панорамю

Петербург за Невою бескрайней.

Там вдали, по дремучим урочищам,

Этой ночью весеннею белой,

Соловьи славословьем грохочущим

Оглашают лесные пределы.

Ошалелое щелканье катится,

Голос маленькой птички ледащей

Пробуждает восторг и сумятицу

В глубине очарованной чащи.

В те места босоногою странницей

Пробирается ночь вдоль забора,

И за ней с подоконника тянется

След подслушанного разговора.

В отголосках беседы услышанной

По садам, огороженным тесом,

Ветви яблоневые и вишненные

Одеваются цветом белесым.

И деревья, как призраки белые,

Высыпают толпой на дорогу,

Точно знаки прощальные делая

Белой ночи, выдавшей так много.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
5. Весенняя распутица

Огни заката догорали.

Распутицей в бору глухом

В далекий хутор на Урале

Тащился человек верхом.

Болтала лошадь селезенкой,

И звону шлепавших подков

Дорогой вторила вдогонку

Вода в воронках родников.

Когда же опускал поводья

И шагом ехал верховой,

Прокатывало половодье

Вблизи весь гул и грохот свой.

Смеялся кто-то, плакал кто-то,

Крошились камни о кремни,

И падали в водовороты

С корнями вырванные пни.

А на пожарище заката,

В далекой прочерни ветвей,

Как гулкий колокол набата

Неистовствовал соловей.

Где ива вдовый свой повойник

Клонила, свесивши в овраг,

Как древний соловей-разбойник,

Свистал он на семи дубах.

Какой беде, какой зазнобе

Предназначался этот пыл?

В кого ружейной крупной дробью

Он по чащобе запустил?

Казалось, вот он выйдет лешим

С привала беглых каторжан

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Навстречу конным или пешим
Заставам здешних партизан.

Земля и небо, лес и поле
Ловили этот редкий звук,
Размеренные эти доли
Безумья, боли, счастья, мук.

б. Объяснение

Жизнь вернулась так же беспричинно,
Как когда-то странно прервалась.
Я на той же улице старинной,
Как тогда, в тот летний день и час.

Те же люди и заботы те же,
И пожар заката не остыл,
Как его тогда к стене Манежа
Вечер смерти наспех пригвоздил.

Женщины в дешевом затрапезе
Так же ночью топчут башмаки.
Их потом на кровельном железе
Так же распинают чердаки.

Вот одна походкою усталой
Медленно выходит на порог
И, поднявшись из полуподвала,
Переходит двор наискосок.

Я опять готовлю отговорки,
И опять все безразлично мне.
И соседка, обогнув задворки,
Оставляет нас наедине.

Не плачь, не морщь опухших губ,
Не собирай их в складки.
Разбередишь присохший струп

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Весенней лихорадки.

Сними ладонь с моей груди,
Мы провода под током,
Друг к другу вновь, того гляди,
Нас бросит ненароком.

Пройдут года, ты вступишь в брак,
Забудешь неурейства.
Быть женщиной – великий шаг,
Сводить с ума – геройство.

А я пред чудом женских рук,
Спины, и плеч, и шеи
И так с привязанностью слуг
Весь век благоговею.

Но, как ни сковывает ночь
Меня кольцом тоскливым,
Сильней на свете тяга прочь
И манит страсть к разрывам.

7. Лето в городе
Разговоры вполголоса,
И с поспешностью пылкой
Кверху собраны волосы
Всей копной с затылка.

Из-под гребня тяжелого
Смотрит женщина в шлеме,
Запрокинувши голову
Вместе с косами всеми.

А на улице жаркая
Ночь сулит непогоду,
И расходятся, шаркая,
По домам пешеходы.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Гром отрывистый слышится,

Отдающийся резко,
И от ветра колышется
На окне занавеска.

Наступает безмолвие,
Но по-прежнему парит,
И по-прежнему молнии
В небе шарят и шарят.

А когда светозарное
Утро знойное снова
Сушит лужи бульварные
После ливня ночного,

Смотрят хмуро по случаю
Своего недосыпа
Вековые, пахучие,
Неотцветшие липы.

8. Ветер

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все деревья
Со всею далью беспредельной,
Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.
И это не из удалства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.

9. Хмель

Под ракитой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Наши плечи покрыты плащом,
Вкруг тебя мои руки обвиты.

Я ошибся. Кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелим.

10. Бабье лето

Лист смородины груб и матерчат.
В доме хохот и стекла звенят.
В нем шинкуют, и квасят, и перчат,
И гвоздики кладут в маринад.

Лес забрасывает, как насмешник,
Этот шум на обрывистый склон,
Где сгоревший на солнце орешник
Словно жаром костра опален.

Здесь дорога спускается в балку,
Здесь и высохших старых коряг,
И лоскутницы осени жалко,
Все сметающей в этот овраг.

И того, что вселенная проще,
Чем иной полагает хитрец,
Что как в воду опущена роца,
Что приходит всему свой конец.

Что глазами бессмысленно хлопать,
Когда все пред тобой сожжено,
И осенняя белая копоть
Паутиною тянет в окно.

Ход из сада в заборе проломан
И теряется в березняке.
В доме смех и хозяйственный гомон,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Тот же гомон и смех вдалеке.

11. Свадьба

Пересекши край двора,
Гости на гулянку
В дом невесты до утра
Перешли с тальянкой.

За хозяйскими дверьми
В войлочной обивке
Стихли с часу до семи
Болтовни обрывки.

А зарею, в самый сон,
Только спать и спать бы,
Вновь запел аккордеон,
Уходя со свадьбы.

И рассыпал гармонист
Снова на баяне
Плеск ладоней, блеск монист,
Шум и гам гулянья.

И опять, опять, опять
Говорок частушки
Прямо к спящим на кровать
Ворвался с пирушки.

А одна, как снег, бела,
В шуме, свисте, гаме
Снова павой поплыла,
Поводя боками.

Помавая головой
И рукою правой,
В плясовой по мостовой,
Павой, павой, павой.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Вдруг задор и шум игры,

Топот хоровода,
Провалясь в тартарары,
Канули, как в воду.

Просыпался шумный двор,
Деловое эхо
Вмешивалось в разговор
И раскаты смеха.

В необъятность неба, ввысь
Вихрем сизых пятен
Стаей голуби неслись,
Снявшись с голубятен.

Точно их за свадьбой вслед,
Спохватясь спросонья,
С пожеланьем многих лет
Выслали в погоню.

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье.

Только свадьба, в глубь окон
Рвущаяся снизу,
Только песня, только сон,
Только голубь сизый.

12. Осень

Я дал разъехаться домашним,
Все близкие давно в разброде,
И одиночеством всегдашним
Полно все в сердце и природе.

И вот я здесь с тобой в сторожке.
В лесу безлюдно и пустынно.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Как в песне, стежки и дорожки
Позаросли наполовину.

Теперь на нас одних с печалью
Глядят бревенчатые стены.
Мы брать преград не обещали,
Мы будем гибнуть откровенно.

Мы сядем в час и встанем в третьем,
Я с книгою, ты с вышиваньем,
И на рассвете не заметим,
Как целоваться перестанем.

Еще пышней и бесшабашней
Шумите, осыпайтесь, листья,
И чашу горечи вчерашней
Сегодняшней тоской превысьте.

Привязанность, влечение, прелесть!
Рассеемся в сентябрьском шуме!
Заройся вся в осенний шелест!
Замри или ополоумей!

Ты так же сбрасываешь платье,
Как роща сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятье
В халате с шелковой кистью.

Ты – благо гибельного шага,
Когда житье тошней недуга,
А корень красоты – отвага,
И это тянет нас друг к другу.

13. Сказка

Встарь, во время оно,
В сказочном краю
Пробирался конный

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Степью по репью.

Он спешил на сечу,
А в степной пыли
Темный лес навстречу
Вырастал вдали.

Ныло ретивое,
На сердце скребло:
Бойся водопоя,
Подтяни седло.

Не послушал конный
И во весь опор
Залетел с разгону
На лесной бугор.

Повернул с кургана,
Въехал в суходол,
Миновал поляну,
Гору перешел.

И забрел в ложбину,
И лесной тропой
Вышел на звериный
След и водопой.

И глухой к призыву,
И не вняв чутью,
Свел коня с обрыва
Попить к ручью.

У ручья пещера,
Пред пещерой – брод.
Как бы пламя серы
Озаряло вход.

И в дыму багровом,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Застилавшем взор,

Отдаленным зовом
Огласился бор.

И тогда оврагом,
Вздогнув, напрямик
Тронул конный шагом
На призывный крик.

И увидел конный,
И приник к копьё,
Голову дракона,
Хвост и чешую.

Пламенем из зева
Рассеивал он свет,
В три кольца вокруг девы
Обмотав хребет.

Туловище змея,
Как концом бича,
Поводило шеей
У ее плеча.

Той страны обычай
Пленницу-красу
Отдавал в добычу
Чудищу в лесу.

Края населенье
Хижины свои
Выкупало пеней
Этой от змеи.

Змей обвил ей руку
И оплел гортань,
Получив на муку
В жертву эту дань.

Посмотрел с мольбою
Всадник в высь небес
И копье для боя
Взял наперевес.

Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века.

Конный в шлеме сбитом,
Сшибленный в бою.
Верный конь, копытом
Топчущий змею.

Конь и труп дракона
Рядом на песке.
В обмороке конный,
Дева в столбняке.

Светел свод полдневный,
Синева нежна.
Кто она? Царевна?
Дочь земли? Княжна?

То в избытке счастья
Слезы в три ручья,
То душа во власти
Сна и забытья.

То возврат здоровья,
То недвижность жил
От потери крови
И упадка сил.

Но сердца их бьются.
То она, то он

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Сияются очнуться

И впадают в сон.

Сомкнутые веки.

Выси. Облака.

Воды. Броды. Реки.

Годы и века.

14. Август

Как обещало, не обманывая,

Проникло солнце утром рано

Косою полосой шафрановою

От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою

Соседний лес, дома поселка,

Мую постель, подушку мокрую

И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу

Слегка увлажнена подушка.

Мне снилось, что ко мне на проводы

Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,

Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня

Шестое августа по старому,

Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени

Исходит в этот день с фавора,

И осень, ясная как знаменье,

К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,

Нагой, трепещущий ольшаник

В имбирно-красный лес кладбищенский,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, нетронутый распадом:

«Прощай, лазурь Преображенская
И золото второго Спаса,
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины!
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я – поле твоего сраженья.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

15. Зимняя ночь
Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Как летом роем мошкара

Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

16. Разлука

С порога смотрит человек,
Не узнавая дома.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Ее отъезд был как побег.

Везде следы разгрома.

Повсюду в комнатах хаос.

Он меры разоренья

Не замечает из-за слез

И приступа мигрени.

В ушах с утра какой-то шум.

Он в памяти иль грезит?

И почему ему на ум

Все мысль о море лезет?

Когда сквозь иней на окне

Не видно света Божья,

Безвыходность тоски вдвойне

С пустыней моря схожа.

Она была так дорога

Ему чертой люблю,

Как морю близки берега

Всей линией прибоя.

Как затопляет камыши

Волненье после шторма,

Ушли на дно его души

Ее черты и формы.

В года мытарств, во времена

Немыслимого быта

Она волной судьбы со дна

Была к нему прибита.

Среди препятствий без числа,

Опасности минуя,

Волна несла ее, несла

И пригнала вплотную.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И вот теперь ее отъезд,
Насильственный, быть может.

Разлука их обоих съест,
Тоска с костями сгложет.

И человек глядит кругом:
Она в момент ухода
Все выворотила вверх дном
Из ящичков комода.

Он бродит и до темноты
Укладывает в ящик
Раскиданные лоскуты
И выкройки образчик.

И, наколовшись об шитье
С невынутой иголкой,
Внезапно видит всю ее
И плачет втихомолку.

17. Свидание

Засыпет снег дороги,
Завалит скаты крыш.
Пойду размять я ноги:
За дверью ты стоишь.

Одна в пальто осеннем,
Без шляпы, без калош,
Ты борешься с волненьем
И мокрый снег жуешь.

Деревья и ограды
Уходят вдаль, во мглу.
Одна средь снегопада
Стоишь ты на углу.

Течет вода с косынки

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
За рукава в обшлаг,

И каплями росинки
Сверкают в волосах.

И прядью белокурой
Озарены: лицо,
Косынка и фигура
И это пальтецо.

Снег на ресницах влажен,
В твоих глазах тоска,
И весь твой облик сложен
Из одного куска.

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.

И в нем навек засело
Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд.

И оттого двоится
Вся эта ночь в снегу,
И провести границы
Меж нас я не могу.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

18. Рождественская звезда

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было младенцу в вертепе

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

На склоне холма.

Его согревало дыхание вола.

Домашние звери

Стояли в пещере,

Над яслями теплая дымка плыла.

Доху отряхнув от постельной трухи

И зернышек проса,

Смотрели с утеса

Спросонья в полночную даль пастухи.

Вдали было поле в снегу и погост,

Ограды, надгробья,

Оглобля в сугробе,

И небо над кладбищем, полное звезд.

А рядом, неведомая перед тем,

Застенчивей плошки

В оконце сторожки

Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне

От неба и Бога,

Как отблеск поджога,

Как хутор в огне и пожар на гумне.

Она возвышалась горячей скирдой

Соломы и сена

Средь целой вселенной,

Встревоженной этою новой звездой.

Растущее зарево рдело над ней

И значило что-то,

И три звездочета

Спешили на зов небывалых огней.

За ними везли на верблюдах дары.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

и ослики в сбруе, один малорослей
Другого, шажками спускались с горы.

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры..
...Все злей и свирепей дул ветер из степи..
...Все яблоки, все золотые шары.
Часть пруда скрывали верхушки ольхи,
Но часть было видно отлично отсюда
Сквозь гнезда грачей и деревьев верхи.

Как шли вдоль запруды ослы и верблюды,
Могли хорошо разглядеть пастухи.
– Пойдемте со всеми, поклонимся чуду, –
Сказали они, запахнув кожухи.

От шарканья по снегу сделалось жарко.
По яркой поляне листьями слюды
Вели за хибарку босые следы.
На эти следы, как на пламя огарка,
Ворчали овчарки при свете звезды.

Морозная ночь походила на сказку,
И кто-то с навьюженной снежной гряды
Все время незримо входил в их ряды.
Собаки брели, озираясь с опаской,

и жались к подпаску, и ждали беды.
По той же дороге, чрез эту же местность
Шло несколько ангелов в гуще толпы.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Незримыми делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.

У камня толпилась орава народу.
Светало. Означились кедров стволы.
– А кто вы такие? – спросила Мария.
– Мы племя пастушье и неба послы,
Пришли вознести вам обоим хвалы.
– Всем вместе нельзя. Подождите у входа.

Средь серой, как пепел, предутренней мглы
Топтались погонщики и овцеводы,
Ругались со всадниками пешеходы,
У выдолбленной водопойной колоды
Ревели верблюды, лягались ослы.

Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звезды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстие скалы.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленьи дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на деву,
Как гостья, смотрела звезда Рождества.

19. Рассвет

Ты значил все в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о тебе

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
ни слуху не было, ни духу.

И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я твой завет
И как от обморока ожил.

Мне к людям хочется, в толпу,
В их утреннее оживленье.
Я все готов разнести в щепу
И всех поставить на колени.

И я по лестнице бегу,
Как будто выхожу впервые
На эти улицы в снегу
И вымершие мостовые.

Везде встают, огни, уют,
Пьют чай, торопятся к трамваям.
В течение нескольких минут
Вид города неузнаваем.

В воротах вьюга вяжет сеть
Из густо падающих хлопьев,
И чтобы вовремя поспеть,
Все мчатся недоев-недопив.

Я чувствую за них за всех,
Как будто побывал в их шкуре,
Я таю сам, как тает снег,
Я сам, как утро, брови хмурю.

Со мною люди без имен,
Деревья, дети, домоседы.
Я ими всеми побежден,
И только в том моя победа.

20. Чудо

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Он шел из Вифании в Ерусалим,
Заранее грустью предчувствий томим.

Колючий кустарник на круче был выжжен,
Над хижинкой ближней не двигался дым,
Был воздух горяч и камыш неподвижен,
И Мертвого моря покой недвижим.

И в горечи, спорившей с горечью моря,
Он шел с небольшою толпой облаков
По пыльной дороге на чье-то подворье,
Шел в город на сборище учеников.
И так углубился он в мысли свои,

Что поле в унынье запахло полынью.
Все стихло. Один он стоял посредине,
А местность лежала пластом в забвении.
Все перемешалось: теплынь и пустыня,
И ящерицы, и ключи, и ручьи.

Смоковница высилась невдалеке,
Совсем без плодов, только ветки да листья.
И он ей сказал: «Для какой ты корысти?
Какая мне радость в твоём столбняке?

Я жажду и алчу, а ты – пустоцвет,
И встреча с тобой безотрадней гранита.
О, как ты обидна и недаровита!
Останься такой до скончания лет».

По дереву дрожь осужденья прошла,
Как молнии искра по громоотводу.
Смоковницу испепелило дотла.

Найдись в это время минута свободы
У листьев, ветвей, и корней, и ствола,
Успели б вмешаться законы природы.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог.

Когда мы в смятеньи, тогда средь разброда

Оно настигает мгновенно, врасплох.

21. Земля

В московские особняки

Врывается весна нахрапом.

Выпархивает моль за шкапом

И ползает по летним шляпам,

И прячут шубы в сундуки.

По деревянным антресолям

Стоят цветочные горшки

С левкоем и желтофиолем,

И дышат комнаты привольем,

И пахнут пылью чердаки.

И улица запанибрата

С оконницей подслеповатой,

И белой ночи и закату

Не разминуться у реки.

И можно слышать в коридоре,

Что происходит на просторе,

О чем в случайном разговоре

С капелью говорит апрель.

Он знает тысячи историй

Про человеческое горе,

И по заборам стынут зори,

И тянут эту канитель.

И та же смесь огня и жути

На воле и в жилом уюте,

И всюду воздух сам не свой,

И тех же верб сквозные прутья,

И тех же белых почек вздутья

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И на окне, и на распутье,

На улице и в мастерской.

Зачем же плачет даль в тумане,

И горько пахнет перегной?

На то ведь и мое призванье,

Чтоб не скучали расстоянья,

Чтобы за городской гранью

Земле не тосковать одной.

Для этого весной ранней

Со мною сходятся друзья,

И наши вечера – прощанья,

Пирушки наши – завещанья,

Чтоб тайная струя страданья

Согрела холод бытия.

22. Дурные дни

Когда на последней неделе

Входил он в Иерусалим,

Осанны навстречу гремели,

Бежали с ветвями за ним.

А дни все грозней и суровей,

Любовью не тронуть сердец.

Презрительно сдвинуты брови,

И вот послесловье, конец.

Свинцовою тяжестью всею

Легли на дворы небеса.

Искали улики фарисеи,

Юля перед ним, как лиса.

И темными силами храма

Он отдан подонкам на суд,

И с пылкостью тою же самой,

Как славили прежде, клянут.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Толпа на соседнем участке
Заглядывала из ворот,
Толклись в ожиданье развязки
И тыкались взад и вперед.

И полз шепоток по соседству,
И слухи со многих сторон.
И бегство в Египет и детство
Уже вспоминались, как сон.
Припомнился скат величавый
В пустыне, и та крутизна,
С которой всемирной державой
Его соблазнял сатана.

и брачное пиршество в Кане,
и чуду дивящийся стол,
и море, которым в тумане
Он к лодке, как по суху, шел.
и сборище бедных в лачуге,
и спуск со свечою в подвал,
Где вдруг она гасла в испуге,
Когда воскресенный вставал...

23. Магдалина

I
Чуть ночь, мой демон тут как тут,
За прошлое моя расплата.
Придут и сердце мне сосут
Воспоминания разврата,
Когда, раба мужских причуд,
Была я дурой бесноватой
и улицей был мой приют.

Осталось несколько минут,
и тишь наступит гробовая.
Но, раньше чем они пройдут,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Я жизнь свою, дойдя до края,
Как алавастровый сосуд,
Перед тобою разбиваю.

О, где бы я теперь была,
Учитель мой и мой Спаситель,
Когда б ночами у стола
Меня бы вечность не ждала,
Как новый, в сети ремесла
Мной завлеченный посетитель.

Но объясни, что значит грех,
И смерть, и ад, и пламень серный,
Когда я на глазах у всех
С тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной.

Когда твои стопы, Иисус,
Оперши о свои колени,
Я, может, обнимать учусь
Креста четырехгранный брус
И, чувств лишаясь, к телу рвусь,
Тебя готовя к погребенью.

24. Магдалина

II

У людей пред праздником уборка.
В стороне от этой толчеи
Обмываю миром из ведерка
Я стопы пречистые твои.

Шарю и не нахожу сандалий.
Ничего не вижу из-за слез.
На глаза мне пеленой упали
Пряди распустившихся волос.

Ноги я твои в подол уперла,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Их слезами облила, Исус,
Ниткой бус их обмотала с горла,
В волосы зарыла, как в бурнус.

Будущее вижу так подробно,
Словно ты его остановил.
Я сейчас предсказывать способна
Вещим ясновиденьем сивилл.

Завтра упадет завеса в храме,
Мы в кружок собьемся в стороне,
И земля качнется под ногами,
Может быть, из жалости ко мне.

Перестроятся ряды конвоя,
И начнется всадников разъезд.
Словно в бурю смерч, над головою
Будет к небу рваться этот крест.

Брошусь на землю у ног распятия,
Обомру и закушу уста.

Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.

Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть ли столько душ и жизней в мире?
Столько поселений, рек и роц?

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до Воскресенья дорасту.

25. Гефсиманский сад

Мерцаньем звезд далеких безразлично
Был поворот дороги озарен.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Дорога шла вокруг горы Масличной,

Внизу под нею протекал Кедрон.

Лужайка обрывалась с половины.

За нею начинался Млечный Путь.

Седые серебристые маслины

Пытались вдаль по воздуху шагнуть.

В конце был чей-то сад, надел земельный.

Учеников оставив за стеной,

Он им сказал: «Душа скорбит смертельно,

Побудьте здесь и бодрствуйте со мной».

Он отказался без сопротивления,

Как от вещей, полученных взаймы,

От всемогущества и чудотворства,

И был теперь как смертные, как мы.

Ночная даль теперь казалась краем

Уничтоженья и небытия.

Простор вселенной был необитаем,

И только сад был местом для житья.

И, глядя в эти черные провалы,

Пустые, без начала и конца,

Чтоб эта чаша смерти миновала,

В поту кровавом он молил отца.

Смягчив молитвой смертную истому,

Он вышел за ограду. На земле

Ученики, осиленные дремой,

Валялись в придорожном ковыле.

Он разбудил их: «Вас Господь сподобил

Жить в дни мои, вы ж разлеглись, как пласт.

Час Сына Человеческого пробил.

Он в руки грешников себя предаст».

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И лишь сказал, неведомо откуда

Толпа рабов и скопище бродяг,
Огни, мечи и впереди – Иуда
С предательским лобзаньем на устах.

Петр дал мечом отпор головорезам
И ухо одному из них отсек.
Но слышит: «Спор нельзя решать железом,
Вложи свой меч на место, человек.

Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы мне сюда?
И, волоска тогда на мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
я в добровольных муках в гроб сойду.

я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты».

Когда разгуляется. 1956–1959
* * *

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
До оснований, до корней,

До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

я вывел бы ее закон,
Ее начало,
и повторял ее имен
Инициалы.

я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Достигнутого торжества

Игра и мука –

Натянутая тетива

Тугого лука.

1956

* * *

Быть знаменитым некрасиво.

Не это подымает ввысь.

Не надо заводить архива,

Над рукописями трястись.

Цель творчества – самоотдача,

А не шумиха, не успех.

Позорно, ничего не знача,

Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,

Так жить, чтобы в конце концов

Привлечь к себе любовь пространства,

Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы

В судьбе, а не среди бумаг,

Места и главы жизни целой

Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,

И прятать в ней свои шаги,

Как прячется в тумане местность,

Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу

Пройдут твой путь за пядью пядь,

Но пораженья от победы

Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой

Не отступаться от лица,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Но быть живым, живым и только,
Живым и только – до конца.

1956

Ева
Стоят деревья у воды,
И полдень с берега крутого
Закинул облака в пруды,
Как переметы рыболова.

Как невод, тонет небосвод,
И в это небо, точно в сети,
Толпа купальщиков плывет –
Мужчины, женщины и дети.

Пять-шесть купальщиц в лозняке
Выходят на́ берег без шума
И выжимают на песке
Свои купальные костюмы.

И наподобие ужей
Ползут и вьются кольца пряжи,
Как будто искуситель-змея
Скрывался в мокром трикотаже.

О женщина, твой вид и взгляд
Ничуть меня в тупик не ставят.
Ты вся – как горла перехват,
Когда его волнение сдавит.

Ты создана как бы вчерне,
Как строчка из другого цикла,
Как будто не шутя во сне
Из моего ребра возникла.

И тотчас вырвалась из рук
И выскользнула из объятий,
Сама – смятение и испуг

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И сердца мужеского сжатье.

1956

Без названия
Недотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.
Дай запрю я твою красоту
В темном тереме стихотворенья.

Посмотри, как преображена
Огневой кожурой абажура
Конура, край стены, край окна,
Наши тени и наши фигуры.

Ты с ногами сидишь на тахте,
Под себя их поджав по-турецки.
Все равно, на свету, в темноте,
Ты всегда рассуждаешь по-детски.

Замечтавшись, ты нижешь на шнур
Горсть на платье скатившихся бусин.
Слишком грустен твой вид, чересчур
Разговор твой прямой безыскусен.

Пошло слово любовь, ты права.
Я придумаю кличку иную.
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую.

Разве хмурый твой вид передаст
Чувств твоих рудоносную залежь,
Сердца тайно светящийся пласт?
Ну так что же глаза ты печалишь?

1956

Весна в лесу
Отчаянные холода
Задерживают таянье.
Весна позднее, чем всегда,
Но и зато нечаянней.

С утра амуруется петух,
И нет прохода курице.
Лицом поворотясь на юг,
Сосна на солнце жмурится.

Хотя и парит и печет,
Еще недели целые
Дороги сковывает лед
Корою почернелюю.

В лесу еловый мусор, хлам,
И снегом все завалено,
Водю с солнцем пополам
Затоплены проталины.

И небо в тучах как в пуху
Над грязной вешней жижицей
Застряло в сучьях наверху
И от жары не движется.

1956

Июль
По дому бродит привиденье.
Весь день шаги над головой.
На чердаке мелькают тени.
По дому бродит домовой.

Везде болтается некстати,
Мешается во все дела,
В халате крадется к кровати,
Срывает скатерть со стола.

Ног у порога не обтерши,
Вбегает в вихре сквозняка
И с занавеской, как с танцоршей,
Взвивается до потолка.

Кто этот баловник-невежа

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И этот призрак и двойник?
Да это наш жилец приезжий,
Наш летний дачник-отпускник.

На весь его недолгий роздых
Мы целый дом ему сдаем.
Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаем.

Июль, таскающий в одеже
Пух одуванчиков, лопух,
Июль, домой сквозь окна вхожий,
Все громко говорящий вслух.

Степной нечесаный растрепа,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.

1956

По грибы
Плетемся по грибы.
Шоссе. Леса. Канавы.
Дорожные столбы
Налево и направо.

С широкого шоссе
Идем во тьму лесную.
По щиколку в росе
Плутаем врассыпную.

А солнце под кусты
На грузди и волнушки
Чрез дебри темноты
Бросает свет с опушки.

Гриб прячется за пень,
На пень садится птица.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Нам вехой – наша тень,
Чтобы с пути не сбиться.

Но время в сентябре
Отмерено так куцо:
Едва ль до нас заре
Сквозь чащу дотянуться.

Набиты кузовки,
Наполнены корзины.
Одни боровики
У доброй половины.

Уходим. За спиной –
Стеною лес недвижный,
Где день в красе земной
Сгорел скоропостижно.
1957

Тишина
Пронизан солнцем лес насквозь.
Лучи стоят столбами пыли.
Отсюда, уверяют, лось
Выходит на дорог развилье.

В лесу молчанье, тишина,
Как будто жизнь в глухой лощине
Не солнцем заморожена,
А по совсем другой причине.

Действительно, невдалеке
Средь заросли стоит лосиха.
Пред ней деревья в столбняке.
Вот отчего в лесу так тихо.

Лосиха ест лесной подсед,
Хрустя обглаживает молодь.
Задевши за ее хребет,
Болтается на ветке желудь.

Иван-да-марья, зверобой,
Ромашка, иван-чай, татарник,
Опутанные ворожбой,
Глазеют, обступив кустарник.

Во всем лесу один ручей
В овраге, полном благозвучья,
Твердит то тише, то звончей
Про этот небывалый случай.

Звеня на всю лесную падь
И оглашая лесосеку,
Он что-то хочет рассказать
Почти словами человека.

1957

Стога
Снуют пунцовые стрекозы,
Летят шмели во все концы,
Колхозницы смеются с возу,
Проходят с косами косцы.

Пока хорошая погода,
Гребут и ворошат корма
И складывают до захода
В стога, величиной с дома.

Стог принимает на закате
Вид постоялого двора,
Где ночь ложится на полати
В накошенные клевера.

К утру, когда потемки реже,
Стог высится, как сеновал,
В котором месяц мимоезжий,
Зарывшись, переночевал.

Чем свет телега за телегой

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Лугами катятся впотьмах.

Наставший день встает с ночлега

С трухой и сеном в волосах.

А в полдень вновь синеют выси,

Опять стога, как облака,

Опять, как водка на анисе,

Земля душиста и крепка.

1957

Липовая аллея

Ворота с полукруглой аркой.

Холмы, луга, леса, овсы.

В ограде – мрак и холод парка,

И дом невиданной красы.

Там липы в несколько обхватов

Справляют в сумраке аллей,

Вершины друг за друга спрятав,

Свой двухсотлетний юбилей.

Они смыкают сверху своды.

Внизу – лужайка и цветник,

Который правильные ходы

Пересекают напрямик.

Под липами, как в подземельи,

Ни светлой точки на песке,

И лишь отверстием туннеля

Светлеет выход вдалеке.

Но вот приходят дни цветенья,

И липы в поясе оград

Разбрасывают вместе с тенью

Неотразимый аромат.

Гуляющие в летних шляпах

Вдыхают, кто бы ни прошел,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Непостижимый этот запах,

Доступный понимаю пчел.

Он составляет в эти миги,
Когда он за сердце берет,
Предмет и содержание книги,
А парк и клумбы – переплет.

На старом дереве громоздком,
Завешивая сверху дом,
Горят, закапанные воском,
Цветы, зажженные дождем.

1957

Когда разгуляется
Большое озеро как блюдо.
За ним – скопление облаков,
Нагроможденных белой грудой
Суровых горных ледников.

По мере смены освещенья
И лес меняет колорит.
То весь горит, то черной тенью
Насевшей копоты покрыт.

Когда в исходе дней дождливых
Меж туч проглянет синева,
Как небо празднично в прорывах,
Как торжества полна трава!

Стихает ветер, даль расчистив.
Разлито солнце по земле.
Просвечивает зелень листьев,
Как живопись в цветном стекле.

В церковной росписи оконниц
Так в вечность смотрят изнутри
В мерцающих венцах бессонниц
Святые, схимники, цари.

Как будто внутренность собора –
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою.

1956

Хлеб
Ты выводы копишь полвека,
Но их не заносишь в тетрадь,
И если ты сам не калека,
То должен был что-то понять.

Ты понял блаженство занятий,
Удачи закон и секрет.
Ты понял, что праздность – проклятье
И счастья без подвига нет.

Что ждет алтарей, откровений,
Героев и богатырей
Дремучее царство растений,
Могучее царство зверей.

Что первым таким откровеньем
Остался в сцепленьи судеб
Прапращуром в дар поколеньям
Взращенный столетьями хлеб.

Что поле во ржи и пшенице
Не только зовет к молотье,
Но некогда эту страницу
Твой предок вписал о тебе.

Что это и есть его слово,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Его небывалый почин

Средь круговращения земного,

Рождений, скорбей и кончин.

1956

Осенний лес

Осенний лес заволосател.

В нем тень, и сон, и тишина.

Ни белка, ни сова, ни дятел

Его не будят ото сна.

И солнце, по тропам осенним

В него входя на склоне дня,

Кругом косится с опасеньем,

Не скрыта ли в нем западня.

В нем топи, кочки и осины,

И мхи, и заросли ольхи,

И где-то за лесной трясиной

Поют в селенье петухи.

Петух свой окрик прогорланит,

И вот он вновь надолго смолк,

Как будто он раздумьем занят,

Какой в запевке этой толк.

Но где-то в дальнем закоулке

Прокукарекает сосед.

Как часовой из караулки,

Петух откликнется в ответ.

Он отзовется словно эхо,

И вот за петухом петух

Отметят глоткою, как вехой,

Восток и запад, север, юг.

По петушиной перекличке

Расступится к опушке лес

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И вновь увидит с непривычки

Поля и даль и синь небес.

1956

Заморозки
Холодным утром солнце в дымке

Стоит столбом огня в дыму.

Я тоже, как на скверном снимке,

Совсем неотличим ему.

Пока оно из мглы не выйдет,

Блеснув за прудом на лугу,

Меня деревья плохо видят

На отдаленном берегу.

Прохожий узнается позже,

чем он пройдет, нырнув в туман.

Мороз покрыт гусиной кожей,

И воздух лжив, как слой румян.

Идешь по инею дорожки,

Как по настилу из рогож.

Земле дышать ботвой картошки

И стынуть больше невтерпеж.

1956

Ночной ветер
Стихли песни и пьяный галдеж.

Завтра надо вставать спозаранок.

В избах гаснут огни. Молодежь

Разошлась по домам с погулянок.

Только ветер бредет наугад

Все по той же заросшей тропинке,

По которой с толпою ребят

Восвояси он шел с вечеринки.

Он за дверью поник головой.

Он не любит ночных катавасий.

Он бы кончить хотел мировой

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

В споре с ночью свои несогласья.

Перед ними – заборы садов.

Оба спорят, не могут уняться.

За разборами их неладов

По дороге деревья толпятся.

1957

Золотая осень

Осень. Сказочный чертог,

Всем открытый для обзора.

Просеки лесных дорог,

Заглядевшихся в озера.

Как на выставке картин:

Залы, залы, залы, залы

Вязов, ясеней, осин

В позолоте небывалой.

Липы обруч золотой –

Как венец на новобрачной.

Лик березы – под фатой

Подвенечной и прозрачной.

Погребенная земля

Под листвой в канавах, ямах.

В желтых кленах флигеля,

Словно в золоченых рамах,

Где деревья в сентябре

На заре стоят попарно,

И закат на их коре

Оставляет след янтарный,

Где нельзя ступить в овраг,

Чтоб не стало всем известно:

Так бушует, что ни шаг,

Под ногами лист древесный,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Где звучит в конце аллея
Эхо у крутого спуска
И дари вишневый клей
Застывает в виде сгустка.

Осень. Древний уголок
Старых книг, одежд, оружия,
Где сокровищ каталог
Перелистывает стужа.

1956

Ненастье
Дождь дороги заболотил.
Ветер режет их стекло.
Он платок срывает с ветел
И стрижет их наголо.

Листья шлепаются оземь.
Едут люди с похорон.
Потный трактор пашет озимь
В восемь дисковых борон.

Черной вспаханною зябью
Листья залетают в пруд
И по возмущенной ряби
Кораблями в ряд плывут.

Брызжет дождик через сито.
Крепнет холода напор.
Точно все стыдом покрыто,
Точно в осени – позор.

Точно срам и поруганье
В стаях листьев и ворон,
И дожде и урагане,
Хлещущих со всех сторон.

1956

Трава и камни

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
С действительностью иллюзию,

С растительностью гранит
Так сблизили Польша и Грузия,
Что это обеих роднит.

Как будто весной в Благовещенье
Им милости возвещены
Землей – в каждой каменной трещине,
Травой – из-под каждой стены.

И те обещанья подхвачены
Природой, трудами их рук,
Искусствами, всякою всячиной,
Развитьем ремесл и наук.

Побегами жизни и зелени,
Развалинами старины,
Землей в каждой мелкой расселине,
Травой из-под каждой стены.

Следами усердья и праздности,
Беседую, бьющей ключом,
Речами про разные разности,
Пустой болтовней ни о чем.

Пшеницей в полях выше сажени,
Сходящейся над головой,
Землей – в каждой каменной скважине,
Травой – в половине кривой.

Душистой густой повиликою,
Столетиями, вверх по кусту,
Обвившей былое великое
И будущего красоту.

Сиренью, двойными оттенками
Лиловых и белых кистей,
Пестреющей между простенками

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Осыпавшихся крепостей.

Где люди в родстве со стихиями,
Стихии в соседстве с людьми,
Земля – в каждом каменном выеме,
Трава – перед всеми дверьми.

Где с гордою лирой Мицкевича
Таинственно слился язык
Грузинских цариц и царевичей
Из девичьих и базилик.

1956

Ночь
Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

В пространствах беспредельных

Горят материки.

В подвалах и котельных

Не спят истопники.

В Париже из-под крыши

Венера или Марс

Глядят, какой в афише

Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится

В прекрасном далеке

На крытом черепицей

Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,

Как будто небосвод

Относится к предмету

Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,

Не прерывай труда,

Не спи, борись с дремотой,

Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,

Не предавайся сну.

Ты – вечности заложник

У времени в плену.

1956

Ветер (четыре отрывка о Блоке)
Кому быть живым и хвалимым,

кто должен быть мертв и хулим,

известно у нас подхалимам

влиятельным только одним.

Не знал бы никто, может статься,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
В почете ли Пушкин иль нет,

Без докторских их диссертаций,
На все проливающих свет.

Но Блок, слава Богу, иная,
Иная, по счастью, статья.
Он к нам не спускался с Синая,
Нас не принимал в сыновья.

Прославленный не по программе
И вечный вне школ и систем,
Он не изготовлен руками
И нам не навязан никем.

* * *
Он ветрен, как ветер. Как ветер,
Шумевший в имени в дни,
Как там еще филька-фалетер[8]
Скакал в голове шестерни.

И жил еще дед-якобинец,
Кристалльной души радикал,
От коего ни на мизинец
И ветреник внук не отстал.

Тот ветер, проникший под ребра
И в душу, в течение лет
Недоброю славой и доброй
Помянут в стихах и воспет.

Тот ветер повсюду. Он – дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», в смерти – везде.

* * *
Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг.
Пора сенокоса, толока,
Страда, суматоха вокруг.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Косцам у речного протока
Заглядываться недосуг.

Косьба разохотила Блока,
Схватил косовище барчук.
Ежа чуть не ранил с наскоку,
Косой полоснул двух гадюк.

Но он не доделал урока.
Упреки: лентяй, лежебока!
О детство! О школы морока!
О песни пололок и слуг!

А к вечеру тучи с востока.
Обложены север и юг.
И ветер жестокий не к сроку
Влетает и режется вдруг
О косы косцов, об осоку,

Резучую гущу излук.
О детство! О школы морока!
О песни пололок и слуг!
Широко, широко, широко
Раскинулись речка и луг.

* * *
Зловещ горизонт и внезапен,
И в кровоподтеках заря,
Как след незаживших царапин
И кровь на ногах косаря.

Нет счета небесным порезам,
Предвестникам бурь и невзгод,
И пахнет водой и железом
И ржавчиной воздух болот.

В лесу, на дороге, в овраге,
В деревне или на селе

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
На тучах такие зигзаги

Сулят непогоду земле.

Когда ж над большою столицей
Край неба так ржав и багрян,
С державою что-то случится,
Постигнет страну ураган.

Блок на небе видел разводы.
Ему предвещал небосклон
Большую грозу, непогоду,
Великую бурю, циклон.

Блок ждал этой бури и встряски
Ее огневые штрихи
Боязнь и жаждой развязки
Легли в его жизнь и стихи.
1956

Дорога
То насыпью, то глубию лога,
То по прямой за поворот
Змеится лентою дорога
Безостановочно вперед.

По всем законам перспективы
За придорожные поля
Бегут мощные извивы,
Не слякота и не пыля.

Вот путь перебежал плотину,
На пруд не посмотревши вбок,
Который выводок утиный
Переплывает поперек.

Вперед то под гору, то в гору
Бежит прямая магистраль,
Как разве только жизни в пору
Все время рваться вверх и вдаль.

Чрез тысячи фантасмагорий,
И местности и времена,
Через преграды и подспорья
Несется к цели и она.

А цель ее в гостях и дома –
Все пережить и все пройти,
Как оживляют даль изломы
Мимоидущего пути.

1957

В больнице
Стояли как перед витриной,
Почти запрудив тротуар.
Носилки втокнули в машину,
В кабину вскочил санитар.

И скорая помощь, минуя
Панели, подъезды, зевак,
Сумятицу улиц ночную,
Нырнула огнями во мрак.

Милиция, улицы, лица
Мелькали в свету фонаря.
Покачивалась фельдшерица
Со склянкою нашатыря.

Шел дождь, и в приемном покое
Уныло шумел водосток,
Меж тем как строка за строкою
Марали опросный листок.

Его положили у входа.
Все в корпусе было полно.
Разило парами иода,
И с улицы дуло в окно.

Окно обнимало квадратом

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Часть сада и неба клочок.

К палатам, полам и халатам

Присматривался новичок.

Как вдруг из расспросов сиделки,

Покачивавшей головой,

Он понял, что из переделки

Едва ли он выйдет живой.

Тогда он взглянул благодарно

В окно, за которым стена

Была точно искрой пожарной

Из города озарена.

Там в зареве рдела застава,

И, в отсвете города, клен

Отвешивал веткой корявой

Больному прощальный поклон.

«О Господи, как совершенны

дела твои, – думал больной, –

Постели, и люди, и стены,

Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу

И плачу, платок тебе.

О Боже, волнения слезы

Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком,

Чуть падающем на кровать,

Себя и свой жребий подарком

Бесценным твоим сознавать.

Кончаясь в больничной постели,

Я чувствую рук твоих жар.

Ты держишь меня, как изделие,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
И прячешь, как перстень, в футляр».

1956

Музыка

Дом высился, как каланча.

По тесной лестнице угольной

Несли рояль два силача,

Как колокол на колокольню.

Они тащили вверх рояль

Над ширью городского моря,

Как с заповедями скрижаль

На каменное плоскогорье.

И вот в гостиной инструмент,

И город в свисте, шуме, гаме,

Как под водой на дне легенд,

Внизу остался под ногами.

Жилец шестого этажа

На землю посмотрел с балкона,

Как бы ее в руках держа

И ею властвуя законно.

Вернувшись внутрь, он заиграл

Не чью-нибудь чужую пьесу,

Но собственную мысль, хорал,

Гуденье мессы, шелест леса.

Раскат импровизаций нес

Ночь, пламя, гром пожарных бочек,

Бульвар под ливнем, стук колес,

Жизнь улиц, участь одиночек.

Так ночью, при свечах, взамен

Былой наивности нехитрой,

Свой сон записывал Шопен

На черной выпилке пюпитра.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Или, опередивши мир

На поколения четыре,
По крышам городских квартир
Грозой гремел полет валькирий.

Или консерваторский зал
При адском грохоте и треске
До слез Чайковский потрясал
Судьбой Паоло и Франчески.

1956

После перерыва
Три месяца тому назад,
Лишь только первые метели
На наш незащищенный сад
С остервененьем налетели,

Прикинул тотчас я в уме,
Что я укроюсь, как затворник,
И что стихами о зиме
Пополню свой весенний сборник.

Но навалились пустяки
Горой, как снежные завалы,
Зима, расчетам вопреки,
Наполовину миновала.

Тогда я понял, почему
Она во время снегопада,
Снежинками пронзая тьму,
Заглядывала в дом из сада.

Она шептала мне: «Спеш!» –
Губами, белыми от стужи,
А я чинил карандаши,
Отшучиваясь неуклюже.

Пока под лампой у стола
Я медлил зимним утром ранним,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Зима явилась и ушла
Непонятым напоминаньем.

1957

Первый снег
Снаружи вьюга мечется
И все заносит в лоск.
Засыпана газетчица
И заметен киоск.

На нашей долгой бытности
Казалось нам не раз,
Что снег идет из скрытности
И для отвода глаз.

Утайщик нераскаянный, –
Под белой бахромой
Как часто вас с окраины
Он разводил домой!

Все в белых хлопьях скроется,
Залепит снегом взор, –
На ощупь, как пропойца,
Проходит тень во двор.

Движения поспешные:
Наверное, опять
Кому-то что-то грешное
Приходится скрывать.

1956

Снег идет
Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.

Снег идет, и всё в смятеньи,
Всё пускается в полет, –

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Черной лестницы ступени,

Перекрестка поворот.

Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.

Потому что жизнь не ждет.
Не оглянешься – и святки.
Только промежуток краткий,
Смотришь, там и новый год.

Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет,
Или как слова в поэме?

Снег идет, снег идет,
Снег идет, и всё в смятеньи:
Убеленный пешеход,
Удивленные растенья,
Перекрестка поворот.

1957

Следы на снегу
Полями наискось к закату
Уходят девушек следы.
Они их валенками вмяты

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
От слободы до слободы.

А вот ребенок жался к мамке.
Луч солнца, как лимонный морс,
Затек во впадины и ямки
И лужей света в льдину вмерз.

Он стынет вытекшею жижей
Яйца в разбитой скорлупе,
И синей линией лыжи
Его срезают по тропе.

Луна скользит блином в сметане,
Все время скатываясь вбок.
За ней бегут вдогонку сани,
Но не дается колобок.

1958

После вьюги
После угомонившейся вьюги
Наступает в округе покой.
Я прислушиваюсь на досуге
К голосам детворы за рекой.

Я, наверно, не прав, я ошибся,
Я ослеп, я лишился ума.
Белой женщиной мертвой из гипса
Наземь падает навзничь зима.

Небо сверху любит лепкой
Мертвых, крепко придавленных век.
Всё в снегу: двор, и каждая щепка,
И на дереве каждый побег.

Лед реки, переезд и платформа,
Лес, и рельсы, и насыпь, и ров
Отлились в безупречные формы
Без неровностей и без углов.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Ночью, сном не успевши забыться,

В просветленьи вскочивши с софы,
Целый мир уложить на странице,
Уместиться в границах строфы.

Как изваяны пни, и коряги,
И кусты на речном берегу,
Море крыш возвести на бумаге,
Целый мир, целый город в снегу.

1957

Вакханалия
Город. Зимнее небо.

Тьма. Пролеты ворот.
У Бориса и Глеба
Свет, и служба идет.

Лбы молящихся, ризы
И старух шушуны
Свечек пламенем снизу
Слабо озарены.

А на улице вьюга
Все смешала в одно,
И пробиться друг к другу
Никому не дано.

В завываньи бурана
Потонули: тюрьма,
Экскаваторы, краны,
Новостройки, дома,

Ключья репертуара
На афишном столбе
И деревья бульвара
В серебристой резьбе.

И великой эпохи
След на каждом шагу –

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

В толчее, в суматохе,
В метках шин на снегу,

В ломке взглядов, – симптомах
Вековых перемен, –
В наших добрых знакомых,
В тучах мачт и антенн,

На фасадах, в костюмах,
В простоте без прикрас,
В разговорах и думах,
Умиляющих нас.

И в значеньи двояком
Жизни, бедной на взгляд,
Но великой под знаком
Понесенных утрат.

* * *
«Зимы», «зисы» и «татры»,
Сдвинув полосы фар,
Подъезжают к театру
И слепят тротуар.

Затерявшись в метели,
Перекупщики мест
Осаждают без цели
Театральный подъезд.

Все идут вереницей,
Как сквозь строй алебард,
Торопясь протесниться
На «Марию Стюарт».

Молодежь по записке
Добывает билет
И великой артистке
Шлет горячий привет.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

* * *

За дверьми еще драка,

А уж среди темноты

Вырастают из мрака

Декораций холсты.

Словно выбежав с танцев

И покинув их круг,

Королева шотландцев

Появляется вдруг.

Все в ней жизнь, все свобода,

И в груди колотье,

И тюремные своды

Не сломили ее.

Стрекозою такую

Родила ее мать

Ранить сердце мужское,

Женской лаской пленять.

И за это, быть может,

Как огонь горяча,

Дочка голову сложит

Под рукой палача.

В юбке пепельно-сизой

Села с краю за стол.

Рампа яркая снизу

Льет ей свет на подол.

Нипочем вертихвостке

Походений угар,

И стихи, и подмости,

И Париж, и Ронсар.

К смерти приговоренной,

Что ей пища и кров,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Рвы, форты, бастионы,

Пламя рефлекторов?

Но конец героини
До скончания времен
Будет славой отныне
И молвой окружен.

* * *

То же бешенство риска,
Та же радость и боль
Слили роль и артистку,
И артистку и роль.

Словно смелость премьерши
Через столько веков
Помогает умершей
Убежать из оков.

Сколько надо отваги,
Чтоб играть на века,
Как играют овраги,
Как играет река,

Как играют алмазы,
Как играет вино,
Как играть без отказа
Иногда суждено,

Как игралось подростку
На народе простом
В белом платье в полоску
И с косою жгутом.

* * *

И опять мы в метели,
А она все метет,
И в церковном приделе
Свет, и служба идет.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Где-то зимнее небо,

Проходные дворы,
и окно ширпотреба
Под горой мишуры.

Где-то пир, где-то пьянка,
Именинный кутеж.
Мехом вверх, наизнанку
Свален ворох одеж.

Двери с лестницы в сени,
Смех и мнений обмен.
Три корзины сирени.
Ледяной цикламен.

По соседству в столовой
Зелень, горы икры,
В сервировке лиловой
Семга, сельди, сыры,
и хрустенье салфеток,
и приправ острота,
и вино всех расцветок,
и всех водок сорта.

И под говор стоустый
Люстра топит в лучах
Плечи, спины и бюсты
и сережки в ушах.

И смертельной картечи
Эти линии рта,
Этих рук бессердечье,
Этих губ доброта.

* * *

И на эти-то дива
Глядя, как маниак,
Кто-то пьет молчаливо

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

До рассвета коньяк.

Уж над ним межеумки

Проливают слезу.

На шестнадцатой рюмке

Ни в одном он глазу.

За собою упрочив

Право зваться немым,

Он среди женщин находчив,

Среди мужчин – нелюдим.

В третий раз разведенец

И, дожив до седин,

Жизнь своих современниц

Оправдал он один.

Дар подруг и товарок

Он пустил в оборот

И вернул им в подарок

Целый мир в свой черед.

Но для первой же юбки

Он порвет повода,

И какие поступки

Совершит он тогда!

* * *

Среди гостей танцовщица

Помирает с тоски.

Он с ней рядом садится,

Это ведь двойники.

Эта тоже открыто

Может лечь на ура

Королевой без свиты

Под удар топора.

И свою королеву

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Он на лестничный ход
От печей перегрева
Освежиться ведет.

Хорошо хризантеме
Стыть на стуже в цвету.
Но назад уже время –
В духоту, в тесноту.

С табаком в чайных чашках
Весь в окурках буфет.
Стол в конфетных бумажках.
Наступает рассвет.

И своей балерине,
Перетянутой так,
Точно стан на пружине,
Он шнурует башмак.

Между ними особый
Распорядок с утра,
И теперь они оба
Точно брат и сестра.

Перед нею в гостиной
Не встает он с колен.
На дела их картины
Смотрят строго со стен.

Впрочем, что им, бесстыжим,
Жалость, совесть и страх
Пред живым чернокнижьем
В их горячих руках?

Море им по колено,
И в безумьи своем
Им дороже вселенной

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Миг короткий вдвоем.

* * *

Цветы ночные утром спят,
Не прошибает их поливка,
Хоть выкати на них ушат.
В ушах у них два-три обрывка
Того, что тридцать раз подряд
Пел телефонный аппарат.
Так спят цветы садовых гряд
В плену своих ночных фантазий.
Они не помнят безобразья,
Творившегося час назад.
Состав земли не знает грязи.
Все очищает аромат,
Который льет без всякой связи
Десяток роз в стеклянной вазе.
Прошло ночное торжество.
Забыты шутки и проделки.
На кухне вымыты тарелки.
Никто не помнит ничего.

1957

За поворотом
Насторожившись, начеку
У входа в чашу,
Щебечет птичка на суку
Легко, маняще.

Она щебечет и поет
В преддверьи бора,
Как бы оберегая вход
В лесные норы.

Под нею – сучья, бурелом,
Над нею – тучи,
В лесном овраге, за углом –
Ключи и кручи.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Нагромождением пней, колод
Лежит валежник.

В воде и холоде болот
Цветет подснежник.

А птичка верит, как в зарок,
В свои рулады
И не пускает на порог
Кого не надо.

* * *
За поворотом, в глубине
Лесного лога,
Готово будущее мне
Верней залога.

Его уже не втянешь в спор
И не заластишь.

Оно распахнуто, как бор,
Все вглубь, все настезь.

1958

Все сбылось
Дороги превратились в кашу.

Я пробираюсь в стороне.
Я с глиной лед, как тесто, квашу,
Плетусь по жидкой размазне.

Крикливо пролетает сойка
Пустующим березняком.
Как неготовая постройка,
Он высится порожняком.

Я вижу сквозь его пролеты
Всю будущую жизнь насквозь.
Все до мельчайшей доли сотой
В ней оправдалось и сбылось.

Я в лес вхожу, и мне не к спеху.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Пластами оседает наст.

Как птице, мне ответит эхо,
Мне целый мир дорогу даст.

Среди размокшего суглинка,
Где обнажился голый грунт,
Щебечет птичка под сурдинку
С пробелом в несколько секунд.

Как музыкальную шкатулку,
Ее подслушивает лес,
Подхватывает голос гулко
И долго ждет, чтоб звук исчез.

Тогда я слышу, как верст за пять,
У дальних землемерных вех,
Хрустят шаги, с деревьев капит
И шлепается снег со стрех.

1958

Пахота
Что случилось с местностью всегдашней?

С земли и неба стерта грань.
Как клетки шашечницы, пашни
Раскинулись, куда ни глянь.

Пробороненные просторы
Так гладко улеглись вдали,
Как будто выровняли горы
Или равнину подмели.

И в те же дни единым духом
Деревья по краям борозд
Зазеленели первым пухом
И выпрямились во весь рост.

И ни соринки в новых кленах,
И в мире красок чище нет,
Чем цвет берез светло-зеленых

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

И светло-серых пашен цвет.

1958

Поездка

На всех парах несется поезд,

Колеса вертит паровоз.

И лес кругом смолист и хвоист,

И что-то впереди еще есть,

И склон березами порос.

И путь бежит, столбы простерши,

И треплет кудри контролерши,

И воздух делается горше

От гари, легкой под откос.

Беснуются цилиндр и поршень,

Мелькают гайки шатуна,

И тенью проплывает коршун

Вдоль рельсового полотна.

Машина испускает вздохи

В дыму, как в шапке набекрень,

А лес, как при царе Горохе,

Как в предыдущие эпохи,

Не замечая суматохи,

Стоит и дремлет по сей день.

И где-то, где-то города

Вдали маячат, как бывало,

Куда по вечерам устало

Подвозят к старому вокзалу

Новоприбывших поезда.

Туда толпою пассажиры

Текут с вокзального двора,

Путейцы, сторожа, кассиры,

Проводники, кондуктора.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Вот он со скрытностью сугубой

Ушел за улицы изгиб,
Вздывая каменные кубы
Лежащих друг на друге глыб.
Афиши, ниши, крыши, трубы,
Гостиницы, театры, клубы,
Бульвары, скверы, купы лип,
Дворы, ворота, номера,
Подъезды, лестницы, квартиры,
Где всех страстей идет игра
Во имя переделки мира.

1958

Женщины в детстве
В детстве, я как сейчас еще помню,
Высунешься, бывало, в окно,
В переулке, как в каменоломне,
Под деревьями в полдень темно.

Тротуар, мостовую, подвалы,
Церковь слева, ее купола
Тень двойных тополей покрывала
От начала стены до угла.

За калитку дорожки глухие
Уводили в запущенный сад,
И присутствие женской стихии
Облекало загадкой уклад.

Рядом к девочкам кучи знакомых
Заходили и толпы подруг,
И цветущие кисти черемух
Мыли листьями рамы фрамуг.

Или взрослые женщины в гневе,
Разбранившись без обиняков,
Вырастали в дверях, как деревья
По краям городских цветников.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Приходилось, насупившись букой,
щебет женщин сносить словно бич,
чтоб впоследствии страсть, как науку,
Обожанье, как подвиг, постичь.

Всем им, вскользь промелькнувшим где-либо
И пропавшим на том берегу,
Всем им, мимо прошедшим, спасибо,
Перед ними я всеми в долгу.

1958

После грозы
Пронесшейся грозой полон воздух.
Все ожило, все дышит, как в раю.
Всем роспуском кистей лиловогроздых
Сирень вбирает свежести струю.

Все живо переменою погоды,
Дождь заливает кровель желоба,
Но все светлее неба переходы
И высь за черной тучей голуба.

Рука художника еще всесильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль.
Преображенной из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль.

Воспоминание о полувеке
Пронесшейся грозой уходит вспять.
Столетье вышло из его опеки.
Пора дорогу будущему дать.

Не потрясенья и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.

1958

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Зимние праздники
Будущего недостаточно.

Старого, нового мало.

Надо, чтоб елкою святочной
Вечность средь комнаты стала.

Чтобы хозяйка утыкала
Россыпью звезд ее платье,
Чтобы ко всем на каникулы
Съехались сестры и братья.

Сколько цепей ни примеривай,
Как ни возись с туалетом,
Все еще кажется дерево
Голым и полуодетым.

Вот, трубочиста замаранней,
Взбив свои волосы клубом,
Елка напыжилась барыней
В нескольких юбках раструбом.

Лица становятся каменной,
Дрожь пробегает по свечкам,
Струйки зажженного пламени
Губы сжимают сердечком.

* * *

Ночь до рассвета просижена.
Весь содрогаясь от храпа,
Дом, точно утлая хижина,
Хлопает дверцею шкапа.

Новые сумерки следуют,
День убавляется в росте.
Завтрак проспавши, обедают
Заночевавшие гости.

Солнце садится, и пьяницей
Издали, с целью прозрачной

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Через оконницу тянется

К хлебу и рюмке коньячной.

Вот оно ткнулось, уродина,
В снег образиною пухлой,
Цвета наливки смородиновой,
Село, истлело, потухло.

1959

Божий мир
Тени вечера волоса тоньше

За деревьями тянутся вдоль.

На дороге лесной почтальонша

Мне протягивает бандероль.

По кошачьим следам и по лисьим,

По кошачьим и лисьим следам

Возвращаюсь я с пачкою писем

В дом, где волю я радости дам.

Горы, страны, границы, озера,

Перешейки и материки,

Обсужденья, отчеты, обзоры,

Дети, юноши и старики.

Достоцитимые письма мужские!

Нет меж вами такого письма,

Где свидетельства мысли сухие

Не выказывали бы ума.

Драгоценные женские письма!

Я ведь тоже упал с облаков.

Присягаю вам ныне и присно:

Ваш я буду во веки веков.

Ну, а вы, собиратели марок!

За один мимолетный прием,

О, какой бы достался подарок

Вам на бедственном месте моем!

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

1959

Единственные дни
На протяженьи многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу –
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет,
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день
И не кончается объятье.

1959

Стихотворения, не включенные в основное собрание
* * *
За обрывками редкого сада,
За решеткой глухого жилья,
Раскатившеюся эспланадой
Перед небом – пустая земля.

Прибывают немые широты,
Убыл по миру пущенный гул,
Как отсроченный день эшафота,
Горизонт в глубину отшагнул.

Дети дня, мы сносить не привыкли
Этот запада гибнущий срок,
Мы, надолго отлившие в тигле
Обиходный и легкий восток.

Но что скажешь ты, вздох понаслышке,
На зачатый тобою прогон,
Когда, ширью грудного излишка
Нагнетаем, плывет небосклон?

1913

* * *

Это мои, это мои,

Это мои непогоды –

Пни и ручьи, блеск колеи,

Мокрые стекла и броды,

Ветер в степи, фыркай, храпи,

Наотмашь брызги и фыркай!

Что тебе сплин, ропот крапив,

Лепет холстины по стирке.

Платья, кипя, лижут до пят,

Станы гусей и полотниц,

Рвутся, летят, клонят канат,

Плещут в ладони работниц.

Ты и тоску порешь в лоскут,

Порешь, не знаешь покром,

Вот они там, вот они тут,

Ключьями кочки покромют.

1916

* * *

Будущее! Облака встрепанный бок!

Шапка седая! Гроза молодая!

Райское яблоко года, когда я

Буду, как Бог.

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

Я уже пережил это. Я предал.
Я это знаю. Я это отведал.
Зоркое лето. Безоблачный зной.
Жаркие папоротники. Ни звука.
Муха не сядет. И зверь не сигнет.
Птица не порхнет – палящее лето.
Лист не шелохнет – и пальмы стеной.
Папоротники и пальмы, и это
Дерево. Это, корзины ранета
Раненой тенью вонзенное в зной,
Дерево девы и древо запрета.
Это и пальмы стеною, и «Ну-ка,
Что там, была не была, подойду-ка».
Пальмы стеною и кто-то иной,
Кто-то, как сила, и жажда, и мука,
Кто-то, как хохот и холод сквозной –
По лбу и в волосы всей пятерней, –
И утюгом по лужайке – гадюка.
Синие линии пиний. Ни звука.
Папоротники и пальмы стеной.

1931

* * *

Все наклоненья и залогии

Изжеваны до одного.

Хватить бы соды от изжоги!

Так вот итог твой, мастерство?

На днях я вышел книгой в Праге.

Она меня перенесла

В те дни, когда с заказом на дом

От зарев, догоравших рядом,

Я верил на слово бумаге,

Облитой лампой ремесла.

Бывало, снег несет вкрутую,

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Что только в голову придет.

Я сумраком его грунтую
Свой дом, и холст, и обиход.

Всю зиму пишет он этюды,
И у прохожих на виду
Я их переносу оттуда,
Таю, копирую, краду.

Казалось альфой и омегой –
Мы с жизнью на один покров;
И круглый год, в снегу, без снега,
Она жила, как alter ego[9],
И я назвал ее сестрой.

Землею был так полон взор мой,
Что зацветал, как курослеп
С сурепкой мелкой неврасцеп,
И пил корнями жженный, черный
Цикорный сок густого дерна,
И только это было формой,
И это – лепкою судеб.

Как вдруг – издание из Праги.
Как будто реки и овраги
Задумали на полчаса
Наведаться из грек в варяги,
В свои былые адреса.

С тех пор все изменилось в корне.
Мир стал невиданно широк.
Так революции ль порок,
Что я, с годами все покорней,
Твержу, не знаю чей, урок?

Откуда это? Что за притча,
Что пепел рухнувших планет

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru
Родит скрипичные каприччо?

Талантов много, духу нет.

* * *

Поэт, не принимай на веру

Примеров Дантов и Торкват.

Искусство – дерзость глазомера,

Влечение, сила и захват.

Тебя пилили на поленья

В года, когда в огне невзгод

В золе народонаселенья

Оплавилось ядро: народ.

Он для тебя вода и воздух,

Он – прежний лютик луговой,

Копной черемух белогроздых

До облак взмывший головой.

Не выставляй ему отметок.

Растроганности грош цена.

Грозой пади в объятья веток,

Дождем обдай его до дна.

Не умиляйся, – не подтянем.

Сгинь без вести, вернись без сил.

И по репьям и по плутаньям

Поймем, кого ты посетил.

Твое творение не орден:

Награды назначает власть.

А ты – тоски пеньковой гордень,

Паренья парусного снасть.

1936

Примечания

1 Человек разумный (лат.).

2 Лопатки – стручки гороха.

3 Доведь – шашка, проведенная в край поля, в дамы. (Примеч. Б. Пастернака.)

4 Любимая, что тебе еще угодно? (нем.)

Во всем мне хочется дойти до самой сути... Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.ru

5 Вино веселья, вино грусти (фр.).

6 Кратко (итал.), укороченный счет 2/2 (муз.).

7 «Туда!», «Туда!» (нем.)

8 Форейтор в старом народном произношении. (Примеч. Б. Пастернака.)

9 Другое «я», двойник (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://pasternakboris.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!